

ГЭВ ТОРН
ПУТЬ
ВОЦНА

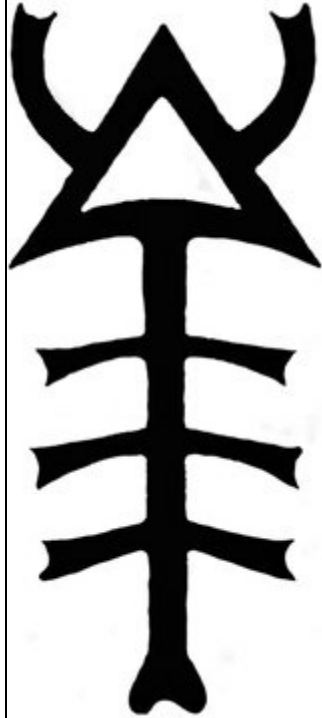
WARHAMMER
40,000

Annotation

Эльдары --- таинственная древняя раса, каждый представитель которой посвящает свою жизнь избранному пути, определяющему его судьбу. Корландриль оставляет мирную жизнь ради Пути Воина, чтобы посвятить себя искусству смерти и разрушения. Он избирает воинский аспект Жалящего Скорпиона, и это означает превращение в безжалостного убийцу, мастера ближнего боя. Но чем дальше Корландриль идет по этому пути, тем больше теряет себя и превращается в абсолютное воплощение войны.

- Гэв Торн
 -
 - ПРОЛОГ
 - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
 - ДРУЖБА
 - ШЕДЕВР
 - СУДЬБА

- ОТКАЗ
 - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
 - СРЕДОТОЧИЕ
 - ГНЕВ
 - СТРАХ
 - БОЛЬ
 - СОНЕРНИЧЕСТВО
 - ЛОВУШКА
 - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
 - НАСЛЕДИЕ
 - ВОЗРОЖДЕНИЕ
 - ПРЕВРАЩЕНИЕ
 - ВОЙНА
 - СМЕРТЬ
 - ОБ АВТОРЕ
-

Гэв Торн ПУТЬ ВОИНА

Посвящается Джезу и
White Dwarf 127, которые
отправили меня по Пути.

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император
недвижит на Золотом Троне Терры. Он —
Повелитель Человечества и властелин
тириагов планет, завоеванных
могуществом Его неисчислимых армий. Он
— полутруп, неуповимую искру жизни в
котором поддерживают древние
технологии, ради чего ежедневно
приносится в жертву тысяча душ. У
поэтомү Владыка Империиүма никогда не
утирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии
Император продолжает миссию, для
которой появился на свет. Могучие боевые
флоты пересекают кишачий демонами
варн, единственный путь между далекими

звездами, и путь этот освещен
Астрономиконотом, зримым проявлением
духовной воли Императора. Огромные
армии сражаются во имя Его на
бесчисленных мирах. Величайшие среди
его солдат — Агентус Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:
Имперская Гвардия и бесчисленные Силы
Планетарной Обороны, вечно бдительная
Инквизиция и техножрецы Агентус
Механикус. Но, несмотря на все старания,
их сил едва хватает, чтобы сдерживать
извечную угрозу со стороны ксеносов,
еретиков, мутантов. И много более
опасных врагов.

Быть человеком в такое время —
значит быть одним из миллиардов. Это
значит жить при самом жестоком и
кровавом режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных

прогрессом, о взаимопонимании, ибо во
траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие, да стех жаждущих богов.

Жизнь для нас — то же, чем
Линнианский Лабиринт был для
Ультанаша, его таинственные проходы
ведут и к изумительным видам, и к
кошмарным встречам. Каждый из нас
должен идти по этому лабиринту в
одиночку, следуя по стопам тех, кто
прошел раньше, но в то же время и
прокладывая новые пути сквозь лабиринт
существования.

В прошлом нас притягивали самые
трачные тайны, и мы просто с ума
сходили из-за лабиринта, стремясь
испытать все, что он мог предложить.
Как личности и как цивилизация мы
сбились с пути и тем самым сделали
возможной свою гибель, безудержное,
лишенное ограничений исследование
привело нас во тьму Грехопадения.

В наступившей вслед за этим
пустоте нам был явлен новый образ жизни:

Путь. Благодаря мудрости Пути мы проводим свою жизнь, исследуя смысл существования, перемещаясь из одной части лабиринта в другую дисциплинированно и под руководством, чтобы больше никогда не потеряться. Следуя по Пути, мы переживаем во всей полноте любовь и ненависть, неурядицы и несчастья, вожделение и чистоту, набираясь жизненного опыта и обретая удовлетворение, но никогда не поддаваясь теньям, которые таятся в наших мыслях.

Но, как и все путешествия, Путь у каждого из нас свой. Огни посещают много мест, но нигде не задерживаются надолго, тогда как другие подолгу остаются в одном месте, чтобы исследовать каждый закоулочек и поворот, некоторые из нас теряют направление и покидают Путь навремя, или навсегда, а кое-кто попадает в тупик и остается в ловушке.

Кисадурас-отшельник.
Предисловие к
«Самопознанию на
пути к совершенству»

ПРОЛОГ

Голубое солнце отражалось в безмятежных водах озера, в то время как желтое солнце — его компаньон — проглядывало над верхушками деревьев с багряной листвой, которые окружали озеро вдоль водной кромки. Над озерной гладью носились алые и черные птицы, стрекода крыльями и щелкая глиняными клювами над насекомыми, лишь эти звуки, да щебечущая птичья перекличка нарушали царившее безмолвие.

У самой воды вздымалось белокаменное здание, его глиняная, украшенная колоннадой терраса распростерлась над озером на толстых сваях. Основная часть строения, за портиком, высилась среди деревьев, квадратная в основании, с двухъярусными башнями по углам. Из отверстий в стене лениво поднималась струйка дыма, легкий ветерок разносил его по лесу. Верхние этажи были изрезаны узкими окнами, которые были прикрыты деревянными

ставнями, выкрашенными в красный цвет, под каждым окном из стены выступал балкончик.

Вооруженные люди стояли на страже в высоких дверных проемах и патрулировали проходы вдоль крыш, покрытых красной черепицей. Стражники были одеты в свободные брюки, заправленные в ботинки до колен, объемистые алые куртки с золотыми пуговицами и галунами. На головах у них были черные капюшоны, дымчатые защитные очки защищали глаза от странного света местных солнц. Совершая обходы, они болтали друг с другом, очевидно, полагая, что все идет, как надо.

Лишь легчайшая рябь пробежала по водной глади, когда из озера выскользнули пять фигур в зеленых доспехах, по изогнутым пластинам которых скатывались серебристые капельки влаги. Они были вооружены пистолетами и ценными мечами. Воины-эльдары беззвучно достигли террасы и затаились в тени колонн, оставаясь невидимыми группе стражей у входа.

Припав к земле, они терпеливо ждали.

В небе протелькнула вспышка света, и тяжелый взрыв сотряс фасады здания, высоко в небо взметнулись осколки камней и расколота черепица. Мгновением позже облака прожег другой луч, и прогремевший взрыв, превратив в тучу пыли огню из башен, усыпал искалеченными телами тщательно подстриженную лужайку перед домом.

В дальнем конце парка из-за деревьев показались фигуры в черных доспехах с глиняными пусковыми ракетными установками в руках. Из пульсирующей вспышки огня вырвался залп реактивных снарядов в крышу здания, в то же время другие воины бросились вперед через цветочные клумбы, перепрыгивая через каменные скамьи, проскакивая сквозь журчащие фонтаны.

Кенайнат, экзарх Храма Смертельной Тени, не отрывая взгляда от солдат у дверей, сделал знак своим Жалящим Скорпионам оставаться в

затемненном месте у портика, обращенного к озеру. Как и предполагалось, стражи, взяв наперевес винтовки, оставили свой пост и ринулись навстречу атакующим из парка. Когда они пробежали мимо, Кенайнат рванулся вперед, и его излучающая энергию силовая клешня вспорола затылок ближайшего к нему человека.

Его воины последовали за ним, их пистолеты извергали потоки мономолекулярных дисков, ценные мечи и пули. Застигнутые врасплох, солдаты были обречены, они полезли на месте в считанные мгновения, изрубленные, вынотрошенные или обезглавленные клинками Жалаящих Скорпионов.

Кенайнат припал к земле меж тропов солдат, выискивая признаки опасности, он внимательно осматривал местность сквозь красные линзы шлема. Другие воины эльдаров -- Зловещие Мстители в синих с золотом доспехах -- перепрыгнули через террасу и присоединились к отряду. Вместе они направились к заднему входу.

Внезапный скрип и легкое движение

ставни одного из окон первого этажа предупредили Кенайната об опасности. В тот миг, когда ставни распахнулись, он прыгнул под прикрытие цветочного вазона, и его воины молниеносно последовали за ним.

Толстый ствол пулемета пробил оконные стекла, и галерея озарилась ярким пульсирующим светом из его дула. Пули завывали и отскакивали рикошетом вокруг Жалящих Скорпионов, наполнив воздух осколками камня и щепками от цветочного вазона. Цынятерин за спиной эказарха вскрикнул от боли. Зловещие Истители, открыв ураганный ответный огонь по окну из своих сюрикеновых катапульт, изрешетили стрелка, и он с пронзительным воплем рухнул назад.

Бросив взгляд через плечо, Кенайнат увидел, что Цынятерин лежит, растянувшись на белом камне, его доспехи пронзен глинной щепой, а из глубокой раны в горле хлещет яркая кровь. В считанные мгновения жизнь покинула воина, и его тело застыло в расплывающейся красной луже.

Окна здания продолжали сотрясать взрывы --- справа от Кенайната эльдары пробивались в здание. Сквозь разбитое вдребезги окно эзарх увидел гибкие фигуры несущихся по проходу Воющих Баныши, из-под масок которых раздавались жуткие пронзительные крики.

Кенайнат дал сигнал своему отряду вновь направиться к дверям и бросил еще один взгляд на своего павшего воина. Он не испытывал никакого сожаления, чувства вины или раскаяния были ему неведомы. Те, кто следуют по Пути Воина, хорошо знакомы со смертью. Отряд Кенайната сократился из-за этой потери, но, глядя на неуклюже распростертое тело, он понимал, что Смертельная Тень ослаблена ненадолго.

Вселенная стремится к гармонии и равновесию и, как утверждали философы, не выносит пустоты. Место Иньятерина займет кто-то другой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХУДОЖНИК

ДРУЖБА

Во времена, предшествовавшие Войне в Небесах, Эльданеш, копьеносец, ястребиный груг, лорд эльдаров, встретился с войсками Хреш-селена. Эльданеш был величайшим из эльдаров, а его копье — лучшим оружием, выкованным смертными, но у короля Хреш-селена было много воинов. Пусть Эльданеш и был лордом эльдаров, и знал, что защищать их — это лишь его и только его бремя, он понимал в то же время, что в одиночку ему не одержать победы. Он обратился к Ультанашу, второму величайшему воину эльдаров, меченосцу, вороньему гругу, и попросил его помощи в битве с Хреш-селеном. Вместе сражались Эльданеш и Ультанаш, и против их мастерства и силы Хреш-селен не выстоял.

— Да будет так всегда, — изрек Эльданеш, — когда ожидают нас самые тягостные испытания, пусть встанут рядом гругья наши.

Звезда утирала.

Эльдары называли ее Мирианатир, Мать Пустынных Ветров. Темно-оранжевая, она висела на темном небосводе, ее поверхность терзали неистовые протуберанцы и бушующие электромагнитные ветры. Из нее исходили потоки частиц, и вылески энергии докатывались до ближайших планет, причиняя детям Мирианатир страдания своими смертоносными прикосновениями. Пустынными они висели вокруг нее. Она утирала уже миллион лет и будет продолжать утирать еще столько же.

И все же ее смерть несла жизнь другим.

Эльдараг.

Отываемый радиоактивным сиянием смертельных луч Мирианатир, на звездных ветрах плыл мир-корабль — рукотворный дископодобный континент с ярко светящимися куполами и серебристыми энергетическими парусами, изогнутыми дугой мостами и сверкающими башнями. Развернув крылья,

мир-корабль впитывал жизнетворную энергию, подобно неорганическому растению с зеркальными листьями глиной в сотню километров. Залитый красноватым светом умирающей звезды, мир-корабль Алайток поглощал все, что могла предложить Мурианатир, не выпуская ни единой частицы, ни звездного ветра, все это при участии души его Бесконечного круговорота должно поддерживать мир-корабль еще тысячу лет.

Кости́ческое пространство вокруг Алайтока было так же наполнено движением и энергией, как и звезда, которой он питался. Проносились мимо и сворачивали корабли, ложась на курсы поперек звездных ветров и пополняя собственные запасы энергии. Врата Путеводной Паутины — портал в пространство между материальным и нематериальным позади мира-корабля — закручивались вихрем и пульсировали. Торговые суда с глиняными рифлеными корпусами плавно скользили в портал, другие такие же выныривали из него, тут

и там рыскали иссиня-черные,
отливающие серебром эстинцы с
заряженными орудийными батареями и
торпедными аппаратами, среди скопления
судов сновали небольшие яхты,
неторопливо и размеренно перемещались
сквозь этот упорядоченный сүмбүр
величественные боевые корабли.

Врата Путеводной Паутины,
наполненные золотистым светом, на
мгновение расширились, и из пустоты
возник «Лаконтиран», напоминающая
птицу торговая шхуна, которая только
что вернулась из долгого странствия к
звездам Бесконечной Долины. Растягивая
свои солнечные паруса, она легко повернула
вдоль обращенной к звездам стороны мира-
корабля и взяла курс на Башню Вечного
Рагүшия.

Причальная башня, окутанная
голубоватым свечением, которое не
подпускало страждущую пустоту космоса,
вздыгалась над плоской поверхностью
мира-корабля на пять километров.
Подобно витому рогу нарвала, башня
завивалась спиралью в темноту, на ее

элегантных мостиках и изгибающихся дорожках стояли сотни фигур. Поприветствовать корабль, который возвращался из долгого странствия, пришли эльдары, идущие всеми Путьми: поэты, инженеры, автархи, садовники, ясновидцы, аспектные воины, стилисты и картографы. Представители самых разных сфер деятельности, они были одеты в пышные тяжелые одеяния, или блистающие костюмы в обтяжку, или струящиеся туники невероятного цветового разнообразия. Желтыми и красными волнами плескались шарфы, над торел изысканно подстриженных голов возвышались шлемы с высокими плюмажами. В свечении мира-корабля всеми цветами радуги сверкали драгоценности, искрились серебряные, золотые и платиновые кольца и ожерелья.

Эльдары непринужденно прохаживались, обнимая старых друзей, обмениваясь любезностями с новыми знакомыми, следуя своей дорогой и никогда не посягая на личное пространство другого. Их голоса сливались в звуковую симфонию.

столь же похожую на шум толпы, сколь
звучание целого оркестра схоже с лепетом
ребенка. Они говорили друг с другом и
собравшись в круг, и через голову невучими
голосами с выверенными до нотки
интонациями, с продуманной и четкой
жестикүляцией. Некоторые из них
хранили молчание, и позы, которые они
принимали, передавали их мысли: слегка
приподняв бровь, подрагивая губой или
поводя пальцем, они проявляли свое
беспокойство или возбүждение, радость
или опасение.

Посреди этой бүрлящей күрвоверти
стоял Корландриль. Мантия из сияющего
шелковистого золота, открытая спереди,
окүтывала его стройную фигуру, сотни
тончайших цепочек всевозможных цветов
украшали шею и запястья -- казалось, что
его руки и лицо укуты миниатюрными
радугами. Его глинные черные волосы были
заплетены в перекинутую через левое
плечо сложную косу, ее удерживали на
месте голоповязки, в которых сапфиры
постоянно затенялись бриллиантами, а
те, в свою очередь, -- изумрудными и далее --

всеми другими прекрасными камнями, известными эльдарам. Он потратил много времени, создавая себе образ, соответствующий эстетике Арестейна, и долго рассматривал результаты своих усилий в зеркальном поле, зная, что его спутница равнодушна к работам древнего художника.

Она, Тирианна, была одета проще: в белое платье глиной по лодыжки, со складками ниже колен, с изысканной светло-серой, словно тень облака, вышивкой, без рукавов, оставляющее открытыми бледные руки, покрытые волнистыми рисунками хной. На плечи она накинута прозрачный газовый шарф, ниспадающий красными и белыми кольцами на ее руки и грудь. Две лазурные нити в белых, окрашенных в тон платью, волосах обрамляли ее узкое лицо, подчеркивая темно-синий цвет глаз. Ее путеводный камень, также темно-синего цвета, обращенный в белое серебро, висел на изящной цепочке из того же металла.

Корландриль смотрел на Тирианну, в то время как глаза всех остальных

эльдаров были обращены на звездный корабль, который грациозно скользил вдоль изгибающейся пешеходной дорожки причала. Пятнадцать дней прошло с той поры, как он в последний раз видел ее — на пятнадцать дней больше, чем нужно, слишком долгий срок вдали от ее красоты и чувств, ее улыбки, волнующей душу. Он лелеял надежду, что она заметит, какое внимание он уделил своему внешнему виду, но она пока никак не высказалась по этому поводу.

Корландриль заметил и напряженность, и легчайший отблеск влаги в том взгляде, который она не сводила с приближающегося корабля, и уловил дрожь волнения, пронизавшую ее тело. Он не знал, что было тому виной: то ли торжественная атмосфера события, то ли какая-то более личная, более глубокая радость взволновала сердце Тирианны. Возможно, возвращение Арадриана вызвало у нее более сильные чувства, чем это могло понравиться Корландрилю. Эта мысль разбегала душу Корландриля, змея распустила свои

кольца. Он понимал, что его ревность неоправданна и что он не заявлял о своих притязаниях на Тирианну, но тем не менее, даже отчетливо осознав это, ему не удалось подавить чувства, что шевельнулись в его душе.

Оправленный в золото, опаловый овал путевого камня Корландриля теплел на его груди, и его жар проникал сквозь ткань мантии. Подобно предупредительному световому сигналу на дисплее корабля, возбуждение путевого камня заставило Корландриля застыть на мгновение. Его ревность не только неуместна, но и опасна. Он загнал это чувство в тайники своего разума, с тем чтобы разобраться с ним позже, когда это станет безопасным.

Мысли об Арадриане напомнили Корландрилю, зачем он появился на башне: приветствовать возвращение старого друга. Если бы Тирианна хотела быть с Арадрианом, она отправилась бы с ним в это странствие. Корландриль выбросил из головы свои страхи в отношении чувств к Тирианне, и обнаружил, что он также жаждет встретить их возвращающегося

товарища. Элея внутри него опустила голову и вновь уснула в ожидании благоприятного момента.

В корнүсе «Лаконтирана» открылась дюжина шлюзов, из которых засиял радужный свет и понесся вдоль изогнутого дока отдающий запахом меда легкий ветерок. Из высоких сводчатых проходов потянулись извилистые очереди --- пассажиры и члены экипажа высаживались с корабля. Чтобы выглянуть над головами эльдаров, стоящих впереди, Тирианна вытянулась во весь рост, без усилий балансируя на цыпочках и слегка отведя одну руку в сторону, чтобы сохранить равновесие.

Первым высмотрел Арагриана своим острым взором Корлангриль, и по его телу пробежал легкий трепет удовольствия от одержанной победы, хотя ни о каком состязании между ними не было и речи.

--- Вот он, наш скиталец вернулся к нам, словно Антемион с Золотой Арфой, --- произнес Корлангриль, указывая на дорожку слева от них, на кратчайший миг прикоснувшись пальцами к обнаженной

руке Тирианны, чтобы привлечь ее внимание.

Хотя Корландриль сразу узнал его --- по худым щекам и тонким губам, которые остались прежними, Арадриан сильно изменился с той поры, как покинул Алайток. Его голова слева была острижена по-варварски коротко, почти наголо, а справа вьющиеся волосы свисали вислокоченными, неухоженными лохматями. Темные тени на веках сделали его пронзительно пылающие глаза впалыми, а лицо --- похожим на череп. Одет он был в темно-синее и черное, его обволакивали длинные полосы сутеречного света. Свой ярко-желтый путеводный камень он носил как брошь, почти скрытую складками мантии. Суровый взгляд Арадриана упал на Корландриля, а затем --- на Тирианну, и его мрачная резкость сменялась вспышкой радости. Арадриан помахал рукой в знак приветствия и направился к ним, непринужденно лавируя сквозь толпу.

--- С удачным возвращением! --- провозгласил Корландриль, открыв объятия в приветствии и развернув ладони

к лицу Арагуриана. — И счастливым воссоединением.

Тирианна обошлась вовсе без слов, она слегка прикоснулась тыльной стороной ладони к щеке Арагуриана и положила свои тонкие пальцы на его плечо. Арагуриан сделал то же с Тирианной, вызвав вспышку ревнивой досады у Корлангриля, которую он из всех сил попытался скрыть. Змея у него внутри с интересом приоткрыла глаза, но Корлангриль вновь подчинил ее своей воле. Прошло мгновение, и Арагуриан, отступив от Тирианны, положил ладони на руки Корлангриля, на его губах играла кривая улыбка.

— Рад нашей встрече и претного благодарен за радушный прием, — произнес Арагуриан. Корлангриль встатривался в лицо друга в поисках озорного обаяния, которое некогда скрывалось в его взгляде, легкой заразительной ухмылки, которая таилась в каждом движении его губ. От них не осталось и следа. Арагуриан излучал серьезность и искренность, даже сердечность, но Корлангриль обнаружил некую помеху: лицо Арагуриана было сатюю

талость повернуто к Тирианне, а его спина чуть-чуть отклонилась в сторону от Корлангриля.

Даже среди эльдаров такими тончайшими нюансами можно было пренебречь, но Корлангриль посвятил себя Пути Художника и отточил свою наблюдательность и внимание к деталям почти до микроскопического уровня. Он замечал все, запоминал каждый нюанс и оттенок, и из своих глубоких занятий знал, что у всего есть значение, будь то матеренно или нет. Не бывает невинной улыбки или бессмысленного мигания. Любое движение выдает побуждение, и неуловимая сдержанность Арадриана теперь беспокоила Корлангриля.

Корлангриль задержал руки Арадриана в своих на мгновение дольше, чем это было необходимо, надеясь, что акцент на физической стороне приветствия напугает другу об их связи. Если и так, Арадриан не подал никакого знака. С все той же легкой улыбкой он высвободил руки и, сцепив их за спиной, вопросительно поднял брови.

— Расскажите, мои дорогие друзья, которых я так счастлив видеть, что я пропустил?

Троица отправилась по Проспекту Грез, серебристому переходу, который тянулся под тысячью хрустальных арок в самое сердце Алайтока. Тусклый свет Мурианатир, падавший в сводчатое покрытие, преломлялся замысловатым ограненным хрусталем и проливался на пешеходов внизу нежными оранжевыми и розовыми тонами.

Корландриль предложил было подвезти Арадриана до его жилища, но тот отклонил предложение, предпочтя насладиться сполна ощущениями от своего возвращения и случайных встреч с группами эльдаров. Из немого словного рассказа друга Корландриль заключил, что свое путешествие на борту «Лаконтирана» он совершал в основном в одиночестве. С некоторой завистью Корландриль проводил взглядом небольшой антигравитационный катер, который плавно проскользнул мимо них, быстро

унося своих пассажиров к местам назначения. Бүдү он потоложе, его ужаснула бы ленивость, которая властвовала над Корлангрилем-скульптором: приземленные физические усилия отвлекли его от абстрактных размышлений. Однако сейчас такой самоанализ был невозможен, поскольку, стремясь принять всякое влияние извне, впитать в себя все впечатления и переживания чужого тела и разума, он прекратил самоосмысление.

Таковы были размышления художника, приподнятого над обыденностью, кружащегося в звездном свете чистого наблюдения и воображения.

Именно это стремление к восприятию извне побуждало Корлангриля вести главным образом разговор. Он пространно рассуждал о своих произведениях и о том, что происходило на Алайтоке с тех пор, как Арадриан покинул его. Арадриан же, со своей стороны, был весьма лаконичен и отнюдь не цветист в комментариях и ответах, лишая Корлангриля вдохновения и

разочаровывая его артистическую натуру.

Когда же заговорила Тирианна, Корландриль заметил, что Арадриан стал куда более красноречив и, казалось, охотнее говорил о ней, чем о себе.

— Я чувствую, что ты больше не следуешь в тени Кхаина, — произнес Арадриан, глядя на Тирианну и кивая в знак одобрения.

— Это верно, Путь Воина для меня завершен, — задумчиво ответила она, не сводя глаз с Арадриана. — Аспект Зловещих Мстителей утолил мой гнев, и этого хватит на сотню жизней. Я пишу стихи под влиянием поэтической школы Уриатиллина. Я нахожу, что это достаточно сложно, чтобы стимулировать в равной степени и рациональную, и эмоциональную стороны.

— Мне бы хотелось узнать Тирианну-поэта, и, возможно, твои стихи познакомят меня с ней, — заявил Арадриан. — Я бы очень хотел услышать, как ты читаешь их, когда ты сочтешь это возможным.

— У а тоже, — присоединился

Корландриль. -- Тирианна отказывается разделить со мной свое творчество, хотя я много раз предлагал ей посотрудничать в создании произведения, сочетающего ее стихи и мою скульптуру.

-- Мои стихи -- только для меня и ни для кого больше, -- спокойно заметила Тирианна. -- Они -- не для публичного исполнения и не для чужих ушей.

Она бросила на Корландриля взгляд, полный досады.

-- Тогда как некоторые создают свои произведения, чтобы выразить свои мысли и чувства миру, мои стихи -- это сокровенные тайны, и только я должна понять их значение, угадать свои страхи и желания.

Получив упрек, Корландриль было утолк, но сразу почувствовал себя неуютно в наступившей тишине и озвучил вопрос, который не давал ему покоя с той поры, как он услышал о возвращении Арадриана.

-- Ты вернулся на Алайток, чтобы здесь остаться? -- спросил он. -- Ты достаточно побыл рулевым или вернешься на «Лаконтиран»?

— Я только что прибыл, неужели ты так хочешь, чтобы я снова уехал? — ответил Арадриан.

Корландриль открыл было рот, чтобы возразить, но слова испарились — перед ним на мгновение словно возник из прошлого по-прежнему бойкий на язык Арадриан. Скульптор улыбнулся, оценив шутку, и склонил голову, признавая свою роль — тишени для шуток Арадриана.

— Пока еще не знаю, — продолжил Арадриан с задумчивым выражением на лице. — Я научился всему, что мог как рулевой, и чувствую, что достиг совершенства. Исчезла смятница в мыслях. Водить корабль по бурным волнам туманности или по головокружительным каналам Путеводной Паутины — для развития самообладания и сосредоточенности лучшего не найти. В межзвездном пространстве мне довелось повидать много великого, много поразительного, но я чувствую, что там осталось гораздо больше еще ненайденного, нетронутого, неслыханного и неиспытанного. Я могу вернуться на

звездные корабли, могу и не возвращаться. И, разумеется, мне бы хотелось провести некоторое время со своими друзьями и семьей, вновь познать жизнь Алайтока, понять, желаю ли я опять отправиться в странствие или смогу удовлетвориться жизнью здесь.

Тирианна кивнула, соглашаясь со столь мудрым подходом, и даже Корландриль, склонный поддаться иногда опротестчивому порыву, не мог не увидеть плюсов в том, что такое решение будет хорошо взвешенным.

— Ты вернулся весьма вовремя, Арадриан, — заявил он, вновь ощутив необходимость заполнить возникшую в беседе паузу. — Мое последнее произведение близко к завершению. Через несколько дней я устрою торжественное открытие. Для меня будет удовольствием и честью, если вы оба сможете его посетить.

— Я пришла бы, даже если б ты меня не пригласил! — растеялась Тирианна, и ее воодушевление вызвало у Корландриля волнительный трепет. — Твое имя упоминается довольно часто, и на похвалы

при этом не скучаются, а это новое произведение вызвало большие ожидания. Для того, кто хоть в какой-то степени обладает вкусом, было бы просто неприличным пропустить такое событие.

Арадриан ответил не сразу, и по выражению его лица Корландрилю не удавалось понять, о чем думает его друг. словно его лицо закрыли бессмысленной, ничего не выражающей маской.

--- Да, я бы тоже пришел с удовольствием, --- произнес, в конце концов, Арадриан, вновь оживившись. --- Боюсь, мой вкус сильно отстал по сравнению с вашим, но я жажду видеть, что создал Корландриль-скульптор в мое отсутствие.

В первые дни существования эльдаров Азүриан пожаловал Эльданешу и его последователям дар жизни. Он вдохнул в их тела все, чем они должны были стать. Однако в их мире не было больше ничего. Все вокруг было пустынным, и кроме них там не росло ни листочка, не плавала ни одна рыба, не летала ни одна птица, не проходило ни одно животное. Эльданеш был глубоко несчастен от бесплодия дома своего, и пустота его породила в нем еще большую пустоту. При виде его страданий Ушу также охватила печаль. Уша пролила слезу по эльдарам и позволила ей упасть на планету. Там, где она упала, возникла новая жизнь. Из печали Уши возникла радость, ибо мир эльдаров наполнился чудесными вещами, и исчезла пустота. Эльданеша, и он возблагодарил Ушу за ее любовь.

Корландриль чуть не зарычал от досады, но с большим усилием сдержался.

Уставившись на капельку крови, выступившую из крошечного отверстия в его большом пальце, он видел в ней миниатюрное красное отражение своего разъяренного лица. Растерев кровь между большим и указательными пальцами, он обратил свой гнев на маленький шип с окровавленным кончиком, который возник в призрачном камне.

Эта крохотная заноза — простое оскорбление той душевной чуткости, которую он развил в себе. Она нарушила строгое очертание изогнутой руки его скульптуры, вызвав отклонение в безупречной в остальном плавности линий органического и неорганического. Этого не должно быть, и Корландриль не понимал, как она возникла.

Так продолжалось в течение двух последних циклов. Когда бы он ни возлагал пальцы на призрачный камень, чтобы попросить его принять формы, столь реальные в его воображении, тот отказывался подчиняться его мыслям. Весь последний день ушел у него на то, чтобы создать три совершенных пальца, а

при таком темпе произведение будет еще далеко от завершения в день торжественного открытия, до которого оставалось всего лишь двое суток.

Бледно-охряная масса призрачного камня лежала без движения, в состоянии полного покоя без его ласки, но Корландрилю казалось, что камень живет своей собственной жизнью. Он пошел наперекор его желаниям, уворачиваясь от форм, которые он хотел создать, образуя твердые крошки там, где следовало быть мягким изгибам, прорастая крохотными колючками и шипами, как только его разум хоть чуть-чуть отвлекался от размышлений о создаваемой скульптуре.

Он понимал, что не камень тому причиной. Камень не обладал ни силой воли, ни душой. Он просто отзывался на то, что в него вкладывал скульптор, изменяя форму под воздействием его мягкой психической обработки. Сейчас он был бездвижен, но Корландрилю чудилось определенное самодовольство в нежелании камня взаимодействовать с ним, тогда как другая часть его разума говорила ему,

что он просто переносит охватившие его разочарование и досаду на неодушевленный предмет.

Пребывая в разладе с самим собой и полностью утратив сосредоточенность, Корландриль отступил назад и отвернулся, устыдившись своей неудачей. Мерцающий свет окружающего голополя, созданного, чтобы укрыть скульптуру от поклонников до момента торжественного открытия во всем ее великолепии, заиграл в глазах Корландриля всеми цветами радуги. На мгновение он утратил ощущение времени, глядя на колеблющиеся в многоцветном джожании голополя кроны деревьев, и это зрелище пронзило его разум импульсом вдохновения.

— Едва ли остелюсь спросить, — произнес голос позади Корландриля. Повернувшись, он увидел своего наставника, Абрахасиля, который вперил взгляд в статую.

— Тебе не нужно ничего спрашивать, — заявил скульптор. — Возвращение Арадриана нарушает мое спокойствие, но я не понимаю почему. Я счастлив, что мой

друг снова вместе с нами.

— А твои мысли об Арагриане в отношении к твоей работе?

— У меня таких нет, — ответил Корландриль. — Это произведение было начато задолго до того, как я узнал о его возвращении.

— И тем не менее ты стал продвигаться медленнее с тех пор, как узнал о нем, и почти застыл на месте после того, как это произошло, — отметил Абрахасиль. — Воздействие очевидно, хотя причина остается тебе неясной. Возможно, я смогу помочь?

Корландриль пожал плечами в знак того, что ему это безразлично, и тут же ощутил укол раскаяния, услышав разочарованный вздох наставника.

— Разумеется, я был бы очень благодарен за любое твое наставление, — поспешил исправить положение Корландриль, заставив себя смотреть на статую. — Я вижу ее отчетливо, всю ее, каждую линию и дугу, как ты учил меня. Я сделаю так, чтобы ощущение покоя и произведение сливались во мне воедино, как

ты учил меня. Я направляю свои мысли и свои жесты на создание статуи, как ты учил меня. В моих действиях ничего не изменилось, и тем не менее призрачный камень не подчиняется моим требованиям.

Абрахасиль, услышав последнее замечание, поднял тонкий палец.

--- Требования, Корлангриль? Пожелание, а не требование придает форму призрачному камню. Требование --- это акт агрессии, пожелание --- акт повиновения. Мысль придает форму действию, которое формирует внешние очертания. Почему пожелание стало требованием?

Корлангриль ответил не сразу, пораженный тем, что он не осознавал такого простого отличия, каким бы тонким оно ни было. Он задавал этот вопрос себе, анализируя свои мысли, восстанавливая ход размышлений, пока не смог установить точку, в которой пожелание превратилось в требование.

--- Я желаю поразить других своим произведением и чувствую бремя ожиданий, --- сказал, в конце концов.

Корландриль, довольный тем, что нашел ответ.

— Не в этом ошибка, — возразил Абрахасиль, едва заметно поджав губы, и проколол пузырь самодовольства, только что надутый Корландрилем. — Твое творчество всегда было экспрессивным, нацеленным на то, чтобы навязать другим свое видение. Это не изменилось. Приполни что-нибудь особенное. Что-то, имеющее отношение к Арадриану.

И вновь Корландриль погрузился в свои воспоминания и переживания, приводя в порядок свои мысли так же, как он воздействовал на призрачный камень, придавая ему плавные формы. Обнаружив то, что искал, он отчетливо представил себе то мгновение, когда все изменилось, и с облегчением вздохнул.

Бросив взгляд на Абрахасиля, он заколебался, не желая делиться своим открытием с кем бы то ни было. Его наставник терпеливо ждал, не отводя взгляда от статуи. Корландриль понимал, что если он попросит Абрахасиля оставить его, он так и сделает, не

проявив ни малейшего недовольства, но до той поры будет ожидать ответа. Абрахасилу не нужно было напоминать Корландрилю о том, что ему можно доверять, о нерушимости связи между наставником и учеником; о том, что для понимания своих душевных волнений и страхов Корландрилю необходимо выразить свои мысли как художнику, и все, что он сообщит Абрахасилу, останется строго между ними. Абрахасилу не было нужды говорить все это вслух, довольно было его терпеливого ожидания и взаимопонимания между ними.

— Я хочу произвести впечатление на Тирианну из соперничества с Арадрианом, — произнес наконец Корландриль и тут же испытал облегчение, разделив бремя обладания этим откровением. Он никогда еще не говорил о своем чувстве к Тирианне, даже с Абрахасилем, хотя допускал, что наставник понимает многие его мысли, о которых не высказывается вслух. В конце концов, Абрахасиль много раз видел их вместе, и Корландриль понимал, что не

мог полностью скрыть своих чувств от
проницательного взгляда своего
наставника.

--- Во мне сидит страх, и я злюсь --- за
то, что я испытываю этот страх.
Арагриан --- друг. Он --- не соперник.

Абрахасиль повернул голову и
улыбнулся. Корландриль почувствовал, что
связь между ними еще более окрепла,
словно он переступил через порог, над
которым уже давно занес ногу.

--- Это хорошо, --- произнес наставник. ---
А как ты будешь сдерживать этот
страх и этот гнев?

Теперь пришел черед улыбнуться
Корландрилю.

--- Это просто, --- заявил он. --- Эта
скульптура --- не для Тирианны, но для
меня. Мое следующее произведение... --- оно
будет для нее. Этим мыслям нет места в
этом творении, но они послужат
вдохновением для другого. До той поры я
могу их отложить.

Абрахасиль положил ладонь на руку
Корландриля, поощряя его, и тот
ответил наставнику взглядом, полным

глубокой признательности. Абрахасиль
безмолвно вышел из голополя, и
Корландриль посмотрел вслеп его
колышущейся фигуре, которая исчезла в
чаще деревьев.

Ощущая себя освеженным и
вдохновленным, Корландриль приблизился
к скульптуре. Положив ладонь на поднятую
руку, над которой работал, он нежно
провел кончиками пальцев вдоль
выделенной мышцы и сустава,
восстанавливая в уме свое видение
произведения.

Под его прикосновением шип втянулся
в прозрачный камень и исчез.

В Куполе Полночных Лесов царила
возбужденная атмосфера предвкушения.
Множество эльдаров собралось на
лужайках с голубой травой и меж
серебряных стволов лиандериновых
деревьев в ожидании торжественного
открытия последнего творения
Корландриля. Сквозь невидимое силовое
поле, окружающее упорядоченные сады,
рдела сумеречным светом Мирианатир. В

искусственном ветерке, который шелестел ярко-зеленой листвой деревьев, слыли мелодичный стех и звон хрустальных кубков --- безупречный аккомпанемент шуршанию травы и негромкой беседе гостей Корландриля.

На торжественное открытие собралось около трех сотен эльдаров, одетых по этому случаю в самые модные наряды. Корландриль стешался с толпой, то и дело отпуская реплики по поводу элегантной броши или особенно привлекательного края юбки или мантии. Для этого грандиозного события он решил одеться элегантно, но строго, из желания не затмить свою скульптуру. На нем была простая синяя мантия с серебряными застежками от талии до горла, а волосы зачесаны назад и закреплены серебряной лентой, украшенной единственным голубым небесным камнем на лбу. Он избегал глинных разговоров и уклонялся от любых вопросов, касающихся его произведения, до той поры, когда почувствует готовность раскрыть все.

Расхаживая среди гостей,

Корландриль ощущал нарастающее волнение. На каждый удар его сердца таким же ударом отвечал путеводный камень, и в его груди бился двойной пульс. Он впитывал возбуждение гостей и излучал его обратно на них. Корландриль был польщен всеобщим вниманием, это был бальзам для его самолюбия после тех мучений, которые он претерпел, завершая работу над статуей.

Обмениваясь любезностями, Корландриль выспатривал в толпе Тирианну, и обнаружил ее с тремя другими эльдарами перед одной из лиандериновых рощиц, невдалеке от того места, где мерцающее голополе скрывало статую.

Скульптор позволил себе полюбоваться на расстоянии красотой девушки, наслаждаясь ее облегающим красно-черным костюмом. Формы ее рук и ног словно повторяли изгибы нависавших над ней ветвей, естественная элегантность подчеркивалась утонченными манерами и строгой осанкой. Ее волосы, окрашенные в темно-желтый

цвет, ниспадали по спине волной локонов, переплетенных красными лентами, свисающими до талии.

Когда она отступила в сторону, Корландриль увидел Арадриана. Тот улыбался, но так особенно, что поневоле возникало ощущение, словно ему здесь не вполне комфортно. Скульптор почувствовал, как змея зависти зашевелилась у него внутри, что беспокоило его. Он-то думал, будто положил конец тому навязчивому сомнению, тому страху, что еще сохранялся где-то в уголке его сознания. Увидев Арадриана рядом с Тирианной, Корландриль вновь с прежней силой ощутил былые опасения, сердце бурно заколотилось, а все мысли на мгновение стесались.

Шагая через лужайку, скульптор отвел взгляд в сторону, позволив покою, царившему в окружающих садах, утирнуть тайфун, бушующий в его мыслях. Лиандерины только начинали расцветать, они светились в темно-зеленой ночи подобно золотым звездам, а из-под его ног

поднимался аромат прижатой травы, свежий и очищающий. Подождая к группе, Корландриль вновь овладел собой и был искренне рад видеть своих друзей.

Арадриан, приветствуя, протянул ему ладонь, и Корландриль, в ответ, положил на нее свою. Так же они поприветствовали друг друга с Тирианной, ее прикосновение было прохладным и ободряющим. Убирая свою руку, скульптор позволил себе нежно провести кончиками пальцев по пальцам девушки и задержать на ней свой взгляд на мгновение дольше, чем было принято.

— Все мы трепещем в предвкушении, — произнес один из стоящих рядом, тоже скульптор, по имени Уграэтир. Он был одет в короткую, до бедер, темно-лиловую тогу, перекинутую через левое плечо, его открытая взглядом кожа была отбелена почти до снежной белизны. Уграэтир следовал школе Гимринаира, который воспринимал скульптора такой же частью его произведения, как и сама скульптура. Корландриль проявлял некоторый интерес к этой эстетике, но довольно скоро нашел

самого себя скучным предметом для изображения и предпочел самовыражаться в творчестве опосредованно. Он искал намеков на иронию или соперничество в комментариях и позе своего собеседника, но пришел к заключению, что Узраэтир искренен.

— Я надеюсь, что такие ожидания оправданны, — ответил Корландриль, выразив свою признательность поклоном. Повернувшись, он приветствовал четвертого эльдара, прославленного костопева Кирандринна.

— Я очень признателен за твой интерес и энтузиазм, который все вы проявили к моей работе.

— Я внимательно наблюдал за твоим развитием с тех пор, как набрел на одну из твоих ранних работ, — отметил Кирандрин. — Полагаю, это было «Благословение Азурмена», статуя в натуральную величину, представленная в атриуме Башни Вечерних Мелодий.

— Всего лишь второе мое произведение, — сказал Корландриль с теплой улыбкой. — Абрахасиль оказал мне

честь, посчитав возможным выставить
той работы, когда я находился еще в
самом начале Пути. Я по-доброму
отношусь к той скульптуре, хотя сейчас
мое творчество ушло далеко от такой
упрощенческой формулы, и у меня такое
ощущение, что ее мог создать кто-то
другой!

— А не в этом ли и заключается цель
Пути? — спросил Уграэтир. — Чтобы мы
изменялись и росли, и избавлялись от
того, что было прежде, и преображались во
что-то новое и лучшее?

— Разумеется, — согласился
Корландрил. — Стремиться к
совершенству тела и духа, умений и
разума, вот чего желает все мы.

— Но не выходит ли так, что мы
также теряем часть самих себя? —
спросил Арадриан, в его голосе мягко
звучало несогласие. — Если мы всегда
двигаемся вперед по Пути, когда же
остановиться, чтобы полюбоваться
открывшимся видом? Думаю, что иногда
мы слишком сильно стремимся отбросить
то, что сделало нас такими, какие мы

есть.

Ответом на замечания Арагриана была тишина. Он посмотрел на других эльдаров, и на его лице отразилось некоторое замешательство.

— Простите меня, если я сказал что-то не к месту, — спокойно произнес Арагриан. — Я вовсе не намеревался подвергнуть сомнению ваши мнения, но хотел просто озвучить свое собственное. Возможно, мои манеры несколько испортились, пока я пребывал вдали от Алайтока и утонченности цивилизованного общества.

— Во все нет, — учтиво сказал Кирандрин, ободряюще положив ладонь на руку Арагриана. — Просто, такими вопросами здесь... задаются редко.

— А ответы на них слишком глупые, чтобы обращаться к ним здесь, — быстро добавил Корландриль. — Мы продолжим эту дискуссию позже. А сейчас я должен провести торжественное открытие.

— Разумеется, — сказал Кирандрин. Арагриан медленно кивнул головой и опустил веки с извиняющимся видом.

Корландриль понимающе улыбнулся, затем быстро отправился к голополю и вошел в него. Скрытый от всех, он сделал глубокий выдох, выпустив напряжение, которое неожиданно накопилось внутри. Что-то в поведении Арадриана лишало Корландриля уверенности в себе. Он вновь ощутил в нем ту отличительную особенность, которую почувствовал впервые, когда его друг только сошел с борта звездного корабля, — едва различимое желание оказаться где-то в другом месте. Укрытый голополем, путеводный камень Корландриля вновь стал теплым на ощупь, отражая его внутреннюю уверенность в себе, нежели злость или затешательство.

Случившаяся разболвка напрягла Корландриля, и тут он ощутил внезапный укол вины, осознав, что он ничего не сказал Тирианне. Он почти проигнорировал ее. Поразмыслив недолго, не следует ли ему извиниться за свое неуважительное поведение, он быстро отверг эту идею. Возможно, Тирианна не заметила недостатка внимания с его стороны, и

подчеркивать такой факт в общении с ней было бы неразумным. Если же она и почувствовала какую-то обиду, то она ведь наверняка понимает, какие множество проблем требуют его внимания во время такого события, как сегодня. Корлангриль решил, что разыщет Тирианну сразу же после торжественного открытия и щедро уделит ей столько внимания, сколь это окажется возможным.

В душе Корлангриля была одна лишь Тирианна, но в голову ему лезли самые разные мысли, сердце бешено колотилось, кожу покалывало. Вспыхивали неожиданные идеи, их тут же гасило возбуждение от предстоящего открытия, смешанное с беспокойством, которое причинил Арагриан, и опасениями, которые росли в нем с того момента, как он завершил скульптуру.

Корлангриль шепотом прочел несколько успокаивающих мантр. Делая это, он привел в порядок мысли, отложив часть из них для последующих раздумий, опираясь на другие, чтобы подбодрить себя, сосредотачиваясь на своей уверенности и

пыте, чтобы снять беспокойство. На некоторое время он застыл в безмолвной неподвижности, пока не обрел уверенность в том, что готов обратиться к толпе.

Когда бешеный вогворот его мыслей сменился гладо спокойного пруда, Корландриль вышел из голополя и обнаружил, что его гости собрались на полянке перед ним. Большинство лиц оказались знакомыми, некоторых он видел впервые. Все, казалось, страстно желало увидеть, что же создал Корландриль.

— Вы оказали мне большую честь, пожелав стать свидетелями торжественного открытия моей последней работы, — начал он ровным голосом, без усилий достигая самых отдаленных гостей. — Многие знают, что я черпаю огромное вдохновение в эпохе до Войны в небесах. Я смотрю на наш золотой век не с сожалением об утраченном рае, но с печалью о том, что такие времена прошли. В первом веке нашего народа я вижу мир, вселенную, которую все мы можем стремиться воссоздать. Хотя боги ушли, от нас зависит, чтобы их деяния

стали реальностью, и, горя желанием
воссоздать небеса, принести мир, которого
все мы заслуживаем. Наша цивилизация не
погибла, пока мы все еще поем о тех
временах, воссоздает их посредством
живописи и ваяния, те времена, о которых
мы помним лишь мифы. Все мы знаем,
что легенда может стать истиной, что
граница между мифом и реальностью
четко не определена. Я бы хотел взяться
за миф и сделать его реальностью.

Корландриль продолжал еще долго,
ссылаясь на тех, кто оказал на него
влияние, и на свои мечты, пространно
излагая идеи философских и
эстетических направлений, которые легли
в основу создания этой скульптуры. Он
говорил плавно и с чувством, озвучивая
мысли, которые были обкатаны и доведены
до совершенства в течение долгого
процесса создания скульптуры. Он говорил
о сложностях органического и
неорганического, о сопоставлении линии и
кривой, о противопоставлении твердого и
жидкого.

Пока он говорил, его взгляд свободно

блуждал по толпе гостей, оценивая их реакцию и настроение. Большинство было совершенно поглощено его речью, не отводя глаз от оратора и жадно глотая каждый звук. Несколько гостей стояли с выражением вежливого внимания на лицах, и Корландриль на миг испытал смятение, осознав, что один из них — Арадриан. Однако его голос остался ровным, он стелл обеспокоенность собственным энтузиазмом, одновременно отыскивая глазами Тирианну. Он увидел девушку в первых рядах, полную заинтересованности и ожидания, ее взгляд постоянно перескакивал с Арадриана на голополе, которое скрывало его работу.

Завершив речь, Корландриль позволил себе графатическую паузу, ставя предвкушение, которым он наполнил свою аудиторию. Он подошел к маленькому круглому столику на спиральной ножке, стоявшему сбоку, в центре которого находился хрустальный бокал с темно-красным вином. Он пригубил напиток, наслаждаясь его теплот на губах, его пикантностью на языке и нежной ноткой

послевкусия в горле, одновременно упинаясь безмолвной тишиной, наступившей после его речи.

Вернув бокал на столик, Корландриль вытянул из-за пояса тонкую пластинку и провел большим пальцем по руне на ее серебристой поверхности. При этом прикосновении голополе исчезло, открыв взглядом статую во всем ее великолении.

— Я представляю «Дары любящей Циши», — провозгласил он с улыбкой.

Раздалось несколько восторженных возгласов и прозвучали спонтанные аплодисменты собравшихся. Корландриль повернулся, чтобы посмотреть на свое творение, и позволил себе сполна насладиться работой после ее завершения.

Статуя была залита золотым сиянием, в котором проглядывали закатные багрово-красные оттенки света утирающей наверху звезды. Она изображала импрессионистическую абстрактную Цишу, ее тело, руки и ноги плавно поднимались из ствола лиандеринового дерева, волны ее распущенных волос переплетались с темно-

зелеными листьями на тянущихся вверх ветвях. Ее голова склонилась, и лицо укрыто в тени, отбрасываемой деревом и волосами. Из ее глаз в темноте медленно, тонкой струйкой вытекала серебристая жидкость в золотую чашу, которую поднял вверх древний эльдарский воин, преклонивший колени возле ее ног: Эльданеш. Сияние из чаши освещало его белоснежное лицо, доспехи воина представляли собой стилизованную компоновку по канонам органической геометрии, его лицо осталось непроработанным за исключением тонкого носа и впадин глазниц. Из-под него поднималась роза с черными лепестками, которая обвивала ноги Уши и соединяла ее с Эльданешем в своих колючих объятиях.

Она, как считал Корлангриль, изумительна.

Большая часть гостей двинулась вперед, чтобы рассмотреть произведение в деталях, а Кирандрин и несколько других эльдаров, окружив автора, осыпали его похвалами и поздравлениями. Среди них оказался и Абрахасиль, который, должно

быть, оставался вне поля зрения Корландриля во время выступления. Наставник и ученик сердечно обнялись.

--- Ты взрастил в себе прекрасный талант, --- заявил Кирандрин. --- Это работа мастера, которая поистине украшает Купол.

--- Для меня --- честь направлять такую руку в работе, --- сказал Абрахасиль. --- Я очень горжусь Корландрилем.

Слова наставника вызвали прилив радости у Корландриля, запульсировал его путеводный камень, и он ответил на рукоплескания членов своего круга грациозным поклоном.

--- Если мои руки создают чудеса, то это потому, что другие раскрыли мне новые глаза, --- заметил он. --- Прошу меня извинить. Я должен уделить внимание другим гостям. Я уверен, что у нас впереди еще много дней для дальнейшего обсуждения моей работы.

Встречая со всех сторон улыбки одобрения, Корландриль отыскал Арадриана и Тирианну. Они стояли рядом

в группе эльдаров, любующихся статуей с
близкого расстояния, величественная Цша
возвышалась над ними.

--- Она так безмятежна, --- заметила
Тирианна. --- Такое спокойствие и красота

Арадриан жестом выразил свое
несогласие, и Корландриль застыл на
месте, оставаясь неподалеку от своих
друзей, чтобы послушать, что они скажут.

--- Она заткнута на себе, --- заявил
Арадриан, и при этих словах змея внутри
Корландриля обвилась вокруг сердца и
стиснула его. --- Конечно, в этом
произведении видно замечательное
мастерство и изысканность. И тем не
менее я нахожу его несколько... скучным.
Оно ничего не добавляет к моему
пониманию мифа, а просто воплощает в
материальном виде то, что я в нем
чувствую. Это метафора в самом
непосредственном виде. Да, она красивая,
но при этом --- просто отражает мысли ее
создателя, вместо того чтобы открыть
большую истину о мифе.

--- Но не в этом ли и состоит
сущность искусства --- создавать образные

воплощения тех мыслей, воспоминаний и чувств, которые нельзя выразить непосредственно?

--- Быть может, я несправедлив, --- произнес Арагриан. --- Там, среди звезд, я видел такие поразительные творения природы, что произведения смертных кажутся мне незначительными, даже теми из них, что посвящены таким значимым темам, как эта.

--- Скучное? --- выпалил Корландриль, выступая вперед. --- Замкнутое на себе?

На лице Тирианны при появлении скульптора отразился ужас, но Арагриан казался невозмутимым.

--- Я не намеревался обидеть тебя своими словами, Корландриль, --- сказал он, протягивая ладонь успокаивающим жестом. --- Это всего лишь мое мнение, а я малообразован в искусстве. Возможно, ты найдешь мою сентиментальность неуместной.

Перед лицом такой искренности и самоуничижения разгневанный Корландриль грознул. В груди шевельнулось редкое для него чувство

стирения, но тут змея сдавила свои кольца, и это ощущение исчезло.

— Ты прав, считая себя недостаточно подготовленным, — проговорил Корландриль, и эти слова были так же полны яда, как змея, взявшая в осаду его сердце. — Пока ты простодушно глазел на блистающие звезды и кружащиеся туманности, я изучал труды Аэтирила и Шьдринтарира, овладевал искусством работы с призрачным камнем и неорганическим симбиозом. Если тебе не хватает ума понять то, что я представил, возможно, тебе следовало бы взвешивать свои слова более тщательно.

— А если тебе не хватает мастерства передать свой замысел посредством произведения, возможно, тебе необходимо продолжить обучение, — проворчал в ответ Арадриан. — Не у мастеров прошлого ты должен учиться своему искусству, а у небес и своего сердца. Твоя техника безупречна, но твое послание очень узко. Сколько статуй Уши сможешь увидеть, если пересекешь весь мир-корабль? Дюжину? Больше? Сколько еще статуй

Циши существует на других мирах-кораблях? Ты ничего не взял для себя, следуя Путем, кроме возможности доставить себе удовольствие этим зрелищем. Ты ничего не узнал о себе, о тьме и свете, которые сражаются в тебе. В твоей работе -- один лишь рассудок и ничего -- от тебя самого. Быть может, тебе следует расширить свою компетенцию.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Уезжай отсюда, с Алайтока, -- настойчиво произнес Арадриан, раздражение которого рассеялось от этой вспышки. Теперь он был сама искренность, рука его была вытянута к Корландрилю. -- Зачем сдерживать свое искусство, ища вдохновения лишь в залах и куполах, которые видишь с самого детства? Чем пытаться смотреть свежим взглядом на старые достопримечательности, почему бы не обратить твои старые добрые глаза к новым видам?

Корландрилю хотелось поспорить, найти где-то слова, чтобы высказать мнение Арадриана, но змея, которая

сдавила ему сердце, сжала и его горло. Он
удовлетворился, метнув в Арадриана
свирепый взгляд, в который вложил
охватившие его презрение и гнев, и
ринулся прочь по голубой траве,
раскидывая на бегу гостей.

Вначале Войны в Небесах всевидящий Азүриан спросил старүхү-богиню Морай-хег, какова будет судьба богов. Старүха ответила Азүриану, что посмотрит в запүтанную паүтину будущего, чтобы понять, что станет с богаты. Долго смотрела она на пересекающиеся нити, следуя вдоль каждой из них до самого конца вселенной, но так и не смогла найти ответа для властелина владык. Все тропы приводили старүю каргү в место, полное огня и смерти, откуда она не могла двинуться дальше. Чтобы найти истинный ответ, старүха последовала за Кхаином, кроваворүким үбийцей, который вел войну с другими богаты и мертвыми, и взяла у него чүточку его огненной крови. Вернувшись в свое логовище, Морай-хег поместила полыхающую кровь бога войны на свои весы. На другую чашу весов она свернула нить судьбы, принадлежащую Эльданешу.

Чаши весов оказались в равновесии.

Старуха вернулась к Азуряну, и он потребовал ответа на свой вопрос. Морай-хез сказала властелину владык, что судьбы богов ему не узнать. Смертный Эльданеш и его народ будут решать, выживут ли боги или нет.

Розовая вода плескалась у белого песка, и каждая волна оставляла вглубь берега пологую кривую. Зачарованный, Корландриль не отрывал взгляда от набегающих на берег и отступающих волн, его разум — весь, до последней частицы, сосредоточился на том, чтобы запомнить каждую искорку, каждый всплеск, каждую песчинку. Над водой сверкали солнечные крылья, желтые дротики скользили по поверхности, подпрыгивая и покачиваясь на волнах. Корландриль впитывал в себя каждую траекторию полета, каждое сточенное водой крыло, каждое удлиненное перышко и щелкающий синий клюв.

Некий звук нарушил его сосредоточенность. Голос. Он позволил части своего сознания покинуть сцену у моря и вспомнить, что было сказано. В то

же время он вспомнил и самого себя, сидящего со скрещенными ногами на золотой траве газонов в Садах Безмятежного Размышления и внимающего своему собеседнику.

— Я покидаю Алайток, — произнес Арагриан.

Пораженный, Корландриль сосредоточил все свое внимание на другом: море, песок, солнечные крылья — все это мгновенно было отброшено. Арагриан расположился на расстоянии вытянутой руки от своего друга, развалившись на траве в свободной лантии ярко-зеленого цвета. Он лежал на спине, заложив руки за голову, а его обнаженные пальцы ног, казалось, жили своей собственной жизнью, рисуя в воздухе нечто округлое прямо над темными водами озера.

— Ты покидаешь Алайток? — сказал Корландриль. — Да ради чего?

— Чтобы стать рудевым, — ответил Арагриан. Он не смотрел на друга, его взгляд был устремлен над водой в сторону сияющих серебряных башен их домов и еще дальше, в некое место, которое мог видеть

только он. -- Пришла пора двигаться
вперед. Я исполнен любознательности,
которую Алайток не в состоянии
удовлетворить. Во мне словно
усиливается чувство голода, и его не
могут утолить здесь ни одно зрелище и ни
один звук. Я насытился Алайтоком, он
предложил мне много роскошных пиров, но
теперь мое блюдо пусто. Я желаю
отправиться за пределы силовых полей и
куполов, которые меня защищали. Я
ощущаю себя избалованным, а не
защищенным, прирученным, а не
обогащенным.

-- Как скоро ты уезжаешь? -- спросил,
вставая, Корландриль.

-- Скоро, -- ответил Арагриан, его
взгляд был все еще устремлен вдаль. --
«Лаконтиран» отправляется к
Бесконечной Долине через два дня.

-- «Лаконтиран» уходит более чем на
двадцать лет, -- воскликнул
встревоженный Корландриль. -- Зачем
тебе уезжать так надолго?

-- Он поплывет в пространстве сам по
себе, вдаль от Алайтока, -- сказал

Арадриан. — Я хочу уединения, чтобы поразмышлять над тем, что я выбирал до сих пор, и, быть может, подумать, куда мне следует направиться потом.

— А как же наша гружба? Я и представить не могу, как буду без тебя, — заявил Корландриль, опускаясь на траву рядом с грузом и протягивая ему руку утешающим жестом. — Ты же знаешь, что я совершенно собою с курса, если ты не будешь меня направлять.

— Тебе понадобится найти кого-то еще, чтобы тебя вести, — мягко настаивал Арадриан. — Мои мысли все время блуждают. Мне больше нельзя доверять наблюдение за тобой, пока ты мечтаешь. Я не могу больше идти с тобой Путем Грез. Я устал жить внутри себя.

Корландриль, погруженный в свои размышления, не нашел, что на это сказать. Когда он мечтал, когда блуждал по тропам своего подсознания, именно Арадриан обеспечивал ему опору, обнадеживающее присутствие на грани его воображения, тепло, к которому он мог вернуться, когда забредал в холодные и

темные уголки своей души.

--- Ты найдешь себе другого стража
Грез, --- уверил Арадриан, заметив его
уныние. Он встал и, потянув Корландриля
за руку, поднял и его. Теперь он встретил
заблужденный взгляд на друга. --- Возможно,
Тирианна присоединится к тебе на Пути
Грез.

--- Тирианна-Воин? --- произнес
ошеломленный Корландриль.

--- Я беседовал с ней вчера, --- сообщил
Арадриан. --- Она считает, что ей пора
ступить Пути. Тебе следует с ней
поговорить.

Нежный колокольный перезвон прервал
Грезы Корландриля, и, открыв глаза, он
увидел далеко внизу извилистую
серебристую дорогу, которая шла через
много террасы. Легчайший ветерок
слегка коснулся его кожи и взъерошил
волосы. На мгновение он подумал было, что
плывет в воздухе высоко над живописным
пейзажем. Окончательно вернувшись из
своего мemento в реальность, он
обнаружил, что находится на балконе
своего жилища, залитого угасающим

светом искусственных сумерек.
Склонившись над рифленой балюстрадой,
он смотрел на виноградники, окружающие
Башню Звездного Величия.

Ему потребовалось еще немного
времени, чтобы полностью восстановить
контроль над своим телом: быстро
поморгать, напрячь конечности, ускорить
пульс, чтобы кровь прилила в онемевшие
пальцы рук и ног. Однако ему не удавалось
избавиться от ощущения оцепенелости, и
он подумал: сколько же времени я провел,
исследуя свои воспоминания, шагая назад по
Пути Грез? Ощувив жажду, он
инстинктивно облизнул губы, хотя во рту
совсем пересохло.

Вспомнив о предупредительном
перезвоне, который пробудил его,
Корландриль медленно повернулся и
протянул пальцы к серой, похожей на
шиферную плитку панели на стене рядом
со сводчатым проходом, который вел в его
жилище. Прикоснувшись к прохладной
пластине, он ощутил присутствие
Абрахасила возле своего дома и, послав ему
краткий психический импульс, пригласил

бойти.

Прервав контакт с Бесконечным
Крүговором, Корландриль прошел в
затененную гостиную. Здесь было словно
внутри яйца. Стены — голубовато-белые в
бледно-зеленую крапинку. Изогнутые
диваны с высокими спинками обращены к
центру комнаты, а под ногами — толстая
плетеная циновка. Вдоль стен на
постаментах стояли скульптуры работы
Корландриля и других авторов. Переводя
взгляд с одной на другую, скульптор, в
памяти которого еще не полностью
завершились процессы мето-сна,
испытывал каждый раз проблеск узнавания.
мелькали воспоминания о том, как они
были созданы или приобретены, о беседах,
которые велись о них, о тех настроениях,
которые у него возникали, когда он их
рассматривал. Но мере того, как
очередная мысль всплывала на поверхность
его сознания, он загонял ее вглубь,
выталкивая из сферы непосредственного
размышления. Подойдя к грүготу
терминалу Бесконечного Крүговора,
Корландриль мысленно стенил цвет

освещения на нежно-голубой и немного
повысил температуру, поскольку ощущал
странную прохладу.

--- Возможно, какая-нибудь одежда
согреет тебя быстрее, --- заметил
Абрахасиль, входя в комнату через арку из
главной передней.

Лишь благодаря этому высказыванию
наставника Корландриль осознал, что он
полностью обнажен. Его нагота не вызвала
у него никакого чувства неловкости, при
его нынешнем понимании происходящего с
ним --- или, скорее, полном его отсутствии
--- такие мысли были попросту
невозможны.

--- Да, вероятно, это было бы к
лучшему, --- отозвался, кивнув,
Корландриль. Он указал жестом на другую
арку, ведущую в столовую. --- Пожалуйста,
выбери себе что-нибудь освежающее, я
вернусь тигот.

Корландриль вошел в гардеробную, не
вполне еще владея собой после длительного
погружения в грезы, и рассеянно
прикоснулся рукой к панели на стене. Дверь
скользнула в сторону, открыв взгляду

широкий выбор одеяний, от облегающих комбинезонов с блестящим металлическим отливом до широких рубашек и глиняных тог. Скульптор выбрал зеленую мантию, облегающую в талии и широкую в плечах. Не задумываясь, он взял широкий ремень, правильный выбор рукав помогла сделать его эстетическая интуиция. Затянув его вокруг талии, он отправился босиком по коврам гостиной и присоединился к Абрахасию в столовой.

--- Шесть циклов, --- произнес наставник, когда Корландриль вошел. Господствующее положение в комнате занимал выступающий из стены глиняный, узкий стол, по обе стороны от которого стояли рядами по восемь одноногих стульев. Абрахасиль сел в дальнем конце. Корландриль заметил, что он не взял себе ни питья, ни закуски.

--- Шесть циклов чего? --- спросил скульптор, открывая хрустальную дверцу шкафа. Оттуда он достал синюю бутылку и два серебристых бокала.

--- Мне не нужно, спасибо, --- произнес Абрахасиль. Корландриль тем не менее

поставил на стол оба бокала, на тот случай, если его наставник передумает. Он налил себе щедрую порцию сока ледяной лозы, остро ощущая сухость во рту и жгучую горле.

--- Шесть циклов прошло после торжественного открытия, --- пояснил Абрахасиль. --- Я беспокоился. Ты ушел как-то поспешно. Тирианна объяснила, что ты разошелся во мнениях с Арадрианом.

Корлангриль потягивал напиток, его мысли об Арадриане были сосредоточены на далеком воспоминании, другая часть его сознания сосредоточилась на настаивании напитка с его резким первым вкусом и теплым послевкусием, и третьей частью сознания он внимательно наблюдал за Абрахасилем. Сместив фокус памяти, Корлангриль перебрал в уме события, которые произошли после возвращения Арадриана. Вспомнив спор между ними, он ощутил, как змея внутри него, скорчившись от злобы, шипела и плевалась при словах его друга.

--- Успокойся! --- предостерег его Абрахасиль.

--- Для этого я и погрузился в грезы, ---
раздраженно ответил Корландриль. ---
Грезы, которые ты прервал.

--- Шесть циклов --- слишком долгий
срок для странствий по своему разуму, ---
заявил наставник. --- Опасно погружаться в
такое самосозерцание, когда идешь по
Пути Творца. Это может привести к
конфликтам в твоей душе ---
заикленности на самоанализе,
противоречиям между фактическим
наблюдением и воображаемой памятью. Я
уже говорил тебе об этом.

--- Я не мог придумать ничего другого,
чтобы сдержать боль, кроме возвращения в
более приятные времена с Арадрианом.

--- Теперь ты --- художник, ты должен
выражать свои мысли, а не скрывать их! ---
воскликнул Абрахасиль. Наклонившись над
столом, он налил себе напиток. --- Какой
стыл создавать великие произведения, на
которые ты способен, если не собираешься
усваивать уроки, которые они в себе
несут? Путь Художника --- это не просто
занятия живописью или скульптурой, это
овладение средствами выразительности и

утенением так подбирать источники вдохновения, чтобы не поддаваться неуместным побуждениям. Этот спор с Арадрианом — прекрасный пример того, чем ты должен научиться справляться. Нельзя только блуждать в своих грезах, забывая о реальном мире.

— Считаешь меня инфантильным? — спросил Корландриль, допив свой бокал и одновременно избавившись от всех воспоминаний об Арадриане.

— Не инфантильным, а просто опрометчивым, — ответил Абрахасиль. — Я не шел Путем Грез, поэтому не знаю, какое утешение он приносит тебе. Я знаю, что, отказываясь от своих наблюдений, ты делаешь шаг назад с Пути Художника. Это — неблагоприятно с любой точки зрения.

Корландриль размышлял над предупреждением наставника, наливая себе напиток. Возбужденная змея внутри корчилась и требовала его внимания, и он, залив ее недовольство порцией сока, на минуту настроился всеми фибрами души поставив напиток, отгоняя с его

помощью сумрачные мысли.

--- Нужно заняться другой работой, ---
заявил Корландриль. --- Если мне
необходимо избавиться от этих чувств
путем их выражения, будет лучше, если я
не дам себе задерживаться на них надолго.

--- Это было бы хорошо, --- ответил
Абрахасиль.

--- Мне следует отыскать Арадриана
и послушать его, чтобы понять, чем же
так мучает меня его присутствие.

--- Будь осторожен, Корландриль, ---
сказал наставник. --- Может статься, что
Арадриан и сам охвачен сомнениями, и это
совершенно выведет тебя из равновесия. Я
чувствую, что, следуя Путем Художника,
ты вступил в критическую фазу. Я ра-
вести тебя дальше, но несколько
следующих шагов следует делать с
осторожностью. Ты вот-вот овладеешь
всем спектром средств самовыражения, но
следует проявлять благоразумие в выборе
чувств, которые собираешься выставить
напоказ.

Успокоенный мягким тоном
Абрахасиля, Корландриль улыбнулся. Он

ощутил прилив уверенности, словно какой-то новый свет, возникший в его жизни, осветил ему путь вперед. Припугнувшую блуждающую змею ревности, этот ослепительно яркий луч заставил ее отпрянуть в тень.

Теперь уже полностью воспрянув после погружения в грезы, Корландриль вновь преисполнился стремлением к цели и сосредоточился всеми мыслями на том, что должно произойти, а все, связанное с прошлым, он упрятал так, чтобы оно не могло нанести никакого вреда. Решив забыть свою размовку с Арадрианом, Корландриль задержался на минутку на более радостных воспоминаниях, а затем позволил им также уйти в тень, оставив себе лишь настоящее и будущее.

Корландриль полетел на небесном катере, наслаждаясь упругим потоком воздуха в лицо и тельканием террас и деревьев внизу, крылья парящего на ветрах аппарата наклонялись и изгибались в такт его мыслям. Забыв ненадолго о намерении повидать Арадриана, он

позволил себе свободный полет. Управляемый его мысленными сигналами, катер, напминающий формой дротик, быстро набирал высоту, откинув крылья назад, и Корландриль хохотал от возбуждения. В своем воображении он изваял маршрут полета в виде сложного переплетения дуг и петель, и небесный катер повиновался его прихотям, то вращаясь, то внезапно устремляясь вниз.

Когда его возбуждение улеглось, Корландриль, вернув катер к обычному полету по прямой, зафиксировал в мыслях сущность пережитого и отправил их в укромный уголок памяти. Скульптор представил себе, как создаст произведение искусства из воздуха и текучей среды, которое будет находиться в постоянном движении и освещаться изнутри.

Размышления об его искусстве вернули Корландриля к текущей задаче. Мыслеволновая скульптура — прекрасная идея, но она может подождать. Ему необходимо избавить душу от бремени чувства, пробужденного возвращением Арадриана, приоткрыл он и направил

небесный катер вниз к серебристой ленте
дороги, затем отклонился от прямого
курса меж краснолиственными ветвями
ледяной лозы на террасах и промчался под
другим катером, который носился из
стороны в сторону под искусственным
небом купола.

Корландриль мчался по
соединительному узлу между Куполом
Новых Солнц и Проспектом Звездных Тайн,
и в нем нарастало предвкушение.
Движение здесь было гораздо плотнее. Это
одна из главных транспортных артерий
Алайтока, где сотни эльдаров
перемещались между куполами и плато,
из которых в основном и состоял мир-
корабль. Некоторые неспешно
прогуливались в одиночку или с друзьями,
другие летели на небесных катерах, как
Корландриль, многие — на дрейфующих
платформах, которые безмятежно
скользили из одного места в другое,
подчиняясь коллективным желаниям
находящихся на борту.

Наслаждаясь созерцанием этого
зрелища, Корландриль и тут не смог

удержаться от мыслей об Арадриане: как же его друг может не понимать, сколько прекрасен этот сложно устроенный мир-корабль. У Арадриана свой взгляд на вещи, он не смотрит на окружающее глазами художника, как Корландриль, и, возможно, поэтому упускает из виду едва различимое противоречие между геометрической точностью и анархией, присущей живой системе. Он не развил свои чувства, чтобы суметь оценить ритм жизни, постоянную изменчивость всего живого и духовного, а также — всего, что находится между ними.

Тут у Корландриля забрезжила надежда, и он минутку поразмыслил над этим, слегка затеблив полет катера, чтобы управление им не требовало от него слишком пристального внимания. Скульптору пришло в голову, что он мог бы убедить друга присоединиться к нему на Пути Художника. Если Арадриан ищет новых впечатлений, то ничто не сравнится с возможностью открыть свой разум, чтобы беспрепятственно воспринимать все ощущения. Такая

перспектива вызвала у Корлангриля эйфорию, и мысль о том, чтобы разделить с Арадрианом наслаждение творчеством, наполнила его энергией.

Двигатели настроились на постоянную ноту, которая звучала в сердце Корлангриля, и небесный катер полчался дальше. Свернув налево, Корлангриль влетел в Полночный Купол и погрузился почти в полную тьму. Его глаза тут же адаптировались к недостатку света и различили оттенки темно-лилового и синего среди темно-серого. Песнь небесного катера перекрыл смех влюбленных, но он не стал обращать на них внимания, опасаясь, что такие размышления приведут его к мыслям о Тирианне, чего ему сейчас вовсе не хотелось. Шелест ветра унес в сторону нежелательные звуки, и Корлангриль отдался ощущению движения и созерцанию проносящихся мимо расплывчатых очертаний темных деревьев.

Покинув Полночный Купол, Корлангриль влетел в сумерки Купола Тоскующего Шепота и вновь сбросил

скорость, шум двигателя катера снизился до приятного жужжания. Сохраняя почтительную тишину, он скользил меж колонн, взмывающих к крыше купола. Непринужденно закладывая виражи то влево, то вправо, он размышлял, как завести разговор с Арадрианом о том, чтобы друг присоединился к нему на Пути Художника.

Еще больше затеблив движение, Корландриль опустился на уровень земли и свернул вниз в туннель, который вел вглубь Алайтока. Здесь, в глинном переходе, который вел к башням-докам, все претензии на естественность антуража были отброшены. Овальный в поперечном сечении, туннель светился теплым оранжевым светом, по кабельным каналам Бесконечного Круговорота, вделанным в стены, пульсировала энергия. Углубляясь в недра тира-корабля, Корландриль ощущал вокруг себя присутствие призраков --- психическая энергия духов Алайтока объединялась и разделялась вокруг него, и в его подсознании звучал их шепот.

Покинув переход с чувством

некоторого облегчения, скульптор влетел в Башню Бесконечного Терпения, где Арагриан поселился после своего возвращения. Оставив позади ментальный шепот Бесконечного Круговорота, Корландриль остановил катер неподалеку от спирального пандуса, который вел в Башню.

Снешившись, он позволил судну соскользнуть к пустой швартовочной нише и со значительным усилием сосредоточился на себе. Разгладив складки на мантии и поправив ремень, скульптор резким движением пальцев пригладил взъерошенные ветром волосы. Удовлетворенный своим презентабельным видом, он направился вверх по пандусу Башни, наслаждаясь физическими усилиями после столь долгого бездействия, и глинные ноги быстро доставили его на восьмой этаж.

Найдя Опаловые Апартаменты, Корландриль прикоснулся к панели Бесконечного Круговорота, чтобы оповестить о своем присутствии. Обождав с минуту, он не получил никакого ответа.

Задержав пальцы на психопроводящей пластине, он попытался уловить признаки присутствия Арадриана, но не смог их обнаружить. Здесь чувствовался лишь остаточный след его бывшего присутствия.

Обдумывая ситуацию, Корландриль обнаружил, что прилегающие апартаменты заняты, и обратился к тому, кто находился в них. Через некоторое время в сводчатом проходе появилась дама преклонного возраста, окруженная аурой мудрости и собственной значимости. Из многолетнего контакта с ней в Бесконечном Круговороте Корландриль узнал, что ее зовут Терисианит и она — пилот орбитального челнока.

— Чем я могу помочь тебе, Корландриль? — спросила она, прислонившись плечом к стене арки. Дама внимательно рассматривала скульптора, глядя на него так же, как он сам смотрел на других. Когда-то в своей долгой жизни Терисианит была художником.

— Я ищу моего друга, твоего соседа, Арадриана, — сказал Корландриль. — Он

вернулся на борту «Лаконтирана» девять дней назад.

— Твой друг не возвращался сюда уже двенадцать циклов, — ответила ему Терисианит. Корландриль не понял, почему она произнесла слово друг с легким сарказмом, хотя, быть может, она уловила в его поведении едва заметную нерешительность. — Он ушел со своим спутником, Тирианной. С тех пор я его не видела и не чувствовала его присутствия.

— А нет ли у вас хоть какого-то представления о том, куда они направлялись?

Терисианит сделала жест пальцем в знак отказа отвечать, повернув при этом запястье так, что стало ясно: она считает такой вопрос предосудительным. Не желая более навязываться, Корландриль кивнул в знак прощания и, повернувшись, медленно отправился вниз по пандусу, размышляя над тем, чем же мог заниматься Арадриан двое суток. Неужели он провел все это время с Тирианной?

Тут Корландриля потянуло в мотельсон, и видение из прошлого оккупировало

большую часть его сознания, лишь малая часть которого продолжала управлять телом скульптора, ведя его к изогнутой скамье неподалеку от жилища Арадриана. Его путеводный камень вяло запульсировал, но он пренебрег его сигналами и еще глубже погрузился в грезы.

Благоухание синецвета, смешанное с ароматом цветущей озерной вишни. Щебетание и стех. Тирианна стоит рядом с отцом, она просто ослепительна в длинном черно-золотом платье, ее бронзового цвета волосы схвачены парящей сеткой из темно-синих воздушных драгоценных камней. Взгляд ее зеленых с золотыми крапинками глаз падает на Корландриля, как только он входит в увенчанный куполом зал. Арадриан — рядом с ним, Корландриль ощущает исходящее от него тепло — и физически, и эмоционально. Его друг прав: дочь ясновида Аурентиуна прекрасна, это лучезарная звезда в галактике света.

Арадриан представил их друг другу. Тирианна улыбнулась, и Корландриль

растаял под ее взглядом. Она выразила восхищение его плащом под лунного тигра. Он пробормотал в ответ какую-то глупость, которую предпочел тут же забыть. Они танцевали, меняя партнеров. Под резкие звуки губной гармоники Арагриана. Корландриль играл на своей световой флейте, изумляя собравшихся звуками и красками — творением ловких пальцев и веселой души.

А затем последовал очень жаркий день, и они втроем наслаждались искусственным солнцем и сиреневыми пляжами Купола Восходящей Надежды. Вновь переживая ту ничем незамутненную радость, которую они делили друг с другом, Корландриль наслаждался чистотой их отношений. Все трое — музыканты, они дали друг другу наслаждение и подраживали своими мелодиями, объединяясь ритмом своих мыслей и чувств.

Тут вновь вмешалась змея, вырвав Корландриля из его грез. Не было ли между Тирианной и Арагрианом чего-то большего, чем просто дружеские

отношения? Корландриль вздрогнул, внезапно выйдя из ментоса, но тут же перенастроил себя на выполнение стоящей перед ним задачи. Легче будет найти Тирианну, чем Арадриана, и если его непредсказуемый друг сейчас не с ней, у нее могут быть идеи получше, где его можно найти.

Корландриль отыскал терминал системы безграничной связи в шептолистовой роуще неподалеку от апартаментов и сделал спокойный запрос в поисках Тирианны. Она пребывала на Алайтоке дольше, чем Арадриан, и ее присутствие в психотатрице Алайтока было сильнее. Скульптор сосредоточился на образе Тирианны и ощутил следы ее перемещения по миру-кораблю в течение предыдущих двух суток: здесь, где она встретилась с Арадрианом, его след также воспринимался очень четко, на Бульваре Разделенных Лун, вдоль пассажей с модными товарами и ювелирными изделиями, в ее собственных апартаментах — одна, отметил Корландриль с некоторым

удовлетворением -- в течение половины цикла, затем -- у Залива Отступающей Печали, где снова -- очень недолго -- присутствовал Арадриан. Сейчас она снова у себя, в тишине, возможно -- медитирует или сочиняет.

Корландриль подумал о дружеской встрече с Тирианной и направил ей эти мысли. Ожидая ее ответа, он воспринимал фоновые вибрации Бесконечного Круговорота: празднество в Куполе Последнего Восхода, тревожный трек, исходящий из Храма Конечного Покрова.

И тут Корландриль отшатнулся, его оттолкнул привкус, оставшийся от невольного контакта со святилищем аспектных воинов. Он был далек от воинов, но Храм Конечного Покрова -- прибежище одной из сект Темных Жнецов, в которую входили его друзья Артус и Маэртун. Он не интересовался военными вопросами, считая, что все, связанное с войной, оказывает неприятное воздействие на его работы. В его творчестве нет места кровожадному Каэла-Менша-Кхаину, однако, то, что его друзья могут быть в

это вовлечены, интересовало Корландриля.

Он перенес свое внимание на спящую Тирианну. Она пробудилась почти сразу и отправила ему образ его статуи Уши, по которой стояли они вдвоем: это было приглашение. Корландриль отправил в ответ изображение обратно Тирианне с небольшим уточнением: активированные ночные щиты приглушали свет утирающей звезды до ранних сумерек. Тирианна ответила таким же образом, и встреча была согласована.

Удовлетворенный собой, Корландриль прервал контакт с Бесконечным Круговоротом. Вернувшись к Опаловым Апартаментам, скульптор отправился на другом небесном катере к своему жилищу. На обратном пути оживление Корландриля угасло, его угнетало отсутствие активного следа Арадриана в системе.

Тирианна сидела на изогнутой скамье неподалеку от статуи, устремив взгляд на тусклый свет за куполом. Корландриль быстро пересек лужайку, и она обернулась к

Нету с улыбкой, которая тут же слетела с ее губ.

--- Арадриан покинул Алайток, --- тихо сказала Тирианна, когда Корландриль села рядом.

Это захватило скульптора врасплох, и ему понадобилось время, чтобы перестроиться: он собирался начать беседу с вопроса о благополучии Тирианны. Корландриля охватил шквал эмоций: потрясение, разочарование и до некоторой --- незначительной --- степени удовлетворение, что его обеспокоило.

--- Я не понимаю, --- заявил скульптор. --- Да, у нас была размолвка, но я думал, что он собирается остаться на Алайтоке еще на некоторое время.

--- Он не из-за тебя уехал, --- произнесла Тирианна, хотя непроизвольное асимметричное моргание выдало противоречие в ее мыслях. Она не лгала, но в то же время не была полностью убеждена в том, что говорит правду.

--- Почему же он не пришел со мной повидаться, прежде чем уехать? --- спросил Корландриль. --- Мы с ним несколько

разошлись, это очевидно, но я не думал, что он обо мне столь невысокого мнения.

--- Дело не в тебе, --- сказала Тирианна, и ее тон и полуприкрытые глаза указывали на уверенность в том, что бегство их друга с мира-корабля она считает своей виной.

--- Что случилось? --- спросил Корландриль, изо всех сил стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало ни намек на упрек. --- Когда уехал Арадриан?

--- Он взошел на борт «Ургириса» вчера, после того, как мы провели вместе некоторое время.

Корландриль тихоходом слышал название этого корабля, но не смог сейчас ничего вспомнить. Тирианна заметила вопросительное выражение на его лице.

--- «Ургирис» --- корабль дальнего следования, он направился к экзодитам на Элан-Шетареш, а затем --- к Зилней Пустоте Мейоса, --- объяснила она.

--- Арадриан желает стать... странником? --- Корландриль испытывал одновременно недоверие и неприязнь. Он прикоснулся тонким пальцем к нижней

зубе, устирая бешено скачущие мысли. -- Я и представить себе не мог, что он настолько недоволен Алайтоком.

-- Да и я -- тоже, и, возможно, именно поэтому он уехал так быстро, -- призналась Тирианна. -- Полагаю, что я говорила с ним опротивительно и проявила равнодушие и тем побудила его уехать скорее, чем он мог в противном случае предполагать.

-- Я уверен, что вы не... -- начал Корландриль, но Тирианна оборвала его взволнованным жестом.

-- Не желаю об этом говорить, -- вот и все ее объяснение.

Оно так и повисло в тишине, а меж ветвей деревьев над ними носились талокрылки, выводя трели друг для друга. Где-то далеко среди деревьев заработал ветродуй, и листья нежно зашелестели, возник успокаивающий звуковой фон.

-- Есть еще кое-что, о чем я хотел с тобой поговорить, -- произнес Корландриль, отбросив мысли об Арадриане. -- У меня есть предложение.

В зеленых глазах Тирианны вспыхнул

интерес. Приподняв подбородок, она дала понять, что им следует встать.

— Стоит обсудить это у меня, может, вывет чего-нибудь?

— Это было бы весьма уместно, — подхватил Корландриль, и они направились к выходу из купола.

Оба хранили молчание и шли несколько поодаль друг от друга, сохраняя дистанцию, которая свидетельствовала о своего рода компромиссе между товарищескими отношениями и благопристойностью. Сердце Корландриля билось несколько быстрее, чем обычно. Не ожидая столь любезного ответа от Тирианны, он пытался сопротивляться возрастающему волнению.

Им понадобилось время, чтобы добраться пешком до выхода из купола, и прошла уже половина ночи, когда они вошли в серебристый сводчатый проход, ведущий на главную дорогу вдоль внешней стороны тира-корабля. Здесь тоже наступили сумерки, и тьмоте нарушал лишь бледный красноватый отсвет утирающей звезды и блуждающие огоньки

Безграничного Круговорота вокруг них.

Широкий проход был тихим, они обогнали, быть может, с десяток других эльдаров, пока добрались до поворота к департаментам Тирианны. Она занимала комнаты в комнате поэтов в Башне Премлющих Очевидцев. Это место было известно своей атмосферой, содействующей вдумчивому созерцанию, и видяти на звезды и на весь Алайток.

Они уже собирались ступить на безущую дорожку, ведущую к башне, когда из сутрака перед ними появилась большая группа. Почувствовав нечто трагичное, Тирианна придвинулась поближе к Корландрилю, который защитительным жестом положил руку на ее плечо, сам он в то же время испытал некое предчувствие, и его настроение упало.

Это была группа аспектных воинов, которых окружала аура смерти, ощутимая, подобно зловонию. Одетые в тупнупно-черные бронедоспехи, в спокойных сутерках они производили оглушительный шум своей тяжелой поступью. Корландриль ощущал, как исходящая от

них угроза растет по мере их приближения, путеводные камни воинов светились, словно глаза, налитые кровью. Они снимали боевые шлемы и несли их пристегнутыми на ремнях, а в руках -- небольшие ракетные пусковые установки.

Темные Жнецы: одержимые богом войны в его аспекте Разрушителя.

Хотя они были без шлемов, на лицах у них все еще оставалась рана Темного Жнеца, начертанная кровью. Когда аспектные воины проходили мимо, Тирианна и Корландриль прижались к краю прохода, выискивая среди них лица друзей. Скульптор осознал, что он непреднамеренно выставил Тирианну немного перед собой, и это укололо его гордость. Со своей стороны, девушка была спокойна, но испытывала чувство тревоги. Корландриль чувствовал ее дрожь под своей ладонью. Это не страх, а какое-то волнение. Она прошла Путем Воина, так звывает ли к ней Кхаин сейчас? Присутствие аспектных воинов -- находило ли оно отзыв где-то в глубине ее души, под той цивилизованностью, которую эльдары

так старались сохранить?

Тирианна показала Корлангрилю на Маэртүина. Артүис шел несколько позади. Остановившись, братья обратили взоры на своих друзей. Их взгляды были пусты, лишены почти всякого выражения, в них тлел лишь слабый огонек узнавания. Почувяв кровь на их лицах, Корлангриль подавил грюжь.

--- Вы в порядке? --- спокойно и уважительно спросила Тирианна.

Артүис тегленно кивнул.

--- Победа осталась за нами, --- произнес нараспев Маэртүин.

--- Мы встретится с вами у Полүмесеца Зарождающихся Столений, --- сказал Артүис.

--- В начале следующего дня, --- добавил Маэртүин.

Друзья кивнули им в знак согласия, и два воина отправились дальше. Тирианна расслабилась, а Корлангриль издал вздох облегчения, с радостью избавившись от пустых, но странно пронизывающих взглядов своих друзей.

--- Для меня просто непостижимо

быть вовлеченным в такой кошмар, ---
признался Корландриль, когда они вдвоем
ступили на движущуюся дорожку, все еще
не избавившись от пережитого во время
встречи смятения.

Они поднимались на плавно
двигается пандусе по спирали, которая
неспешно закручивалась вокруг Башни
Дремлющих Очевидцев. Добравшись до
верха, они словно выплыли в небо, залитое
звездным светом, и Корландриль ощутил
глубокое волнение, осознав, что между ним
и бездонной пустотой космоса нет ничего,
кроме невидимого энергетического щита.
На мгновение ему отчасти стало понятно,
насколько притягательны звезды, которые
так пленяли Арагриана.

--- Это --- не потворство своим
желаниям, --- сказала Тирианна.

--- Что именно?

--- Путь Воина --- это не потворство
своим желаниям, --- повторила она. ---
Нельзя просто оставить гнев во тьме,
чтобы он отравлял все вокруг и
разрастался, оставаясь невидимым. Раньше
или поздно он может найти выход.

--- Так, а на что, собственно, злиться? --- растеялся Корландриль. --- Возможно, если бы мы были с Бьель-Тана, со всеми их разговорами о возвращении старой империи, тогда, быть может, мы и нашли бы применение всему этому таханию мечати и пальбе. Это --- не цивилизованное поведение.

--- Ты пренебрегаешь страстями, которые правят тобой, --- выпалила Тирианна.

Корландриля кольнуло чувство вины, и он стылся.

--- Я не хотел тебя обидеть, --- заверил он.

--- Важны не намерения, --- сказала девушка, прищурившись и сжав губы. --- Может, ты захочешь выстегать и другие Пути, по которым я прошла?

--- Я не имел в виду... --- Корландриль утолк, не уверенный в том, что же он действительно имел в виду, от неожиданного пренебрежения, которое выказала Тирианна, его говорливость куда-то испарилась. --- Прости.

--- Путь Грез, Путь Пробуждения,

Путь Художника, -- перечислила девушка. --
-- Всегда -- потакание своим желаниям,
всегда -- забота о своих потребностях, ни
чувства долга, ни преданности другим.

Корландриль пожал плечами,
одновременно широко разведя в стороны
приподнятые руки.

-- Я просто не понимаю этого
желания, которое ощущают некоторые из
нас, -- утолить жажду крови, у меня
такого не бывает.

-- Этим-то ты и опасен, -- заявила
Тирианна. -- Куда девается гнев, который
тебя охватывает, когда тебя кто-нибудь
злит? Что ты делаешь с ненавистью,
которая полыхает в тебе при
размышлениях об утраченном нами? Ты не
научился сдерживать эти чувства, ты
просто не придаешь им значения.
Присоединение к Кхаину, принятие одного
из его аспектов -- это подготовка не к
столкновению с врагом, а к
противостоянию с самим собой. Всем нам
рано или поздно следует это сделать.

Корландриль покачал головой.

-- Это делают лишь те, кто хочет

бойны.

--- «Предсказание результатов вопроса» Финдрузэйр, --- сказала Тирианна, изогнув губы в насмешке и приподняв бровь. --- Да-да, я это тоже читала, не удивляйся. Однако я читала это, уже пройдя по Пути Воина. Умозрительные построения эстета --- ведь она написала о том, чего не знает по собственному опыту. Наихудшее лицемерие.

--- А ведь это --- один из самых главных философов Цянгена.

--- Радикальный пустозвон без истинного благого дела и кутир гиринксов.

Корландриль растеялся, и получил в ответ хмурый взгляд.

--- Прости меня, --- сказал он. --- Я надеюсь, это --- не образчик твоей поэзии.

Тирианна, не зная, то ли досадовать, то ли смеяться, в конце концов улыбнулась.

--- Ты только послушай нас со стороны! Парочка философов с галерки! Да что мы знаем?

--- Довольно мало, --- согласился Корландриль, кивнув. --- И я думаю, это

может оказаться опасным.

Стоя рядом с Тирианной, он внимательно наблюдал за тем, как она смешивает свой любимый коктейль из соков с донным льдом. Девушка передала ему узкий бокал и сделала жест в сторону одной из подушек, которые служили сиденьями в ее гостиной. Со времени его предыдущего визита она сделала в квартире перестановку и все перекрасила. Исчезли голографическая копия «Памятника триумфу дерзости» Улугурана и нежно-голубые тона. Все было белым и светло-серым, а из мебели присутствовали только твердые подушки. Корландриль подчеркнуто обвел взглядом комнату.

--- Это --- в некотором роде пост-Теретиунский минимализм, не так ли? --- произнес он, пытаясь устроиться поудобнее.

--- Так у тебя было предложение? --- спросила Тирианна, игнорируя подразумеваемый упрек.

Корландриль заколебался. Атмосфера

показалась ему неподходящей. Хотя они и разобрались со своими разногласиями до того, как пришли сюда, от взаимопонимания и доверия, которые они с Тирианной испытывали в садовом куполе, почти ничего не осталось. Ему нужно, чтобы она отнеслась к его идее с пониманием. Следует начать с того, в чем они сходятся: с отъезда Арадриана.

--- Жаль, что Арадриан снова покинул нас, --- сказал он совершенно искренне. --- Я надеялся, что смогу убедить его присоединиться ко мне на Пути Художника. Возможно, мы смогли бы возродить то, что объединяло нас на Пути Грез.

Тирианна резким движением отбросила назад волосы, она была явно раздражена.

--- Что ж тут не так? --- спросил Корландриль.

--- Ты желал этого не ради Арадриана, --- заявила девушка, усаживаясь напротив скульптора. --- Как всегда, это --- потому, что ты хотел, чтобы он стал художником, а не потому, что это ---

наилучший вариант для него.

--- У него нет цели, и он одинок, ---
возразил Корландриль. --- Я думал, что
если бы он научился видеть вселенную так,
как я, глазами художника, он смог бы
оценить то, что предлагает ему мир
корабль.

--- Ты все еще раздосадован тем, что
ему не понравилась твоя скульптура! ---
воскликнула Тирианна --- это ее и
забавляло, и в то же время вызывало
чувство презрения. Она раздраженно
вздохнула. --- Думаешь, если бы он научился
«видеть» как надо, то еще больше оценил
бы твою гениальность. Ты считаешь его
критику необоснованной лишь потому, что
у него нет твоего образования.

--- Быть может, дело именно в этом, ---
произнес Корландриль примирительным
тоном, осознавая, что избрал неверный
курс. --- Я не хочу, чтобы нас разделяло
отсутствие Арадриана. Однажды он
вернется, в этом я уверен. Мы оба без него
справились, и нам снова это удастся.
Конечно, если мы останемся близки друг с
другом.

--- Твоя дружба важна для меня, --- сказала Тирианна, разогрев надежды Корландриля. Он продолжил.

--- Я задумал новую скульптуру, нечто, очень отличающееся от моих предыдущих работ, --- объявил он.

--- Приятно слышать. Думаю, если ты найдешь, чем занять ум, меньше будешь размышлять над ситуацией с Арадрианом.

--- Да-да, верно! Я собираюсь окунуться в портретную скульптуру. Это будет на самом деле скульптурное свидетельство сильной привязанности.

--- Звучит интригующе. Возможно, нечто, приближенное к действительности, будет полезно для твоего развития.

--- Давай не будет уж слишком увлекаться, --- сказал Корландриль с улыбкой. --- Думаю, там найдется место и какому-то абстрактным элементам. В конце концов, как правдиво отобразить любовь и дружеские отношения в одних лишь чертах лица?

--- Поразительно! Я пойму, если ты не захочешь мне сказать, но что же вдохновляет на такое произведение?

Корландриль подумал было, что она прикидывается, но, всмотревшись в ее лицо, убедился, что девушка не имеет ни малейшего представления о том, что будет объектом его творчества. Змея внутри Корландриля, зашинева от досады, распустила свои кольца. Зачем были все его вступления? Его чувства к ней были не очевидны, да и свой замысел он выразил не слишком изысканно. Не игра ли это с ее стороны, -- может, она хочет, чтобы он вслух высказал то, что понимают они оба?

-- Ты -- мое вдохновение, -- спокойно произнес Корландриль, не сводя взгляда с Тирианны. -- Именно тебя я желаю изобразить олицетворением преданности и страсти.

Тирианна заторгала, ее брови поползли вверх от потрясения.

-- Я... Ты... -- Она отвернулась. -- Не думаю, что это обоснованно.

-- Обоснованно? Это выражение моих чувств, и в обосновании тут ничто не нуждается, речь идет о зримом воплощении моих желаний и мечтаний. Ты -- мое желание и мечта.

Тирианна не отвечала. Встав, она сделала пару шагов и только потом повернулась к Корландрилю с серьезной миной.

--- Это --- нехорошая идея, мой друг, --- сказала она мягко. --- Я ценю твое чувство, и, быть может, некоторое время назад я была бы не только польщена, но и обрадовалась.

Этея всадила ядовитые зубы в сердце Корландриля.

--- Но не сейчас? --- спросил он, сомневаясь, боясь ответа.

Она покачала головой.

--- Прибытие и отъезд Арадриана заставили меня осознать: кое-что в моей жизни было неверно вот уже несколько месяцев, --- призналась она. Корландриль протянул руку в нерешительном жесте, подзывая ее приблизиться. Девушка села рядом и взяла его руку в свои. --- Я снова меняюсь. Путь Поэта для меня исчерпан. Я горевала и радовалась в своих стихах, и чувствую, что избавилась от бремени, что меня тяготило. Я ощущаю, что во мне нарастает другой зов.

Корландриль выдернул свою руку.

--- Ты собираешься присоединиться к Арадриану, --- выталил он. --- Я знал: вы двое что-то от меня утаиваете.

--- Не будь смешным, --- равкнула Тирианна в ответ. --- Он уехал именно потому, что я сказала ему то же, что говорю тебе.

--- Так значит, он с тобой заигрывал! --- вскочив, скульптор яростно провел рукой по лбу и устретил на свою подругу обвиняющий перст. --- Это правда! Отрицай это, если постеешь!

Сильно шлепнув по его руке, она оттолкнула ее в сторону.

--- Какое ты имеешь право предъявлять мне какие-то требования? Если тебе нужно это знать, я никогда даже и не думала о том, чтобы быть с Арадрианом, даже до того, как он уехал, и определенно --- не после его возвращения. Я просто не готова к другой жизни. В сущности, именно поэтому я не могу быть твоей музой.

Тирианна сделала шаг к нему, протянув руки дружеским жестом.

--- Я отклоняю знаки внимания с твоей стороны сейчас, чтобы уберечь тебя от страданий в будущем, --- продолжила она. --- Я говорила с ясновидцем Алайтейром, и он согласился с тем, что я готова вступить на Путь Провидца.

--- Провидца? --- с насмешкой произнес Корлангриль. --- Ты не смогла предугадать твоих романтических намерений, и тем не менее думаешь, что сможешь стать провидицей?

--- Я угадала твои намерения и отвергла их, --- сказала девушка, положив ладонь на его руку. --- Я не желаю поощрять тебя, признать твои чувства ко мне --- значит сделать это свершившимся фактом, а этого я бы хотела избежать ради нас обоих.

Корлангриль, вытянув свою руку из-под ее ладони, отмахнулся от ее аргументов.

--- Если ты не испытываешь ко мне таких же чувств, так и скажи. Не щади мою гордость ради своего спокойствия. Не прячься за этой отговоркой о переменных Путьей.

--- Это правда, а не отговорка! Ты любишь Тирианну-поэта. Мы сейчас довольно похожи, хоть наши Пути различны, все же мы в общем идем в одном направлении. Когда я стану провидицей, я уже не буду Тирианной-поэтом. Ты не любишь ту личность.

--- Зачем лишать меня права самому выяснить это? Кто ты такая, чтобы судить, что будет, а чего не будет? Ты еще даже не вступила на этот Путь, а уже претендуешь на обладание способностями провидицы?

--- Если и вправду твои чувства останутся прежними, когда я стану провидицей, и мои -- тоже, то -- будь что будет.

Корландриль удержался от гневного ответа, ухватившись за слова Тирианны. В нем расцвела надежда, ее яркие цветы пригушили злобную змею.

--- Твои -- тоже? Ты признаешь, что у тебя есть ко мне чувства.

--- У Тирианны-поэта есть к тебе чувства и были всегда, -- созналась девушка.

--- Тогда почему бы нам не принять это чувство, которое мы разделяем? --- воскликнул Корландриль, сделав шаг вперед и взяв ладони Тирианны в свои. Теперь настал ее черед выдернуть руки. Заговорив, она не смогла заставить себя взглянуть на него.

--- Если бы я поддалась этой страсти с тобой, она бы удержала меня на месте, возможно, поймала бы в капкан как поэта, непрестанно пишущего втайне любовные вирши.

--- Тогда мы останемся вместе, поэт и художник! Что же в этом не так?

--- Это --- не безопасно! Ты же знаешь, что неблагоразумно застывать в самом себе. Наша жизнь должна проходить в постоянном движении, в переходах с одного Пути на следующий, в развитии самоощущения и понимания вселенной. Излишества ведут во трак, который уже некогда наступал. Это привлекает... Ее внимание. Той, Что Жаждет.

Корландриль вздрогнул при упоминании Проклятия эльдаров, даже посредством эвфемизма. Его путеводный

камень, затренивая вместе с ним, стал
холодным на ощупь. Все, что сказал
Тирианна, -- правда, бережно сохраняемая в
учениях миров-кораблей, сама структура
их общества устроена таким образом,
чтобы избежать возврата к
невоздержанности и излишествам,
которые привели к Грехопадению.

Но Корлангрилю все равно. Это же
глубоко, что ему и Тирианне будет отказано
в их счастье.

-- То, что мы чувствуем, -- вовсе не
неверно! С самого основания миров-кораблей
наши люди любили и выживали. Почему же
у нас будет по-другому?

-- Ты используешь те же самые
аргументы, что и Арадриан, -- призналась
Тирианна, поворачиваясь к Корлангрилю. --
Он просил меня забыть о Пути и
присоединиться к нему. Даже если бы я
любила его, я не смогла бы этого сделать.
Я не могу этого сделать с тобой. Хотя я
испытываю к тебе глубокие чувства, я не
буду рисковать своей вечной душой ради
тебя -- ведь если бы я шагнула в бездну
пустоты -- разве смогла бы я дышать? -- В

ее глазах появились слезы, которые она до сих пор сдерживала. -- Пожалуйста, уходи.

Корлангриля охватило всепоглощающее страдание. Его раздирали страсти и ярость, они полыхали у него в крови и сотрясали его разум. Он ощущал, как проваливается в глубокую яму тьмы и отчаяния. Корлангрилю хотелось потерять сознание, но он из всех сил держался прямо, заставляя себя глубоко дышать. Змея внутри него, тесно обвившись вокруг каждого органа и кости, выдавливала из него жизнь, наполняя физической болью.

-- Я не могу помочь тебе, -- проговорила Тирианна, глубоко страдая при виде мучений, которые испытывал Корлангриль. -- Я понимаю, что тебе больно, но это пройдет.

-- Больно? -- выпалил яростно скульптор. -- Да что ты знаешь о моей боли?

Его утонченная душа художника кричала от невыносимой тьмы и рвалась выразить себя. Больше не было выхода для сдерживаемого напряжения; чувства к

Сирианне, которые он скрывал долгие годы, грозились прорваться. Корландриль просто не был внутренне подготовлен к тому, чтобы высвободить ураган ярости, который бурлил в нем. Он не мог уйти за утешением в грезы, не мог избавить скульптуру, чтобы избавиться от боли, никакое физическое ощущение не могло вытеснить страдание, которое терзало его душу. Раскаленный добела путеводный камень пылал на его груди.

В Корландриле закипало неистовство. Ему хотелось ударить Сирианну за ее себялюбие и близорукость.

Он хотел пролить кровь, чтобы его боль излилась из глубоких ран и унесла гнев. Больше всего ему хотелось, чтобы еще какое-нибудь существо испытало такое же страдание, почувствовало такую же опустошенность.

Лишившись дара речи, Корландриль бежал, объятый ужасом перед тем, что обнаружил в своей душе. Доковыляв до пандуса, он встретил взгляд в бездонные небеса, по его лицу бежали слезы, сердце колотилось в груди.

Ему нужна помощь. Помощь, чтобы
залить костер, полыхающий в его разуме.

В далекие времена, до Войны в Небесах и даже до пришествия эльдаров, боги плели интриги и строили планы, связываясь в вечную игру обмана и любви, предательства и домогательств. Күрноүс, бог охоты, был возлюбленным Лилеаты Луны, к ним благоволил Всемогущий Азүриан, с ними дружили другие боги за исключением Каэла-Менша-Кхаина, Кроваворукого, который сам желал Лилеату. Он жаждал ее не за красоту, которая была вечной, и не за веселый ум, благодаря которому она была дружна со всеми остальными богами. Кхаин желал Лунную богиню просто потому, что она выбрала Күрноүса. Кхаин попытался поразить ее своими боевыми умениями, но Лилеата осталась равнодушной. Он сочинял оды, чтобы добиться ее расположения, но его стихи были неизменно грубы, исполнены желания покорять и облагать.

Лилеата ни за что не будет

принадлежать никому другому.
Раздосадованный Кхаин пришел к Азуриану и потребовал, чтобы Лилеате отдала ему. Азуриан заявил Кхаину, что он не может взять Лилеату силой и что если он не сумеет завоевать ее сердце, то не сможет ее заполучить. Разъяренный Кхаин поклялся, что если он не будет обладать Лилеатой, то она не достанется никому. Кхаин взял свой меч «Вговогел», Убийцу Миров, и прорубил дыру в пустоте. Схватив Лилеату за лодыжку, он закинул ее в расселину меж звезд, откуда она не могла светить. Тысячу дней небеса были темны, пока Күрноус, отважный и находчивый, не бросил вызов траку расселины и не вызволил оттуда Лилеату, так что ее свет вернулся во вселенную.

Корлангрилю понадобилось время, чтобы немного успокоиться. Пристыженный, доведенный до отчаяния, он укрылся среди деревьев Күнола Полночных Лесов, где прекратил рыдать и брзжать. Корлангриль отстранился от тех физических процессов, что протекали

в его теле, позволив им продолжаться без всякого его вмешательства, и словно утратил зрение и осязание, обоняние и слух. Так обособлять себя, полностью отключаясь от всех внешних раздражителей, он научился, идя по Пути Проз. Заткнувшись в своих мыслях, где ничто его не отвлекало, он сопротивлялся искушению погрузиться в тело-сон и забыть обо всем. На Пути Пробуждения он научился направлять внимание в противоположном направлении, прекращая сознательное размышление и сосредотачиваясь лишь на восприятии и отклике.

Те два Пути хорошо дополняли его выбор стать художником, но теперь они оставили его уязвимым. Его опыт взрослого был направлен на анализ и управление взаимодействием с окружающим, позже, став скульптором, он стал самовыражаться творчески, превращая мысль в деяние. Теперь же его мысли были безрадостными, даже кровожадными, и он оказался не в состоянии их выразить.

Разбираясь в своих впечатлениях и воспоминаниях, Корлангриль старался постичь, что же произошло. Он не понимал, что прорвало эмоциональную плотину, которая сдерживала наиболее мрачные его чувства. Он не мог найти ответа. Скульптор был настолько взбужоражен, что уже не испытывал уверенности в том, какие же именно вопросы требовали ответа. Понимая, что нельзя позволять этим мыслям буйствовать в голове, он в то же время не мог и действовать, повинувшись им. Это означало бы поддаться беспорядку и потворству своим желаниям, что и привело к Трехопадению.

Корлангрилю пришло в голову отыскать терминал Безграничного Круговорота и вступить в контакт с Абрахасилем, но он тут же отверг эту идею. Не в том он состоянии, чтобы вступить во взаимодействие с Круговоротом. Его эмоциональная нестабильность наверняка привлекла бы внимание не с той стороны, если и не навредила бы по-настоящему ему или

Бесконечному Круговороту. Даже если бы ему удалось в достаточной степени овладеть собой, чтобы правильно обращаться с Круговоротом, Абрахасиль не смог бы ему помочь. Ведь дело здесь было не в некоей дилемме, касающейся формы, или восприятия, или даже способов выражения. Корлангриль просто не мог понять, отчего он так страдает и почему это страдание проявляется в такой разрушительной форме.

В охватившем Корлангриля вихре мыслей его внимание привлекла проблемка, которая требовала немедленного решения. Проанализировав ее, Корлангриль вспомнил об условленной встрече с Артурисом и Маэртүином. Связав это напоминание с тем, что отложилось в его памяти, он сопоставил все с охватившими его сейчас чувствами. И тут он испытал шок узнавания, представив, что он увидел, или, скорее, не увидел, в пустых взглядах своих друзей, когда на них была боевая раскраска. Безразличие, которое он увидел там, выражение, в котором не было ни

цветов, некоторые — светящиеся, другие —
шипучие, разливались из высоких узких
контейнеров или из стоящих рядами
сияющих бутылок, которые постоянно
пополнялись теми, кто шел по Пути
Услужения. Демпфирующее поле
обеспечивало клиентам возможность
спокойного общения, хотя здесь
одновременно звучали тысячи голосов,
громко приветствуя, споря, прощаясь и
успокаивая.

В одной зоне народу было
значительно меньше, чем в остальных,
другие эльдары держались поодаль от тех
посетителей, что сидели на глиняных
скамьях. Здесь располагались аспектные
воины: лишённые боевой раскраски, они были
погружены в спокойное размышление.

Корлангриль осторожно приблизился
к ним. Даже после долгой медитации и
успокаивающих мантр его все еще была
нервная дрожь из-за недавно пережитого.
Когда он пересекал светло-голубой пол,
направляясь к аспектным воинам, другие
эльдары провожали его долгими

взглядами, что отнюдь не помогало ему успокоиться.

Скульптор остановился, налил себе бокал рассветного напитка и, прислонившись к изогнутой стойке, стал вглядываться в собравшихся аспектных воинов в поисках своих грузей.

В приветствии поднялась рука, и Корлангриль узнал Артуиса. Слева от него сидел Маэртун. Вокруг них располагались несколько грузих эльдаров, не знакомых Корлангрилю. Они сидели с тонкими блюдами на коленях, брали с них руками пищу, незротно переговаривались. На скамье напротив его грузей освободили место, и скульптор, взволнованный присутствием столь многих воинов, сел.

— С наступлением нового дня, — произнес Маэртун. — Ты не голоден?

— Да я бы целого нарского кабана освежевал и съел, — заявил Артуис. На его блюде возвышалась гора пищи, и он, высказавшись, отправил в рот пригоршню ароматных зерен.

— Это Элиссанагрин, — представил Маэртун женщину-эльдара, сидевшую

слева. Ей лет восемьдесят или девяносто, почти вдвое больше, чем Корлангрилю. У нее — скучастые щеки, угловатое лицо и тонкий, острый нос. Повернувшись, она улыбнулась Корлангрилю, ее движения были четкими и резковатыми. Выдерживая паузу, она опознавала личность вновь прибывшего.

— Рада с тобой познакомиться, Корлангриль-скульптор, — сказала Элиссанагрин. Она говорила так же резко, как и двигалась.

Корлангриль открыл ладонь в приветствии. Ему представили других воинов: Фиаритина, лишь недавно достигшего зрелости, Селлизарина, высокого эльгара постарше, и других, чьи имена и лица Корлангриль сохранил в памяти на будущее.

— В тебе что-то изменилось, Корлангриль, — отметил Артүс, убирая пустое блюдо на полку под скатъей. — Я чувствую, что-то тебя печалит.

— Трудно не заметить твоего волнения, — добавил Маэртүин. — Возможно, тебе неуютно в этой компании.

Скульптор окинул взором аспектных воинов. На первый взгляд, они не отличались от других эльдаров. Без боевой раскраски все они выглядели совершенно по-разному. Некоторые явно подавлены, другие --- оживлены, большинство --- задумчивы.

--- Не хочу быть назойливым, --- сказал Корландриль. Его взгляд упал на одного из воинов --- старую рыдающую женщину, которую утешали ее товарищи. --- Я знаю, что недавно произошло сражение.

Проследив за взором скульптора, Артүис печально покачал головой.

--- Мы потеряли нескольких и скорбит, но их души были спасены, --- толвила Элиссанагрин. Остальные согласно кивнули.

--- Я сочиню стихи в память о том времени, которое они провели с нами, --- сказал Артүис.

--- Я рыдал как дитя, когда слыл боевую раскраску, --- признался Маэртүин с кривой утешкой. --- Думаю, больше всего мне будет не хватать Неаториүна. Это был добрый друг и одаренный певец.

Это имя отозвалось вспышкой в памяти Корландриля, и он вспомнил, как посетил концерт в Куполе Чарующего Эха.

--- Я видел, как он выступал, --- заметил скульптор, желая принять участие в беседе. --- Он пел «Балладу Ультанаша»!

--- Это была его любимая, --- устехнулся Артурис. --- Неудивительно, что он присоединился к Огненным Драконам, такой энергичный и заводной.

--- Я видел его в прошлом году и даже не представлял, что он --- Огненный Дракон.

--- Все время сражаться невозможно, --- отметил Маэртун. Казалось, это напомнило ему о чем-то, и он посмотрел на Корландриля. --- Жаль, что я пропустил открытие твоей статуи. Я посмотрю ее сегодня, попозже.

На Корландриля нахлынули воспоминания об этом событии и его разговоре с Арадрианом, которая испортила тот вечер, безупречный во всем остальном, и он вновь испытал состояние чувств. Все вокруг

почувствовали его взволнованность.

--- Я был прав, тут что-то не так, ---
сказал Артурис. --- Уверен, что твоя работа
произвела глубокое впечатление.

--- У меня был друг, который думал по-
другому.

Со всех сторон озабоченно
зашептались, и Корландриль осознал, что
не только упомянул о своем друге в
прошедшем времени, но и далее высказался
о нем так, как говорят о покойных. Это
была оговорка, но она выдала нечто
скрытое глубже. Корландриль поспешил
исправиться.

--- Он покинул Алайток, чтобы стать
странником, --- сказал он и сделал жест
рукой, словно отмахиваясь от неудачного
высказывания. --- Это было непросто, я его
видел совсем недолго. Он все еще с нами,
хотя, я не думаю, что наша дружба
пережила это.

--- Ты говоришь об Арадриане? ---
спросил Маэртун. Скульптор кивнул.

--- Я всегда считал Арадриана
несколько странным, --- признался Артурис, ---
и нитало не удивился бы, узнав однажды

утром, что он отправился к звездам.

Корлангриля это несколько покоробило. Артурис растеялся, заметив его реакцию.

--- Понимаю, он был твоим другом, но он всегда был каким-то слишком отдаленным, --- добавил Артурис. --- Меня вовсе не удивляет, что он стал странником. Я всегда чувствовал в нем что-то от радикала.

--- Я его хорошо знал и ничего такого не замечал, --- возразил Корлангриль.

--- Иногда именно то, что к нам ближе, труднее всего рассмотреть, --- заметил Маэртун. --- Я чувствую, что ты бы предпочел об этом не говорить, поэтому сменил тему. Как поживает Тирианна, вижу, она с тобой не пришла?

Стакан в руке Корлангриля разлетелся вдребезги. Многие аспектные воины как один обернулись к ним, наступила внезапная тишина --- они ощутили исходящую от скульптора волну гнева. Во взглядах некоторых воинов читалась озабоченность.

--- Ты не поранился? --- спросила

Элиссанагрин, наклонившись вперед, чтобы
взглянуть на руку Корлангриля. Осмотрев
пальцы и ладонь, он не обнаружил крови.

--- Я цел и невредим, --- сухо ответил
он, собираясь подняться. Артурис, схватив
скульптора за запястье, мягко, но
настойчиво потянул его назад.

--- Ты угрожаешь, --- сказал аспектный
воин, и Корлангриль осознал, что это
правда. Он почувствовал, как подрагивает
щека под правым глазом, а руки сжаты в
кулаки.

--- Я... --- начал было Корлангриль, но
не смог закончить фразы. Он не знал, что
с ним. Он страдал. Он печалился. Больше
всего он злился.

--- Кажется, наш друг раздражен, ---
сказал Маэртун. --- Что-то не так с
Тирианной?

Корлангриль не смог ответить.
Каждый раз, когда он пытался подумать о
Тирианне, его мысли возвращались к
поглотившей его пучине гнева. Змея
внутри извивалась, заполнив своими
кольцами все его тело, как он ни старался
вернуть ее на место.

— Это проклятие Кхаина, — сказал Селлизарин, протягивая руку ко лбу Корлангриля, но скульптор отпрянул, равкнув: — Не прикасайся ко мне!

Приговаривая что-то успокаивающее, Селлизарин придвинулся ближе, глядя в глаза Корлангрилю.

— Бояться тут нечего, — сказал аспектный воин, вновь протягивая руку.

Корлангриль скорчился от боли: змея извивалась и хлестала его изнутри, заставляя нанести удар. Вместо этого он поднял руки, будто защищаясь от Селлизарина.

— Оставь меня, — зарыдав, пробормотал он. — Я... Я справлюсь с этим по-своему.

— Ты не сможешь найти покой сам по себе, — сказала Элиссанагрин, присаживаясь рядом с Корлангрилем. — Рука Кхаина достала тебя и пробудила то, что есть в каждом из нас. Нельзя не придавать этому значения. Если это и не уничтожит тебя, оно может причинить вред другим.

Корлангриль утешающе посмотрел на

Маэртүина. Его груз молча кивнул,
подтверждая сказанное Элиссанагрин.

--- Это --- часть тебя, часть каждого
эльгара, --- добавил Артүис. --- Это --- не
наказание, этого не нужно стыдиться.

--- Почему сейчас? --- простонал
скульптор. --- Почему это случилось
именно сейчас?

--- Ты должен научиться понимать
свой страх и свой гнев, прежде чем
стожешь управлять ими, --- пояснил
Маэртүин. --- Они всегда были с тобой, но
ты знаешь, мы их так хорошо скрываем.
Теперь ты должен вытащить их на свет и
противостоять им. Твоя ярость все
больше овладевает тобой. Ты не стожешь с
этим бороться, ибо такие страсти сами
себя разжигают. И выкинуть это из своей
души ты тоже не сумеешь, как не можешь
ты прекратить дышать. Это --- часть
тебя, и так будет всегда. Все, что ты
можешь сейчас сделать, --- найти, как это
обуздать, повернуть куда-то эту энергию.

--- И сдерживать это, когда оно без
надобности, --- добавил Артүис.

Согрогаясь, Корландриль сделал

глубокий вдох и обвел взглядом лица
вокруг себя. На них написана
забоченность, а не страх. Его окружали
убийцы с руками по локоть в крови,
которые всего лишь несколько дней назад
убивали и калечили другие существа. И
тем не менее именно его тяготил сейчас
гнев, именно он ощущал непостижимую
ненависть. Как получается у них
потворствовать темной стороне своей
натуры и все еще оставаться в здравом
уме?

— Я не знаю, что делать, — сказал
Корландриль, наклонившись вперед и
опустив голову в руки.

— Нет, ты знаешь, но боишься это
признать, — заявил Артурис. Скульптор
взглянул на своего друга, не остеливаясь
говорить. — Ты должен примириться с
наследием Кхаина.

— Я не могу стать воином, — сказал
Корландриль. — Я — художник. Я создаю,
а не разрушаю.

— И это хорошо, — заметил
Селлизарин. — Тебе нужно разделить
создание и разрушение, мир и войну.

жизнь и смерть. Посмотри вокруг. Разве
ты сейчас не спокойны, ты, которые столько
многих поубивали? Пусть Война --- это
пусть войны снаружи и мира внутри.

--- Альтернатива --- это изгнание, ---
сказал Маэртун. На его губах появилась
коварная ухмылка. --- Ты всегда можешь
отправиться вслеп за Арадрианом, бежать
с Алайтока.

Эта мысль повергла Корландриля в
ужас. Покинуть Алайток означает
отказаться от цивилизации. Ему нужны
стабильность и руководство, а не
безграничная свобода. Его душа не выживет
без защиты Алайтока, так же, как и его
тело. Тут ему в голову пришла другая
мысль. Покинуть мир-корабль означает
разлук с Тирианной --- какой стыд, ведь
расстался он с ней во гневе.

--- Что я должен делать? --- тихо
спросил он, покоряясь своей судьбе. Он
посмотрел на воинов. Каждый из них
выбрал для себя особый аспект Кровавого
бога: Темный Жнец, Воющая Баньши,
Сверкающее Копье. Как узнать, какой
аспект --- твой?

--- Я не знаю, куда идти.

Заговорила Элиссанагрин. Она опустилась на пол перед Корландрилет и взяла его руку в свои.

--- Что ты сейчас чувствуешь? --- спросила она.

--- Я просто хочу спрятаться, удрать от всего этого, --- ответил скульптор, не открывая глаз. --- Я боюсь того, во что я превратился.

Аспектные воины обменялись взглядами, и Элиссанагрин кивнула.

--- Тогда ты найдешь свой путь, скрываясь, в тайне, в тенях, --- сказала она, потянув Корландриля за руку, чтобы он поднялся на ноги. --- Пойдем со мной.

Скульптор безмолвно последовал за ней, другие эльдары расступались перед ними. Ощущая спиной их взгляды, он испытывал досаду. Как быстро все изменилось. Всего лишь день назад он жаждал проявлений интереса к своей персоне, а теперь не выносил внимательных взглядов.

--- Куда мы идем? --- спросил он Элиссанагрин, когда они вышли из

Полумесяца Зарождающихся Столетий.

--- Во мраке ты найдешь силу. В аспекте Жалящего Скорпиона ты превратишь страх из врага в союзника. Мы идем в то место, где я так же научилась скрываться: Храм Смертельной Тени.

Храня молчание, взволнованный Корландриль последовал за Элиссанагрин на станцию монорельсового челнока под Полумесяцем Зарождающихся Столетий. Широкая платформа была почти пуста: лишь горстка эльдаров ожидала там транспорта. Корландриль сел на скамью рядом с Элиссанагрин, но они не обменялись ни словом до прибытия челнока.

Он оповестил о своем приближении приглушенным шумом, который донесся из туннеля слева за мгновение до того, как челнок, прошелестев вдоль платформы, затер, зависнув вереницей пугливых купе над антигравитационным рельсом.

Воин и скульптор нашли пустое купе в передней части челнока и уселись лицом

к лицу.

--- Нет ничего плохого в том, чтобы бояться, --- сказала Элиссанагрин. --- Мы должны научиться жить со своими страхами так же, как со своими надеждами, мечтами и талантами.

Корлангрюль протолчал, а челнок набирал скорость, устремившись в туннель, залитый голубым светом. Пролетающие мимо окон огни превратились сначала в неструю ленту, а затем, размываемые скоростью челнока, --- в непрерывный цветовой поток.

Скульптор попытался расслабиться, погрузиться в грезы, которые унесли бы его из окружающего, но его руки стиснули рельефные подлокотники кресла, и все тело до последнего мускула было напряжено. Он прикрыл глаза, но это не помогло. Единственное воспоминание, которое всплыло в его памяти, оказалось настоящим сном, кошмаром о сражении, который изводил его всю ночь перед возвращением Арадриана.

--- Тебе снятся сны о войне? --- неожиданно спросил он.

Элиссанагрин покачала головой.

— Нам не снятся такие сны, потому что мы учимся надевать боевые маски, — ответил она. — Сражение происходит здесь и сейчас, это интуитивное действие, и его не следует помнить.

Ее ответ лишь усилил тревогу скульптора, а челнок мчался к Долине Кхаина, унося Корлангриля навстречу его судьбе.

Он стоял перед последними из трех врат, которые вели в храм. За белыми дверями Корлангрилю, который остался в одиночестве, ничего не было видно. Элиссанагрин покинула его между первыми и вторыми воротами и отправилась другим путем. Вход выглядел весьма неприметно и был обозначен одной единственной ручкой над внешней дверью. Во время короткого пути от станции челнока по безлюдным коридорам и пустынным проходам они прошли мимо нескольких похожих аспектных храмов.

Хотя Долина Кхаина мало чем отличалась от любой другой части

Алайтока и была, по мнению скульптора, визуально малоинтересной, она определенно создавала какое-то особенное ощущение. Едва выйдя из челнока, Корлангриль сразу это почувствовал: в пространстве между изогнутыми стенами царила гнетущая атмосфера, которая изнуряюще действовала на голову.

Сердце Корлангриля трепетало от страха, пока он стоял здесь, не зная, что находится там, за дверью. Аспектные воины никогда не рассказывали о своих храмах, эльдары приходили туда, только если им было предназначено. Он едва ощущал присутствие в стенах вокруг себя Бесконечного Круговорота — приглушенное и далекое. Души внутри его кристаллической матрицы избегали этого места.

Сделав глубокий вдох, Корлангриль шагнул вперед, и двери перед ним разошлись в стороны.

Первое, что он почувствовал, — удрушливая жара и влажность. Накатив на Корлангриля, они заключили его во влажные объятия. Его кожа в считанные

мгновения стала лосниться, обнаженные
руки и ноги покрылись сверкающими
капельками. Не успел он сделать и шага,
как его простая белая туника оказалась
насквозь мокрой.

Его поглотил сумрак тусклого
тумана. Он едва различал искривленные
стволы и пониклые ветви деревьев,
которые нависали над тропинкой впереди.
Шагнув через порог, он оказался на тонкой
земле, и его нога в ботинке погрузилась в
мягкую слякоть. Еще три шага, и двери
беззвучно сошлись за его спиной.
Корландриль почувствовал себя
отрезанным от мира. Внезапно
запаниковав, он развернулся и пошел к
выходу, но ворота не открылись.

Обратной дороги нет.

Путь вел его по извилистой тропинке
между темными лужами вязкой жидкости
с маслянистым отливом. С веток над
головой свисали ползучие растения, иногда
их было так много, что Корландриль был
вынужден с усилием прокладывать себе
путь вперед, а их влажные отростки
шлепали его по лицу и плечам.

На деревьях оказались не только
вьющиеся растения. Меж крупных листьев
плавно скользили змеи с блестящими
зелеными телами и красными глазами,
лишенными всякого выражения. Насекомые
с крыльями глиной с его руку гудели и
жужжали вокруг него, пролетали над
самой поверхностью луж, прилипали к
гладким стволам деревьев, тихо
размахивая яркими узорчатыми
крыльями.

Тишину нарушали лишь стук капель
по листве, шорох струящейся меж корнями
мангровых деревьев воды и громкий стук
его колотившегося сердца. Не было ни
гудения ветерка, и по мере того, как он
продвигался по извивающейся меж
лишних стволов тропинке, жара
становилась нестерпимой. Оглядываясь, он
видел, что позади все заволело густым
туманом, и единственным следом,
который он оставлял за собой, были
тонкие крученые облачка, повисавшие в
воздухе.

У него не было никакого
представления о том, насколько велико

это помещение. Он шел уже некоторое время, но никогда — по прямой, и тут ему пришло в голову: а не кружит ли он бесцельно, ведь все участки его пути так похожи один на другой. Он не чувствовал пульса Алайтока, неорганическое уступило место этому искусственному дикому ландшафту. Не было слышно никакого эха, и небо над ним выглядело далекой бледно-желтой дылкой.

Корландриль ненадолго ощутил утиротворение. Узрютая атмосфера этого места успокоила его бьющиеся мысли. Это висящее в воздухе уныние, это первобытное спокойствие делали его гнев неуместным. Искривленные деревья становились все больше и больше, они были почти такими же старыми, как и сам мир-корабль. У него не было никакого представления о том, сколько других эльдаров прошли этой тропинкой до него, сотни алайтокцев приходили этим путем в поисках ответов, которые хранились в храме.

В мысли Корландриля закралось сомнение. А что, если они вообще не шли

этим путем? Что, если он заблудился? К нему вернулся страх. Его пугала каждая проносящаяся мимо тень, каждый свисающий стебель казался змеей, которая вот-вот нападёт. Он ускорил шаг, страстно желая поскорей добраться до того, что ожидало его в конце путешествия. В спешке он зацепился ногой за извивающийся корень и упал на колени. Корландриль подумал, что корень двигался и умышленно погловил его. На него нахлынула новая волна страха, он озирался на деревья, чувствуя, что они обступают его со всех сторон.

Он бросился бежать. Чем быстрее он бежал, тем сильнее виляла тропка, тем больше скользили на ней его ноги. Задышавшись и вытучив глаза, он прорывался сквозь ползучие растения, надеясь, что вот-вот доберется до места назначения.

Корландриль отбросил все остальные мысли и сосредоточил все усилия на том, чтобы выбраться из этой трясины. Он вздрагивал при каждом движении в полутраке, отпрыгивал в ужасе, когда сбивался с тропинки, и его нога

погрѣжалась въ топъ. Повернувшись, онъ упалъ спиной на дерево, и его рука попала во что-то мягкое и мокрое. Посмотревъ вниз, онъ увидѣлъ, какъ жаба съ огромными глазами плюхнулась въ лужу съ тяжелымъ плескомъ. Скульпторъ вытеръ руку о тунику, которая не только покрылась пятнами, но и местами порвалась.

Онъ почувствовалъ себя одинокимъ оборванцемъ, его нервы были истрепаны не меньше, чѣмъ одежда. Обувь стала ему жать, и, сорвавъ ботинки съ ногъ, онъ швырнулъ ихъ въ туманъ. Босой, онъ опять зашлепалъ по тропинке, на сей разъ потедленнее, всматриваясь въ землю, чтобы убедиться, что идетъ въ верномъ направленіи.

Корлангриль почувствовалъ, что дорога пошла погъ уклонъ, и принулъ впередъ, по откосу, покрытому деревьями. Тропа передъ нимъ выпрямилась, и онъ подошелъ къ гвѣт узкимъ, высеченнымъ изъ серого камня и покрытымъ темно-синими лишайникомъ колоннамъ, которые стояли по обе стороны его пути. Остановившись, онъ протеръ небольшой кусокъ колонны и замечилъ высеченные на ней руны, такие

старые, что их почти не было видно. Тогда он провел руками по грубой поверхности левой колонны, используя пальцы художника, чтобы прочесть то, что там было написано:

Тени зовут, и те, кто
отвечает им, приходят сюда.

На другой колонне он обнаружил такую надпись:

Даже самые темные тени
не могут скрыть нас от самих
себя.

Корландриль стоял между колоннами и смотрел вперед. Он увидел нечто, прячущееся во тьме, полускрытое мхом и ползучими растениями. Приблизившись, он разглядел грубые очертания большого зиккурата, построенного из того же серого камня, что и колонны. На его поверхностях росли деревья, маскируя его своей листвой. Лишайники и вьющиеся растения оплетали его блоки вдоль и поперек,

создавая естественную маскировку, которая с годами становилась все плотнее.

Трона вела в темную брешь. Корландриль не мог рассмотреть, что там внутри. За входом царица полная темнота. Он остановился, прежде чем переступить порог. Эта тьма — не просто отсутствие света, это — нечто другое. Не было никакого постепенного перехода от сумрака к полной черноте, границу обозначала строгая грань абсолютного мрака. Вытянув руки перед собой, Корландриль окунулся в него.

Во мраке было прохладно. В сравнении с жарой, которая стояла снаружи, внутри храма царил ледяной холод, и кожу скульптора стало покалывать. Вытянув в стороны обе руки, Корландриль провел кончиками пальцев по гладкой поверхности. Она также была холодной, и скульптор отдернул пальцы. Он находился в проходе, лишь немногим выше его вытянутых рук. Продолжая идти, он рано или поздно набредет на брешь

слева или справа. Стояла полная тишина, и не было видно ни зги, поэтому он продолжал двигаться прямо. Его шаги были приглушены, босые ноги ступали по твердой поверхности.

Корландриль почувствовал, что вошел в помещение побольше. Было по-прежнему абсолютно темно, но он ощущал, что стены находятся теперь гораздо дальше, его пальцы прикасались лишь к воздуху. Он застыл без движения, вертя головой вправо и влево в поисках, на чем бы сосредоточить внимание.

Слева раздался тихий шорох, и Корландриль резко повернул голову. Ничего не видно.

Затем какой-то звук донесся справа, быстрый, но едва различимый барабанный бой, который длился несколько мгновений, а затем стих. В этом направлении он также ничего не видел.

Прямо перед ним загорелись два огонька, крошечные желтые пятнышки, которые быстро прибавляли в яркости и оказались двумя глазами. Они ничего не освещали и не отбрасывали теней.

Обладатель светящихся глаз
произнес тихим, низким голосом, почти
шепотом:

--- Что я вижу, быть может,
странника, заблудшего и совсем одинокого?

--- Я --- Корландриль. Я ищу Храм
Смертельной Тени.

--- У ты нашел его, ищущий трачного
ответа, гитя, тронутое рукой Кхаина.

Корландриль был не уверен в том,
что нужно сказать, и повисла тревожная
тишина. Он уронил руки вдоль тела и
посмотрел в желтые глаза. Это линзы, он
в этом уверен.

--- К кому я обращаюсь? --- спросил он.

--- Я --- Кенайнат, экзарх Смертельной
Тени, хранитель этого храма.

--- Я хочу, чтобы ты обучил меня
знаниям и умениям Жалящего Скорпиона.
Страх и гнев пожирают меня изнутри, я
должен освободиться от них.

--- Что же заставляет тебя бояться,
быть может, трак и тени, то, что
скрыто от глаз? Что гневит тебя, смерть
друга или пренебрежение возлюбленной,
которое ведет к ненависти?

Пристыженный Корландриль не отвечал. Сейчас, когда он стоял здесь, в этом мраке, все казалось ему таким ничтожным.

--- Ты не даешь ответа, возможно, ты не знаешь его, того, что уничтожает тебя.

--- Я был с презрением отвергнут тем, кого называл другом, и той, которую любил.

В ответ прозвучал злобещий стех.

--- Не настехайся наго мной! --- рывнул Корландриль, деля шаг к неподвижным глазам. --- Это настоящая боль!

--- У всех нас есть боль, которая пожирает наши сердца и превращает нашу любовь в ненависть. Но где же боль сейчас, когда гнев охватил тебя и ты готов меня ударить?

Корландриль стиснул зубы, почувствовав, что его поддразнивают. Он сделал несколько глубоких вдохов и утихомирил бурлящие мысли, предпочитая промолчать.

--- Не борись с этим порывом, потребностью дать волю своей ярости, прими его!

--- Я не хочу причинить тебе боль, ---
сказал Корландриль, и его снова выстеяли.

--- Ты не страшишь меня, я --- магистр
страха, Жалящий Скорпион. Это ты
боишься, страх поглощает тебя изнутри и
пытается твое желание. Ты не можешь
причинить мне вред, у тебя нет ни
мастерства, ни силы, ни желания
причинить боль.

И тут тени слегка отступили,
открыв фигуру в доспехах, опустившуюся
на ступеньку. На лице экзарха была
тяжелая маска с зубчатой решеткой
вместо рта, с напояющими лукавцами
стручками по бокам, обратленная
сегментированными черными проводами в
палец толщиной вместо волос, которые
двигались сами по себе. Фигура поднялась,
сверкая золотыми и зелеными пластинами
доспехов, и оказалась на голову выше
Корландриля. Экзарх сделал шаг вперед, и
звон его бронированных башмаков отдался
эхом вокруг скульптора.

--- Я мог бы сокрушить тебя сейчас, с
легкостью разорвать на куски --- это дело
нескольких мгновений, --- произнес

Кенайнат низким и угрожающим тоном.

Отшатнувшись, Корландриль отступил на шаг, когда экзарх двинулся вперед, полыхая немигающими глазами. Ужас сковал Корландриля, обдав его холодом. Он упал на колени, не своя глаз с маски экзарха, его безжизненного взгляда.

— Мне жаль, я не достоин, — проговорил, всхлиывая, скульптор. Ненависть к самому себе стесалась со страхом, он потерпел неудачу, он не смог ни держать под контролем свой страх, ни обуздать свой гнев. Кенайнат навис над ним со своим неумолимым, безжалостным взглядом. — Я не хочу утирать, но я больше не могу так жить!

Выпрямившись, экзарх сделал шаг назад, протягивая грубую руку Корландрилю.

— Тогда — добро пожаловать. Воину следует бояться смерти, но он не может жаждать жизни. Встань, Корландриль. Жалящий Скорпион в глубине души, смертельная тень Кхаина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОУН

В далекие времена, до Войны в Небесах, случилось так, что честолюбивые замыслы Ультанаша и воля Эльганеша вступили в противоречие. Эльганеш был величайшим из эльдаров, и не терпел никаких разногласий. Ультанаш, не выдержавшись, рассказал о своих желаниях, и Эльганеш прогнал своего друга и выслал его в пустыню. Притомившись от своих споров с Эльганешем, Ультанаш ушел на скалу. Долго сидел он, размышляя о несправедливости, царившей во вселенной, и позоре, который навлек на него Эльганеш. Увидев Ультанаша в таком состоянии, бог войны Кхаин учуял благоприятную возможность для того, чтобы посеять раздор. Отломив кончик одного из своих железных пальцев, он бросил его в тень под скалой, где этот кончик превратился в скорпиона. Выскользнув из тьмы, этот скорпион ужалил Ультанаша в руку. Яд отравил Ультанаша, и он корчился от боли в

песках бессчетные дни и ночи, сгорая в
лихорадке. И все же Ультанаиш был могуч,
и со временем одолел яд, и лихорадка
прошла. Очнувшись от своих мучительных,
порожденных ядом снов, Ультанаиш
обнаружил, что успокоился. Он выжил сам,
без всякой помощи от Эльганеша.
Ультанаиш осознал, что у него самого
достаточно сил, и он больше не нуждается
в защите Эльганеша. Так был основан Дом
Ультанаиша, и начался раздор среди
эльдаров.

Корландриль вновь наполнил себе,
что, следуя Путем Воина, он облегчит
свои мучения. В то же время он признал,
что не вполне понимает, как именно
стояние на одной ноге в болоте приведет к
этой перетяжке. Кенайнат, сняв свои
доспехи и облачившись в облегающий,
бледно-зеленый с золотисто-желтым
комбинезон, сидел на корточках на ветке
над ним. Или, по крайней мере,
Корландриль полагал, что экзарх все
наблюдает за ним: когда в последний раз
он поднял взгляд, чтобы убедиться в этом,

то получил суровое предупреждение от
хозяина храма. Корландриль смотрел
прямо перед собой, уставившись на нарост
на склонившемся стволе дерева в дальнем
конце озерца.

Будущий воин тщательно следил за
своей позой, четко контролируя каждый
мускул, чтобы ни на мгновение не
утратить равновесия. Он стоял на левой
ноге, пальцы которой утопали в грязь,
наклонившись как можно дальше вперед ---
на грани падения, подняв одну руку перед
горлом в защитной позиции, а другую ---
вытянув назад, чтобы компенсировать
наклон вперед.

Шел седьмой день его обучения, и
Кенайнат был единственным эльдаром,
которого он видел за это время. Не было
никаких признаков присутствия ни
Элиссанагрин, ни других Жалящих
Скорпионов. Все семь суток --- а
Корландриль был убежден, что
продолжительность суток здесь больше,
чем на всем остальном Алайтоке, ---
Кенайнат бдиль своего ученика рано и
приводил его в болото, окружающее храм.

Первые сутки он провел, обучаясь дыханию глинным и тихим вдохам, которые едва ощущались в воздухе. Вот и все — он провел целые сутки, дыша. На вторые сутки Кенайнат велел Корлангрилю повиснуть на ветке, перекинув через нее ноги, пока он не почувствовал головокружение от прилива крови к голове, а затем отправил его бежать по извилистым тропинкам с мангровыми деревьями, и в конце концов бывший художник стал задыхаться и совсем выбился из сил. Так это и продолжалось, и каждый день приносил нечто новое, но в то же время все это казалось ему сплошным тупичком.

— Я не сомневаюсь, экзарх, что твои методы успешно привели многих на путь Жалящего Скорпиона, — тихо сказал Корлангриль, едва шевеля губами из опасения нарушить хрупкое равновесие, в котором находился. — И тем не менее я еще не видел ни оружия, ни частицы доспехов. Я совершенно не понимаю, как это учит меня сдерживать свой гнев.

— А сейчас, стоя в грязи, ты злишься.

той юный бегущий воин? — ответил
эксарх, и его голос принес некоторое
утешение Корландрилю, подумавшему,
что его, возможно, оставили в
одиночестве как посмешище. — Досаждают
ли ты, что с тобой так обращаются, что
ты в грязи и подавлен?

Поразмыслив наг этим минуту,
Корландриль осознал, что не злится и что
не особо досаждают, во всяком случае не так,
как при мыслях об Арадриане и Тирианне.
Даже наоборот, ему скучно. Он испытывал
значительное физическое напряжение —
как напоминание о том, что даже тело
эльгара имеет пределы выносливости,
скорости и силы, — но ум его совершенно
ничем не занят. Кенайнат запретил
своему ученику погружаться в тело-сон,
либо еще как-нибудь отвлекаться,
настаивая на том, чтобы Корландриль
полностью сосредоточился на своем теле и
окружающем.

— Ты желаешь обрести спокойствие,
отделаться от гнева и ненависти и
вместе с тем жаждешь их, — сказал
Кенайнат, не дожидаясь ответа от

Корландриля. -- Ты должен научиться
двум вещам -- пути к войне и пути к миру,
в равной мере. То, чему мы даем волю,
тот лик войны, который мы носим, --
словно боевая маска. Ты должен надеть ее
-- только в своей душе, а затем -- снять.
Мир должен быть целью, война помогает
нам достичь этого мира, а затем
приходит равновесие. Это должно стать
выбором: избегая войны, и смерти, и крови,
выбирать жизнь и надежду. Ты должен
сделать этот выбор в любой момент
жизни, чтобы быть свободным. Война --
это не состояние, это -- отсутствие мира,
преходящий кошмар. Мы пробуждаемся от
него, не полня его проклятия, порвав с
этим позором. Мы должны становиться
смертью, чтобы защищать и выживать,
но не любим смерть.

Корландриль принялся размышлять
над этими словами, обрадовавшись, что у
него есть чем заняться. Кое-что пришло
ему в голову -- возник вопрос, но он не
решился его задать. Экзарх, должно быть,
почувствовал смущение своего ученика.

-- Мы здесь для того, чтобы выяснить

правду, найти ответ, который ты ищешь, поэтому любой вопрос верен.

— Ты говоришь о мире, и все же ты — экзарх. Что можешь ты знать о мире, ведь ты не в состоянии вырваться из объятий Кхаина?

Раздался легкий скрип и едва различимый шорох листьев — Кенайнат поменял положение на ветви наверху. Уместный ли это вопрос, подумал Корландриль.

— Я не свободен уйти из этого храма, — с другими, — спокойно сказал экзарх. — Ты не увидишь, как я пою и танцую, там, снаружи, или пишу стихи. Я остаюсь в этом храме, где мое проклятие не может навредить тебе, навеки заключенным сюда. Хотя на мне нет раскраски, моя боевая маска остается внутри, затуманивая все мои мысли. Если бы ты разозлил меня в тот первый день, когда пришел ко мне, я мог бы убить тебя. Даже сейчас я ненавижу, всегда полный гнева, но я не нападаю. Нет, не безумие, не неуправляемую ярость притупляет мне эта боевая маска. Она побуждает выпустить

то, что находится внутри, и рвется наружу. Я борюсь с этим стремлением, но я -- его подлинный хозяин, действующий по своей воле. Меня поглотили бы не бешенство и не жажда крови, но перспектива. Я вижу то, что никто не видит: боль и под ней страдание, от которых другие прячутся. Мой долг -- завет экзархов -- подготовить твой ум. Ты встретишься с ужасом, станешь свидетелем смерти и мучений и должен противостоять этому. Это мое призвание -- вести тебя по темному пути, где другие испытывают отвращение.

Конечности Корлангриля грожали от усталости, и он из всех сил старался сохранить равновесие. Мысль о падении в грязь, унижении перед Кенайнатом, укрепляла его решимость, и в поисках силы он забирался в самые глубины своей души.

-- Прекрасно, мой юный, но пылкий ученик, что ты не падаешь. Загляни в себя, скажи мне, что ты видишь и что ты видел раньше.

Корлангриль проанализировал свои мысли, поддерживая равновесие частью

сознания, покуда кружился по своему разуму. Отставив в сторону физическое неудобство, он исследовал свое эмоциональное состояние. Он спокоен. Он не был так спокоен с тех пор, как...

Как только мысли Корландриля обратились к Тирианне, змея ревности подняла голову и принялась шипеть и плевать. Все его тело на мгновение будто объяло пламенем, затрепетал каждый нерв. Он увидел все краски болота с такой ясностью, которой не ощущал даже как художник. Каждая волна зыби заблестала в его уме, каждый щебет, царапанье и жужжание насекомого отчетливо зазвучали в его ушах. Легчайший ветерок на его теле, ощущение грязи между пальцами ног и прохлады воды на коже. Его путеводный камень пылал над сердцем как добела раскаленный уголь. Все вокруг стало резко контрастным, и в этот миг Корландриля охватило сильное желание уничтожить все это, он ощутил ошеломляющую потребность разрушать, проливать кровь, лишать жизни. Он просто вздохнуть не

мог, не набросившись на кого-нибудь.

Подняв тучу брызг, он шлепнулся в грязное озерцо, потеряв равновесие так неожиданно, что приводелся лицом, не сумев предотвратить падения. Разбрызгивая жижу во все стороны, он поднялся из трака, с его волос, бровей и подбородка капала грязь.

— Это уловка? — равкнул он, кружась на месте, все еще не оправившись от захлестнувшей его волны абсолютного гнева.

Экзарха на ветке уже не было. Корландриль озирался вокруг, пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь его след, но ничего не увидел и ничего не услышал. Однако он чувствовал присутствие Экзарха где-то рядом, оно почти неуловимо прилепилось к его восприятию сущности болота. Пораженный Корландриль осознал, насколько восприимчив он стал к окружающему, бессознательно впитывая в себя его присутствие, без усилий анализируя каждый запах, и звук, и образ. Слева от себя он уловил легчайшее шевеление и

резко повернулся.

Ничего: ни движения, ни даже мелькания тени.

— Где же твой гнев, где ярость изнутри, которую ты только что ощущал?

Слова Кенайната донеслись галеким, отзывающимся эхом шепотом, который, казалось, шел отовсюду — и ниоткуда, будто несколько голосов говорили одновременно. Корлангриль успокоился, расслабился всеми фибрами души, даже его сердце утихло, когда он безмолвно застыл, стараясь достичь того состояния высокой чувствительности, которое испытал недавно на короткое время.

— Это твой гнев принес повышенную восприимчивость, которую ты только что ощутил. Наша ненависть — это наша сила, а не слабость, от которой надо избавляться, — если мы правильно ее используем.

Корлангриль понял экзарха и попытался вызвать ту совершенную ярость, которую испытал после падения, но почувствовал лишь разочарование.

--- Убегай вспыхивающей ярости, не позволяй своему гневу буйствовать, как вырвавшийся на свободу зверю. Ты должен научиться управлять им, нападать как скорпион, а не как огненный дракон. Когда ты сможешь это делать, когда твой гнев будет служить твоей воле, ты обрешь свою боевую маску.

Постепенно, день за днем, у Корлангриля все лучше получалось управлять своим разумом и телом. Они становились единым целым, значительные физические усилия, которых требовали боевые стойки Жалаящих Скорпионов, повышали его сосредоточенность, заставляя отбросить все лишние мысли. Если же Корлангриль отклонялся от правил, установленных для него Кенайнатом, то, как бы ни старался, терял и физическое, и умственное равновесие.

Но все же, понимая, чему учил его Кенайнат, Корлангриль испытывал все большее разочарование из-за того, что у него никак не получалось дать волю

первозданному гневу, который он ощущал раньше. Он опасался, что все, что он делает, подавляет -- больше и больше -- тот гнев, который изначально подтолкнул его прийти в этот храм.

Сорок дней Кенайнат держал Корлангриля отдельно от других Жалящих Скорпионов, тренируя его в одиночестве в сутраке храма и его унылых окрестностей. Корлангриль страстно желал вновь увидеть остальной Алайток. Хотя мысли о Тириане приносили ему боль, он не мог сдерживать любопытства и жаждал узнать, как она поживает. Вступила ли она на Путь Провидца? Знает ли она вообще о том, что с ним стало? Что она чувствует, размышляя о той роли, которую сыграла в принятии и решении отправиться по Пути Кхаина?

Когда первые проблески сорок первого дня появились в узких окнах верхних уровней храма, Кенайнат появился как обычно. Экзарх был одет в темно-зеленую мантию без рукавов, открытую спереди, под ней темно-желтый комбинезон, его темно-красный путеводный камень был

закреплен на груди, в центре. Бросив
взгляд на овал путевого камня,
Корландриль заметил, что он мерцает,
словно в его глубине подраживает много
далеких огоньков.

--- Уже пора учить стойку
Затихающей Бүри, выходи со мной! ---
сказал Кенайнат.

--- Нет. --- Корландриль, расставив
ноги, скрестил на груди руки. --- Сегодня я
не хочу тренироваться. Мне надоело это
угрюмое болото. Я хочу увидеть Тирианну.

Двигаясь так быстро, что
Корландриль едва успел это заметить,
Кенайнат сделал шаг вперед и тахнул
рукой к его уху. Удар был достаточно
легким, но причинил острую боль.
Корландриль сделал выпад, направляя
кончики пальцев, словно ножи, к горлу
экзарха и переходя в стойку, известную как
Укүс Уз Тени. Кенайнат отклонился в
сторону и отступил, сделав несколько
быстрых шагов.

--- Это будет небезопасно, ты еще не в
состоянии сдерживать ненависть и мог бы
наброситься без оглядки.

Тут Корландриль осознал, что произошло, и вздрогнул от потрясения. Он попытался причинить вред Кенайнату. Он хотел ранить его. Даже убить. Он действовал неосознанно, но чувствовал желание причинить боль, которое и привело в действие рефлекс. Если бы он поступил так не с воином, а с кем-то другим, он бы убил его на месте.

--- Теперь ты понимаешь, над чем мы работаем, находясь в безопасности здесь, в храме.

--- Зачем ты со мной это сделал? --- спросил Корландриль. --- Зачем делал меня таким прежде, чем я смог это сдерживать?

--- Это --- твоя боевая маска, она растет изнутри и поглощает твой разум. --- Тон экарха суров, в нем не слышно ни намека на стыд или утешение. --- Она --- для сражения, в котором нельзя сомневаться, а нужно действовать или противодействовать. Не беспокойся, ты научишься снимать маску, я обучу тебя этому.

--- Ты сделал это, чтобы удержат

меня здесь, потому что сам не можешь
уйти отсюда, -- заявил Корландриль.

-- Пока ты не начнешь носить маску,
ты не сможешь ее снять, она все еще
скрыта от тебя. Со временем ты
научишься освобождаться от власти маски
и тогда сможешь уйти. -- В голосе
Кенайната нет сочувствия, но его
решиительный тон несколько уменьшил
опасения Корландриля. -- Теперь у тебя
есть цель: отделаться от своей боевой
маски и обрести свободу.

Корландриль не понимал, в чем тут
дело, -- то ли в силах разума, которые
разбудили в нем тренировки под началом
экзарха, то ли в самом экзархе, но он
почувствовал к Кенайнату еще большее
отвращение. Он следовал за экзархом --
попасть в болото, а гнев продолжал бурлить.
Перспектива завершить обучение казалась
далекой мечтой. И тем не менее слова
экзарха вызвали глубокий отклик в его
душе. Если Корландриль на самом деле
хотел высвободиться отсюда, ему
следовало избавиться от причины, по
которой он попал сюда, -- от своего гнева.

Методы Кенайната, казалось, вели к обратному результату, но он подготовил многих Жалящих Скорпионов, и Корлангрилю приходилось этому доверять.

В большей степени стирившийся, нежели исполненный надежды, Корлангриль тащился за Кенайнатом во влажный сүтрак.

--- Мир таков, каков он есть, устойчивый и бесконечный, неотъемлемая составляющая жизни. --- Слова экзарха звучали тихо. --- Гнев скоротечен, в него впадают мгновенно, когда ускользает воля.

Корлангриль едва слышал Кенайната, его шепот --- на грани восприятия. Он стоял на ветке склонившегося дерева, под ним --- зеленоватое озерцо, испещренное листвой и водорослями. Потеряй он на мгновение сосредоточенность --- сразу оказался бы в воде.

--- Шепот Смерти, а затем --- Вздвигающаяся Волна, закончи Поднимающейся Клешней, --- наставлял экзарх.

Корландриль поменял положение с рассчитанной медлительностью, согнувшись почти вдвое, он осторожно переместил левую ногу вперед, оставив вес на правой, находящейся сзади, левая рука была поднята над головой, согнутая правая — сбоку. Сделав шаг вперед, он сместил равновесие, нанес удар вперед правой рукой, и резко наотмашь вбок — левой. Заканчивая, он выпрямился с согнутой перед собой левой рукой и отведенной назад правой.

Экзарх продолжал, и ученик, подчиняясь, перемещался взад и вперед по ветке, как указывал Кенайнат, имитируя при этом удары и блоки. Его движения были непринужденными и, скорее, инстинктивными, нежели осознанными. Корландриль изящно продемонстрировал все двадцать семь основных стоек. Ветка под ним изгибалась и качалась, но он сохранял безупречное равновесие.

Тело Корландриля двигалось, а его ум пребывал в спокойствии. Прошло уже семьдесят дней, и он с трудом припоминал, как он жил до того, как

пришел в храм. Он понимал, что воспоминания где-то хранятся, но больше не знал, где их искать. Бывший скульптор являл собой нечто вроде материальной четкости, которая перемещалась по ветке, поджигая, что ее наполнят чем-то еще.

Когда упражнение было закончено, экарх сделал знак ученику следовать за ним. Корландриль, скрыв свое удивление, легко спрыгнул на тропинку рядом с озерцом. Было еще рано, и перерыв в занятиях оказался неожиданным.

Кенайнат, воздержавшись от объяснений, повернул назад на тропинку, заросшую ползучими растениями, и направился к храму. Корландриль следовал за ним, заинтригованный стеной привычного распорядка. Они погрузились в прохладные тени храма и затем повернули налево и пошли по коридору, в котором раньше Корландриль не бывал. Он привел их в глинную, узкую галерею с высоким потолком. Вдоль каждой стены стояли по пять аспектных доспехов, изготовленных из многих частично покрывающих друг друга темно-зеленых

пластин с золотой окантовкой, красные линзы шлемов были тусклыми и безжизненными.

Рядом с четырьмя госпехами стояли другие воины храма.

Корлангриль узнал Элиссанагрин, и она улыбнулась в ответ на его недоуменный взгляд. Остальных он встречал на тире-корабле, но не знал их имен.

— А теперь — сделай выбор и познакомься со своими товарищами, Жалаящий Скорпион, — торжественно нараспев произнес Кенайнат, занимая место в дальнем конце галереи перед более тяжелыми госпехами экзарха, которые были на нем во время первого появления Корлангриля.

Корлангриль окинул взором госпехи, размышляя, какой из них выбрать. Поначалу они казались одинаковыми, но в них имелись небольшие различия: в расположении драгоценных камней, в наклоне сенсорных, похожих на волосы, гребней антенн шлемов, в ярких лентах, обвязанных вокруг бронированных

конечностей.

Его первым побуждением было встать рядом с Элиссанагрином, в поисках привычного, но он отверг этот порыв. Ему нужны перемены и обновление, а не спокойствие. Ему показалось, что он боковым зрением уловил сверкание в глазных линзах одного из госпехов. Корлангриль повернулся к нему. Он ничем не отличался от остальных, но что-то в нем тронуло Корлангриля.

— Этот, — сказал он, шагнув к госпеху. Встав рядом с ним, он повернулся к экзарху.

— Мудрое решение, ты выбрал славный госпех, который хорошо послужил нам, — сказал Кенайнат. — Теперь ты готов — телом, если не разумом, — нагеть свой госпех.

Трепет ликования пробежал по телу Корлангриля. Впервые с тех пор, как он пришел в храм, бывший скульптор почувствовал, что чего-то достиг. Он весьма смутно представлял себе, насколько успешно занимается, — так незаметны были те изменения, которые происходили

В нем под руководством Кенайна. Теперь же, стоя перед своим господом, Корландриль смотрел на пройденный путь свежим взглядом. Так же, как он научился подчинять себе призрачный камень будучи скульптором, теперь он полностью контролировал каждый мускул и каждый нерв своего тела. Его тело превратилось в инструмент, целиком и полностью подчиненный его воле и желаниям.

Набегание господов оказалось не столь простым делом, как представлялось Корландрилю. Этот процесс четко делился на определенные этапы, так же, как боевые стойки, и Кенайн строго задавал все позы и движения. Экзарх сопровождал каждый этап мантрой, которая отдавалась эхом в голове Корландриля, когда Жалаящие Скорпионы повторяли ее слова.

Сначала он разделся догола, отбросив свою одежду, словно часть самого себя. Сняв путеводный камень на серебряной цепи, он осторожно положил его в нишу в стене. Когда он разъединился со своим спасителем души, его пробрала дрожь от

страха. Возможно, у него разыгралось воображение, но на мгновение Корландриль почувствовал на себе чей-то взгляд, ему показалось, что за ним кто-то внимательно наблюдает издалека. Однако, зная, что в храме с ним ничего не случится, он успокоился.

--- Мир нарушен, согласие уступает место раздору, остается только война.

Последовав примеру остальных, Корландриль взял комбинезон, сложенный на полочке за доспехами.

--- А теперь мы облачаемся в одеяние кровавого Кхаина-воина.

Корландриль влез сначала в нижнюю часть комбинезона. Он был велик и обвис на его руках и ногах, собрался неприглядными пузырями между ногами и под мышками, концы пальцев бесполезно болтались.

--- В железную кожу Кхаина мы облачаемся для битвы, пока внутри полаяет огонь.

Сердце Корландриля застучало быстрее. Элея гнева медленно напряглась у него внутри. Копируя движения остальных

аспектных воинов, он поднял ладони к лицу. В ответ его комбинезон сжался. Ткань съежилась на его упругих мускулах, скрытые прокладки стали уплотняться, формируя жесткие участки на груди, животе и вдоль бедер, затвердевая вдоль позвоночника.

— Дух Кхаина, в котором ты черпаешь свою решимость, крепнет внутри нас.

Не сводя глаз с Элиссанадрин, Корландриль следил за ее движениями. Вытянув руки за доспех, он растегнул крепления вдоль спины, и нижняя часть корпуса упала ему в руки. Обернув ее вокруг живота и нижней части спины, он застегнул крепления ловкими пальцами. Жесткая оболочка вокруг средней части его туловища внушала уверенность, поддерживала спину, сжимала бока в твердом объятии.

— Война навигается на нас, и мы должны нести ее тяжкое бремя на своих плечах.

Следуя примеру остальных, Корландриль растегнул застежки, скрепляющие верхнюю часть доспеха со

стойкой, погнав ее, твердую, но не тяжелую, над головой и осторожно опустил на плечи. Пластины сцепились с поверхностью комбинезона, вытянулись вдоль верхней части рук, округлый выступ генератора мощности легко скользнул вдоль лопаток. Как и прежде, он вернулся в состояние покоя, и госпех стал понемногу меняться, прилаживаясь к его телу, словно живя собственной жизнью. Когда он перестал двигаться, Корландриль затянул крепления, фиксируя госпех на месте. У него появилось ощущение, что верхняя часть тела перевешивает, и он выпрямился.

Корландриль угрожал от страха, когда комбинезон стал вытягиваться к лицу, настойчиво, но нежно он закрывал горло и шею пульсирующей рябью ткани и остановился под подбородком. Глубокий вдох помог ему успокоиться.

— Мы стоим перед Кхаином, уверенные в своем призвании, свободные от сомнений и страха.

Пришел черед брони для верхней части ног, и она села так же плотно, как

и все остальное. Корландриль обнаружил, что, когда он наклонялся определенным образом, пластины мягко стыкались, они придавали ему дополнительную устойчивость и компенсировали нарушение равновесия, которое вызывал блок питания. Его сердце лихорадочно колотилось, кровь закипала в жилах, гудела в ушах.

--- Мы не убегаем от смерти, мы идем в тень Кхаина, гордые и бесстрашные.

Нижнюю часть ног защищали ботинки, объединенные с поножами. Надев их, Корландриль пристегнул их к налягвенникам, которые закрывали бедра, теперь его ноги полностью закрыты. Нити ткани вокруг лодыжек, затвердев, обеспечили дополнительную поддержку, в то время как ботинки укоротились по размеру его ног. Корландриль чувствовал, как прочна эта защита, ему казалось, что теперь никто не в силах сдвинуть его с места.

--- Мы наносим удар из мрака, быстро, как скорпион, смертоносным

прикосновением.

Латные рукавицы с наручами присоединены к верхней части доспеха, застежки превратили все это в единое целое. Согнув руки, Корландриль ощутил, как подобные хрящам усики сжимаются вокруг его плоти, усиливая запястья и локти. Корландриля, полностью одетого в броню, наполнял неугасимый жар, и он испытывал просто невероятные ощущения. Броня стала его кожей, она пульсировала в ритме его грохочущего сердца, вытягивая из него жизнь и наполняя своей силой.

Затем он извлек из ниши путеводный камень и вытащил его из серебряной оправы ожерелья. В ответ на прикосновение камень потеплел и наполнил его душу вновь обретенной уверенностью. Он вставил камень в отверстие грудной пластины: раздался мягкий щелчок. Доспех, как и сам Корландриль, ощутил присутствие путеводного камня и едва заметно вздрогнул.

--- Пока все, в маске нет нужды --- ты не на войне.

Доспехи были надеты, и Кенайнат жестом велел Жалящим Скорпионам собраться перед собой. Сделав шаг вперед, Корландриль почувствовал, что движения в доспехах несколько неуклюжи, их вес равномерно распределился по всему телу, но значительный объем ограничивал нормальные движения. Приспосабливаясь к этому, он изменил походку, тело само припомнило движения, которые он изучивал прежде, чем надеть броню. Когда он был в обычной одежде, эти движения казались какими-то странными, стилизованными, но теперь они воспринимались как глубоко естественные.

Воины встали в одну шеренгу, на небольшом расстоянии друг от друга, лицом к экзарху. Кенайнат показывал ритуальные стойки, и Жалящие Скорпионы, двигаясь вместе, точно повторяли их без всяких колебаний или изменений. Они воспроизводили выпады и блоки экзарха почти автоматически, словно марионетки, которыми управляли нитями и теми же нитями.

Действуя в полной согласованности со

своими товарищами-воинами, Корландриль чувствовал, что принадлежит к группе, он не испытывал такого уже очень давно. Он был таким же, как они, а они были таким же, как он, они одинаково мыслили и одинаково действовали. Каждая стойка по-новому волновала его, ведь он сызнова узнавал их предназначение. Доспехи пригали ему завершенность, сделали его телом совершенным.

Большую часть дня они упражнялись в ритуальных стойках. Некоторые из них оказались абсолютно незнакомыми Корландрилю, их невозможно было выполнить без поддержки доспеха. Он овладел ими без усилий, быстро приспособиваясь к каждой новой задаче. Постепенно стойки стали сменяться все быстрее, темп Кенайната возрастал с каждым раундом тренировки.

Экзарх говорил редко — только для того, чтобы закрепить то, чему научил, помогая воинам по-новому взглянуть на путь Жалящих Скорпионов.

— Мы наносим удар, находясь в

равновесии, а не как акробаты-Баньши, размахивая руками и пронзительно вопя. Сила — в движении, уверенный удар со смертоносной плавностью, сила — из равновесия.

Во время упражнений Корлангриль по-прежнему ощущал жар изнутри. Он стал мысленно видеть врага, бесформенного и призрачного, которого потрошил и обезглавливал, наносил встречный удар и уклонялся. Глаза его воображаемого противника горели красным огнем, но в остальном он был лишен характерных черт, это было безымянное обобщение всех, кто причинил ему зло, образ, созданный его гневом и страхами. Нанося удары этому видению, Корлангриль становился все сильнее, осознавая, что в состоянии уничтожить то, что раньше пыталось уничтожить его.

Воодушевленный, Корлангриль был отчасти разочарован, когда Кенайнат дал знак остановиться, они приняли положение покоя: опустили голову, свели ладони вместе перед лицом, слегка

расставили ноги.

Корландриль постоял так некоторое время, ожидая нового указания. По звукам шагов он понял, что остальные вернулись к своим стойкам для доспехов, и сделал то же самое. Кенайнат ушел, не сказав ни слова.

Повторив в обратном порядке те же циклы движений, что использовались для надевания доспехов, аспектные воины сняли свою броню. Избавляясь от одного компонента за другим, Корландриль чувствовал, что и на душе, и телу становилось все легче и легче. Хотя во время занятия у него и не было ощущения особой напряженности, он осознал, что действовал тогда в состоянии обостренного восприятия. Сейчас, когда он расслабился, цвета казались ему бледнее, а звуки — приглушенными.

— Добро пожаловать в Храм Смертельной Тени, — сказала Элиссанагрин, протягивая руку в приветствии. На ней был облегающий бело-кремовый комбинезон с перламутровым отливом. В ответ

Корлангриль прикоснулся рукой к ее ладони.

— Позволь познакомиться тебя с собратьями по оружию, — она, слегка повернувшись, сделала жест в сторону остальных воинов.

— Это Архүлеш, — продолжила она, указывая на воина, чуть уступавшего ростом Корлангрилю, его длинные черные волосы были заплетены в косы и перевязаны узкими темно-красными лентами.

— Приветствую, Корлангриль, — произнес Архүлеш с кривой уśmieшкой. — Я бы рад был познакомиться с тобой пораньше, но Кенайнат строго блюдет установленный порядок. Должен признать, мне очень понравилась твоя скульптура «Мятеж небес». Верно ли я уловил легкую насмешку над Кхаином в твоих работах?

Бывший художник нахмурился. Он очень стүтно помнил скульптуры, которые создал. Они хранились где-то в углу его памяти, но он словно потерял карту и не мог отыскать их.

— О, Кенайнат окончательно втянул тебя сюда, — сказал Архүлеш, приподняв

бровь. Он повернулся к остальным. ---
Осторожно, у нас тут настоящий фанат!
Интересно, от чего или от кого ты
прячешься, Корландриль.

--- Тссс, Арху, --- влещалась
Элиссанагрин, пренебрежительно махнув
рукой. --- Ты же знаешь, мы не говорим о
своей прежней жизни, если не хотим.

Архулеш, извиняясь, кивнул
Корландрилю, который заметил в его
жесте легкий оттенок сарказма.
Элиссанагрин повела его, взяв под локоть,
к следующему Жалящему Скорпиону.
Этот эльдар с гребнем из совершенно
белых волос на голове, с серьезным
выражением на худощавом лице готово
ухаживал за своими доспехами, стирая
шелковой тканью крапинки и пятнышки с
их поверхности.

--- Кстати, о молчании. Это
Бехарет.

Это имя поразило Корландриля --- оно
означало «Душа на ветру», и его давали
тем, о личности которых было ничего не
известно, обычно --- чужестранцам. Также
это был эвфемизм для тех, кто умер без

защиты путеводного камня и чьи души
попали в лапы Той, Что Жаждет.

--- Он не говорит или не может
говорить, --- пояснила Элиссанагрин. ---
Кенайнат привел его к нам с этим
именем, и никто из них не рассказал нам
ничего другого. Пусть тебя не вводит в
заблуждение его молчание, он --- искусный
воин. --- Она сделала неловкую паузу. --- Я
обязана ему жизнью.

Встав, Бехарет протянул в
приветствии правую руку ладонью
вертикально к Корлангрилю --- жест
равенства, который редко использовался в
обществе Алайтока, обычно так
приветствовали гостей с других миров
кораблей. Корлангриль поднял левую руку в
зеркальном отражении этого жеста,
показывая свое доверие, и воин в знак
благодарности на мгновение прикрыл
глаза. Его черные глаза весело сверкнули, и
Корлангриль почувствовал, что его тянет
к таинственному эльдару, несмотря на его
иноземные манеры.

--- Митраинн, --- сказала
Элиссанагрин, кивая в сторону последнего

из четверки. Он был уже в почтенном возрасте, возможно, лет пятисот или даже больше, у него были остроконечные брови и орлиный нос.

--- Зови меня Мин, --- предложил он, вызвав смешок Корлангриля. Это прозвище --- из мифов о Ваэле, и обозначало оно слабое звено в цепи, которой бог-кузнец был прикован к своей наковальне.

--- Приятно познакомиться... Мин, --- сказал Корлангриль, прикоснувшись ладонью к ладони старшего эльгара. Не счити за дерзость, но я думал, что Путь Воина больше подходит тем, у кого жизненного опыта поменьше.

--- Ты имеешь в виду, что я слишком стар для того, чтобы подкрадываться и носиться тут с вами! --- заявил Мин с устешкой. Он стукнул рукой по своей груди. --- В моей груди все еще бьется сердце юноши.

--- К тому же у него разут младенец, --- добавила Элиссанагрин, закатывая глаза. --- Молчание Бехарета он компенсирует своей громкостью. Я все еще думаю, что в нем есть что-то от эльгара

Бьель-Тана, несмотря на все его заверения, что он — чистокровный житель Алайтока.

— Ты, конечно, можешь это говорить, Лисса, но ты все еще должна поймать меня в болоте.

В ответ на это маловразумительное заявление Элиссанагрин нехотя кивнула, поджав губы. Увидев замешательство Корлангриля, она улыбнулась.

— Когда овладеешь искусством боевых стоек, присоединишься к нам в охоте. Мы выходим в окрестности храма и пытаемся подкрасться незаметно друг к другу. Для Жалящего Скорпиона скрытность важна так же, как и сила.

Корлангриль кивнул, показывая, что понимает это.

— А долго ли еще ждать, пока я к вам присоединюсь, как думаете?

— А долго ли живет звезда? — устехнулся Архүлеш из-за спины Корлангриля. — У Кенайната — железные причуды. Может, это случится завтра, а может, не случится еще два или три года.

— Два или три года? — Корлангриль

был ошеломлен. -- Но до сих пор -- я уверен --
у меня все гораздо быстрее получалось.

-- Железные причуды, помни,
железные причуды, -- повторил Архулеш,
слезка пожмая плечами.

-- А это случится прежде, чем я
получу свою боевую маску, или после того?

-- Никто не скажет, когда ты
найдешь свою боевую маску, -- сказал Мин. --
У огних она никогда не появляется, и они
уходят отсюда, так и не ступив в самолет
геле на Путь. Другие носят ее с самого
начала.

Бехарет подошел к Корландрилю и
пристально, изучающе, посмотрел ему в
глаза. Затем он поднял большой и
указательный пальцы, между которыми
оказался небольшой промежуток. Было
ясно, что он имеет в виду: это случится
скоро. Затем Бехарет предостерегающим
жестом воздел указательный палец.

-- Он прав, -- сказала Элиссанагрин. --
Тебе не следует гнаться за своей боевой
маской, пока ты не будешь готов снять ее.

-- Я не вполне уверен, что понимаю,
что такое боевая маска, -- признался

Корландриль. --- Я итею в виду, Кенайнат не дал нам надеть сегодня наши шлемы. Не понимаю связи.

Архүлеш резко расстелся, но его лицо оставалось серьезным.

--- Боевая маска --- это не вещь, а состояние ума. Ты близко подошел к этому, иначе тебя здесь не было бы. Ты поймешь, когда это произойдет. Мы не можем тебе сказать, как это будет, потому что у каждого это по-своему.

--- Просто знай, что все мы прошли через это, --- добавил Мин. Он положил руку на плечо Корландрилю. Тот ощутил некоторую неловкость от такого фатильярного жеста --- ведь они только что познакомились. Он подавил сильное желание отпрянуть, но Мин, должно быть, почувствовал его реакцию и убрал руку. --- Когда она появится, у тебя возникнет чувство общности с нами, и мое прикосновение не будет таким нежеланным.

--- Я не хотел оби...

--- Мы не извиняется друг перед другом, --- вмешалась Элиссанагрин. ---

Знай, что здесь все прощается -- есть на тебе маска или нет. Прошлое -- это прошлое, будущее будет таким, каким оно будет, а мы разделяем только настоящее. Быть может, сожаление удерживает тебя, и ты пока не открыл свою маску. Оставь его позади, ему не место в твоей душе. Для тебя как воина сожаление так же смертельно опасно, как и клинок.

Корландриль молча обдумывал услышанное. Остальные как один повернулись к госпехам экзарха, и Корландриль, оглянувшись через плечо, увидел, что Кенайнат вернулся. Бывший художник не услышал ни звука и испытывал сильнейшее недоумение: как же остальные узнали о его возвращении. Возможно, все они этого не заметили, мысль о том, что экзарх мог слышать их беседу, взбуряла Корландриля, хотя он и не понимал, отчего.

-- Нам пора уходить, -- сказала Элиссанагрин.

-- Не тебе, -- подсказал Мин, когда Корландриль сделал шаг к двери.

-- Наслаждайся тренировкой.

Скорпиончик, -- добавил Архүлеш, глядя на
Экзарха, который стоял со сложенными на
груди руками и строго смотрел на своих
учеников.

Бехарет, проходя мимо Корлангриля
последним, коротко кивнул на прощание,
прежде чем выйти за остальными.
Подавив вздох, Корлангриль повернулся к
Кенайнатү.

-- Я -- твой, үчи, -- сказал он, опуская
голову.

-- Это очень хорошо, ибо еще очень
многому надо научиться, Жалящий
Скорпион.

Когда эльдары впервые поднялись из недр земли, вскормленные слезами Уши, пришли к ним боги, и каждый предложил свой дар. Азүриан, Господь господствующих, дал эльдарам Мудрость, дабы они познали себя. Уша дала эльдарам Любовь, дабы они познали друг друга. Баул дал эльдарам Мастерство, дабы они воплотили свои мечты в жизнь. Лилеата дала эльдарам Радость, дабы они познали счастье. Күрноус дал эльдарам Желание, дабы они познали процветание. Морай-хег дала эльдарам Предвидение, дабы узнали они свое место в мире. Кхаин дал эльдарам Гнев, чтобы они защищали то, что дали им боги.

Тренировки продолжались, как прежде, хотя сейчас -- в гонимых и часто -- вместе с другими воинами храмов. Кенайнат уделял также внимание новым дисциплинам -- скрытности передвижения и устройству засад, проводя Корландриля

через болота бесшумно, как легкий ветерок. Вдвоем они посещали новые для Корлангриля места — узкие теснины, извилистые речушки, укрытые тенями пещеры. Несмотря на величину господствующих Жалящего Скорпиона, Корлангриль передвигался так же беззвучно, как если бы он был обнажен. Его походка была настолько четкой и легкой, а сам он так чутко воспринимал раскачивание ветвей и легчайшее журчание воды, что был в состоянии замаскировать свои движения под естественный звуковой фон окружающей природы.

Это продолжалось тридцать восемь циклов. Корлангриль не мог понять никаких закономерностей в проведении занятий, кроме того, что Кенайнат устанавливал для себя некий временной график. Он не понимал, ни по каким критериям его оценивают, ни к какому уровню он мог бы стремиться, и поэтому мог лишь, отбросив любые сомнения, следовать указаниям учителя. Экзарх воздерживался от каких бы то ни было высказываний по поводу перемен в учениях

и навыках Корландриля, хотя сам он понимал, что они неуклонно улучшались.

Во время тщательно организованных храмовых ритуалов Корландриль теперь так быстро выполнял команды экзарха, словно предугадывал их. Не задумываясь, он не отставал ни на шаг от других Жалящих Скорпионов. Даже если остальные не высказывались о том, как растёт его мастерство, это само по себе приносило ему удовлетворение, и он предвкушал чувство общности, которое возникало у него во время совместных тренировок с другими воинами храма. Он всегда воодушевлялся, надевая свои доспехи, но теперь к этому добавилось чувство удовлетворения, которое приходило к нему после того, как он их снимал.

На рассвете тридцать девятого дня Кенайнат, в доспехах, но без шлема, пришёл в спальню, где ночевал Корландриль. Экзарх велел ему надеть доспехи и привёл в новый зал. Здесь, на стенах круглого помещения, висело оружие Жалящих Скорпионов: десять узких цепных мечей в комплекте с похожими по дизайну

сюрикеновыми пистолетами.

Не вполне понимая, как выбрать, Корландриль уверенно прошел прямо к оружию, которое соответствовало его господству. Он провел пальцами в рукавице по покрытию цепного меча и ощутил орнамент, который обвивал меч, так, словно прикасаясь к нему обнаженной кожей.

— Возьми свое оружие, пусть оно станет частью тебя, почувствуй его в своей руке, — сказал Кенайнат.

Корландриль обхватил пальцами защищенную гардой рукоятку цепного меча и легко вынул его из изогнутой настенной консоли. Так же, как и его господство, он оказался на удивление легким для своего размера. Он удобно лежал в его ладони, словно продолжение руки. Корландриль повернул запястье и остотрел узкое лезвие, достаточно острое, чтобы рассеять единым ударом и плоть, и кость. В драгоценных камнях по всей длине меча он видел красные отражения собственного восхищенного лица.

— Как его активировать? — спросил

он.

--- Как бьется твое сердце, как пальцы
продвигаются по твоей прихоти, таков
ответ.

Корландриль прошел в центр зала и
принял позу, известную как
Стремительный Укус, слегка наклонился
вперед. Правый кулак он поднял перед
левым плечом, но сейчас он висел перед
лицом расположенный горизонтально
цепной меч, чуть пониже уровня глаз. Он
повернулся, отставив назад правую ногу,
при этом оружие описало сверкающую
дугу, и завершил в положении Скрытый
Коготь.

С растущей уверенностью
Корландриль прошел Первый Ритуал
Атаки, равномерно продвигаясь по залу и
наноса цепным мечом удары взад и вперед.
На пятой позиции --- Поднимающийся Клык
--- цепной меч, заурчав, ожил сам по себе.

Пораженный Корландриль занулся и
едва не выронил оружие из руки. Кенайнат
издал странное шипение, и ученик
повернулся к нему, ожидая увидеть на лице
экзамена презрение. Напротив, впервые с

тех пор, как Корландриль встретился с Кенайнамом, тот тихо смеялся.

— Так же, как это вышло у меня, когда я впервые взял в руку меч, — давным-давно.

Веселье экарха быстро развеялось, и он жестом велел ученику продолжать.

Ценной меч в его руке снова стал безжизненным. Вновь сосредоточившись, Корландриль начал опять с первой позиции, и почти сразу же зубья цепного меча с жужжанием пришли в движение, производя шума не больше, чем крылья бабочки. Корландриль невозмутимо продолжал рубить и крошчить невидимых врагов, увеличивая скорость с каждым движением, пока клинок не утратил свои очертания, превратившись в расплывшееся золотисто-зеленое пятно.

Пока Корландриль размахивал клинком вокруг себя, призрачный враг, которого он представлял себе во время занятий, обрел более конкретный облик. Глаза его по-прежнему горели красным огнем, но теперь стала различимой и фигура, узкая в бедрах, широкая в плечах.

В воображении Корландриля его противник подпрыгивал и пригибался, отражал удары и контратаковал, продвигался вперед и отступал.

С резким выдохом Корландриль нанес воображаемому противнику смертельный удар под подбородок, взмахнув мечом снизу вверх, и замер в безупречной стойке Козоть Равновесия. Сгладив глубокий вдох, Корландриль шагнул назад и принял положение покоя. Затем он повернулся к Кенайнату.

Лицо экзарха осталось бесстрастным, на нем нельзя было прочесть ни похвалы, ни осуждения. Чувство гордости, которое Корландриль испытал, орудуя мечом, быстро испарилось под непроницаемым взглядом учителя.

--- Теперь ты начал, Путь продолжается дальше, ты должен следовать по нему.

Корландриль отважился бросить взгляд на сюрикеновый пистолет на стене, а затем --- снова на экзарха. Качнув головой, Кенайнат указал на ценной меч в руке ученика.

--- Сначала овладей клешной, ---
следующим будет ядовитый укус, жало ---
последним.

Корландриль облизал пересохшие губы и кивнул. Вернувшись в центр зала, он принял стойку Клешня из Тени. Не успел он напрячь мускулы, как цепной меч ответил на его порыв, и Корландриль снова ринулся вперед.

В течение последующих дней Корландриль тренировался в одиночестве, пока Кенайнат не обрел уверенность в том, что тот сможет вести тренировочные бои с другими Жалящими Скорпионами, не подвергая чрезмерной опасности ни их, ни себя. Через двадцать три цикла экзарх сообщил ученику, что он готов к тренировкам с оружием с другими воинами. Взяв его с собой в роццу неподалеку от храма, Кенайнат жестом предложил Корландрилю сесть на длинное бревно.

--- А как у тебя с историей, со сказанием о скорпионе? Ты можешь мне рассказать? --- спросил экзарх. --- Знаком ли

ты с тифати о Карандрасе и Архре,
первом из Скорпионов?

Припоминая, что он знает об этом,
Корландриль взъерошил пальцами волосы.

--- В начале был Азурмен, основатель
Пути Воина, --- сказал он. --- Думаю,
Азурмен открыл, как надевать боевую
маску. Он основал первый храм и собрал
последователей, чтобы учить их, среди
них был и Архра, Отец Скорпионов. Архра
выпал трагичный жребий, но этой истории я
не знаю, и Карандрас, лучший ученик, занял
его место и распространил учение
Жалящего Скорпиона.

--- Это верно, в самом кратком виде,
но тебе следует знать больше, --- заметил
Кенайнат, опускаясь на землю напротив
своего ученика и не сводя с него
пристального взгляда. --- Архра отпал от
благодати, опороченный темным
влиянием Хаоса. Он предал своих, пошел
против остальных, жаждая власти, и
привел к Первому Храму демонов. Азурмен,
первые экзархи Пути, сражались против
Архры. Отброшенные к дальним звездам,
они проиграли сражение, и Архра спасся.

Снедаемый своим честолюбием, он сбился с Пути и нашел новых учеников. Его учения неверны, это искажение Пути, он --- Надший Феникс. Это --- великое зло, которое нельзя простить, наихудшее предательство. Карандрас преследует его меж звезд и в Путеводной Паутине, чтобы покарать.

--- Архра все еще жив? История с Надшем Фениксе переплелась с другими мифами о Трехопадении. Даже эльдары не живут так долго.

--- Никто не знает наверняка, в варпе и Путеводной Паутине время течет по-особому. --- Кенайнат вздохнул, его лицо было печальным --- резкая перемена против обычной для него беспристрастности или враждебности. --- Придерживайся Пути, следуй учениям Карандраса, оставайся Корландрилем.

--- А были там другие? --- робко спросил ученик. --- Воины, которые последовали Путем Надшего Феникса?

--- Не из моих учеников, я хорошо направлял их, учил, как следует, --- ответил Кенайнат, быстро выпрямляясь.

На лицо экзарха вернулось знакомое суровое выражение. — Возвращайся в храм, завтра сражайся как должно, а сегодня нужно отдохнуть.

Корландриль медленно пошел назад к зданию храма под мрачной сенью деревьев, размышляя, почему экзарх выбрал это время, чтобы открыть правду об основании аспекта Жалящих Скорпионов. Когда огни храма погасли на ночь, он долго лежал, не смыкая глаз, и гадал, что принесет ему следующий день.

Он проснулся рано, взвинченный ночными размышлениями. Храм все еще окутывали сумерки, и он, быстро накинув свободную мантию, покинул свою одинокую спальню, стены которой словно давили на него. В сумраке, царившем снаружи, было довольно тихо, лишь зеленые жабы на болоте начинали подавать голоса. Корландриль сделал глубокий вдох, влажность и жара стали для него уже привычными, хотя он был далек от того, чтобы считать окрестности своим домом.

Его мысли обратились к остальным Алайтоку, так всегда случалось, когда у него появлялось время для размышлений. О Тириане он думал теперь отвлеченно, испытывая лишь умственный интерес. Сейчас она, наверное, идет Путем Провидицы. Хотя прошло совсем немного времени, всего лишь мгновение для жизни эльдара, тот миг, когда его гнев выплеснулся наружу из-за ее отказа, казался таким далеким. Это уже неважно. Он больше не боролся ни с Тирианой, ни с Арадрианом, и ни с каким другим эльдаром. Он боролся с самим собой.

Он совершенствовал тело и разум ради одного: убивать другие живые существа. От этой мысли он согрознулся. Сегодня он встретится лицом к лицу с одним из воинов Смертельной Тени, но это не будет смертельная схватка. Это будет управляемо, дисциплинировано, ритуально. Не зная ничего о настоящей войне, он представлял ее себе как жуткий, несущий тучения и страх водоворот кровавых событий, который потребует от

него мужества и действия. И в этой анархии битвы он будет убивать. Он не знал, когда это случится и как, но понимал, что так же, как он не стал истинным художником, пока не изваял первую статую, он не ступит по-настоящему на Путь Воина, пока не убьет своего первого врага.

Он не понимал, как заставит себя сделать это. Может, это не будет зависеть от него? Например, инстинктивная защита собственной жизни. Или это будет хладнокровное, преднамеренное убийство другого существа, которое ясновидцы и автархи назовут врагом алайтокцев?

И тут Корландриль понял, что размышляет сейчас о боевой маске, о которой говорили Кенайнат и все остальные. Только в одном случае он готов был нанести удар в гневе, по-настоящему желая причинить вред другой личности, — в тот день на болоте, когда ярость и ненависть соединились в нем в мгновение чистого действия. Он пытался снова воспроизвести тот миг, но все приемы

обращения к памяти оказались безрезультатными. В тот миг все его существо сосредоточилось на той самой попытке поразить Кенайната и ни на чем больше.

Некоторое время он бродил по тропинкам вокруг храма, не слишком от него удаляясь. Он знал эти извилистые тропки так же хорошо, как любую другую часть Алайтока, их секреты были раскрыты ему Кенайнатом. Он больше не опасался того, что его окружало. Что более важно, он понимал, что, преодолев свои опасения перед этими местами, он закалил свою волю против будущих страхов и сомнений, когда ему придется столкнуться с неизвестным и непостижимым. Он достаточно разбирался в себе, чтобы понимать, какие изменения начались в нем под воздействием обучения у Кенайната и что в нем уже растет, слой за слоем, боевая маска, которая однажды появится из глубин его души.

Когда из храма раздался колокольный звон, призывая его вернуться, стало уже

гораздо светлее.

Это был Бехарет. В доспехах, но без шлема, он нес свой ценный меч, легко придерживая его сбоку. Губы его были твердо сжаты, а в глазах горел огонек, он явно испытывал воодушевление по поводу поединка, который вот-вот начнется. Казалось, тело его расслаблено, но взгляд — внимателен и сосредоточен то на Кенайнате, то на Корлангриле.

Когда Корлангриль надевал доспехи, мантра Кенайната словно заполнила его жилы, и тревога куда-то исчезла. С каждым шагом он все больше утрачивал ощущение своей индивидуальности, которую замещал аспект Жалящего Скорпиона. Частью своего сознания он с холодной отстраненностью наблюдал за остальными, вспоминал о Семи Защитных Ударах и Четырех Восходящих Атаках. Он ничего не знал о Бехарете, видел лишь, как он тренируется вместе с остальными. Будет ли он придерживаться оборонительной или наступательной тактики? Предпочитает ли он какой-то

конкретный стиль атаки? Корландриль осознал, что не знает даже, как долго Бехарет идет по Пути Воина. Он размышлял обо всем этом хладнокровно, не делая никаких заключений и не испытывая страха.

Он не определился также и в отношении своей стратегии. Определенно Бехарет более опытен. Не лучше ли Корландрилю сражаться ослепительно, пока он не поймет, что представляет собой его противник? Или такой подход оставит всю инициативу оппоненту? Сможет ли он оказать достаточное сопротивление тем атакам, что предпримет Бехарет? Где-то в глубине души он подумал, а проглотит ли вообще этот поединок больше нескольких мгновений?

В ответ на последнюю мысль у него разыграло самолюбие. Он усердно тренировался, разучивая боевые стойки, приемы атаки и защиты. Сейчас пришло время показать, что он хорошо обучился. Он был полон решимости проявить себя с лучшей стороны.

По сигналу Кенайната участники поединка отправились за ним вниз по извилистому пандусу в залу, расположенную глубоко под пирамидой верхних этажей храма. Остальные следовали несколько поодаль, шагая в колонну по одному, одетые только в комбинезоны под доспехи.

Переходы, по которым они шли, отличались неровными, грубо обработанными поверхностями стен, пола и потолка, что показалось Корландрилю необычным. Художник, который все еще жил в его душе, считал это вычурным, ведь на Алайтоке абсолютно все искусственное. Тем не менее разумом воина Корландриль понимал, что означает эта перемена. Это — традиция, воинский кодекс, история которого уходит во времена Трехопадения. Храм, посвященный учению основателя аспекта Жалящих Скорпионов, или, скорее, учению величайшего ученика основателя, после падения того во трак.

Вместо рассеянного света, как в остальных помещениях храма, здесь использовались узкие мерцающие трубки.

Это было несколько нарочито, но Корландриль понимал, в чем тут дело. Это — реконструкция того первого храма, который создал Архра после обучения у Азурмена. Смертельная Тень, как и все остальные храмы на Алайтоке и многих других мирах-кораблях, не воздавали должное месту рождения своих традиций, но старались воссоздать их. Сейчас здесь все было так, как тогда. Суть Жалящих Скорпионов не изменилась за тысячелетия, которые прошли со времени основания.

Лишь в самой глубине души Корландриля оставалось еще место для критического восприятия окружающего, но большая часть его души, которая принадлежала сейчас воину, погружалась в эту атмосферу, усиливая предвкушение предстоящего поединка.

Потолок намеренно был низким, чтобы они не подпрыгивали и не размахивали мечами слишком высоко над головой. На полу высечен круг немногим шире пространства, которое они занимали вдвоем, с рунной храма в центре. Корландриль знал, что участникам не

разрешается покидать круг. Это --- состязание в боевом мастерстве в непосредственном соприкосновении с противником, соревнование в самообладании и точности, которые имеют важнейшее значение для Жалаящих Скорпионов.

Никаких правил Корлангрилю не объяснили, но он понимал, что реального контакта не будет, так же как и риска пролить кровь или нанести ущерб драгоценным доспехам. Он даже не вполне был уверен, что это --- соревнование, на такую мысль его навели слова, произнесенные Кенайнамом:

--- Это --- не испытание и не место, чтобы самоутвердиться друг перед другом и перед толпой, --- нараспев проговорил экзарх и жестом пригласил обоих воинов в центр овального зала. Кивком предложив им начинать, он отступил в тень. Остальные Жалаящие Скорпионы молча наблюдали, стоя возле стены.

Оба тут же вошли в круг, и Корлангриль встал в оборонительную

стойку Режущий Лист. Бехарет, тут же шагнув вперед и влево, взмахнул цепным мечом, и его стрекочущие лезвия оказались в яды от виска Корлангриля.

--- Удар! --- маленькое помещение приглушило слово, которое вырвалось одновременно у свидетелей поединка.

Скорость атаки Бехарета ошеломила Корлангриля. Вернувшись в исходное положение, они смотрели в глаза друг другу. Во взгляде Бехарета сквозило напряжение, и Корлангриль подумал, что и у него --- тоже. Это --- не боевая маска, если бы не так, последний удар снес бы ему верхушку головы, и Бехарет об этом даже не задумался бы.

Некоторое время они стояли неподвижно, ни один пока не хотел начинать первым. Корлангриль быстро перешел в стойку Облако Перед Бурей и сделал высокий ложный выпад, а затем поворот и нижний выпад, направив цепной меч Бехарету в живот. Отбивая атаку, его противник ударил клинком плашмя по плоскости меча, и слегка оттолкнул Корлангриля в сторону. Используя это

минимальное расстояние, Бехарет снова шагнул вперед, нацелив острие жужжащего меча в горло оппоненту.

--- Удар! --- объявили наблюдатели.

Бехарет отступил, на его губах мелькнула улыбка.

Снова и снова повторялась та же схема: Корлангриль парировал или пытался атаковать, но Бехарет, выполнив искусный маневр и несколько ударов, оказывался в смертоносной позиции.

Корлангриль потряс головой, он быстро терял уверенность в себе. Одно дело --- применять разученные наступательные и оборонительные комбинации против воображаемого противника, и совсем другое --- против оппонента, который делает все, чтобы сбить его с толку и вывести из равновесия. Ему никогда не казалось, что он тупо соображает, но сейчас его голова явно не поспевала за движениями Бехарета, и он неизменно запаздывал с ответом.

Когда они сделали паузу перед седьмым раундом схватки, Корлангриль, внезапно уловив какое-то движение ---

возможно, легчайший шорох шагов или звук
дыхания, мгновенно развернулся, и рука с
мечом вылетела вперед, затерев перед
вытянутой рукой Кенайнама. Явно
довольный, экзарх перевел взгляд с
жужжащих зубьев цепного меча в глаза
Корландриля.

— Не думай, действуй, не размышляя и
не чувствуя, никаких колебаний.

Ученик понял преподанный урок, но,
повернувшись лицом к Бехарету, он еще не
вполне осознавал, как это применить.

Меч Бехарета взлетел к бедру
Корландриля, но клинок новичка рванулся
вниз и остановил его. Отвлекись, он
реагировал лучше, чем когда был
сосредоточен. Дело тут не в процессе, а в
инстинкте. Реакция его тела, ответное
действие на уровне подсознания оказались
лучше, чем результат сознательных
размышлений.

Корландриль, сосредоточившись на
своем дыхании, расслабился, а Бехарет
предпринял сложную атаку. Меч новичка
перехватывал каждый его удар с глухим
звоном. Корландриль словно видел, не

глядя, слышал, не вслушиваясь. Как никогда прежде, он ощущал себя одним целым со своими доспехами, цепной меч — естественным продолжением руки, а не посторонним предметом, стиснутым в кулаке.

Отразив еще три атаки, Корландриль перешел в наступление, плавно двинув ногу вперед, он сделал выпад в сторону талии Бехарета. Тот отбил меч Корландриля вниз и взмахнул рукой, но Корландриль уже ответил, наклонившись влево, тогда как его клинок взлетел к плечу оппонента. И вновь мечи, на короткий миг скрестившись, содрогнулись, и продолжали мелькать в воздухе в поиске слабого места противника. Корландрилю теперь казалось, будто он стоит вместе с остальными и просто наблюдает за поединком на расстоянии, пораженный быстротой и мастерством своего тела.

— Удар! — резкое слово прервало поток сознания Корландриля. На мгновение он ощутил триумф, поскольку оно прозвучало, когда он проводил удар в горло противника. Но Бехарет, прищурившись,

улыбался. Опустив глаза, Корлангриль обнаружил, что ценной меч оппонента застыл у внутренней стороны его бедра --- этот удар пробил бы ему артерию и глубоко вспорол внутренности.

Шагнув между ними, Кенайнат поднял руку, останавливая поединок. Он одобрительно кивнул Бехарету, который слегка поклонился и отошел к остальным. Экзарх повернулся к Корлангрилю, вопросительно приподняв бровь и склонив вбок голову.

--- Урок усвоен, но ты все еще новичок, и должен упражняться больше.

--- Да, --- ответил Корлангриль. Чуть поразмыслив, он осознал, что ему не стыдно оттого, что потерпел поражение, он высоко поднял голову и развернул плечи. Выражение лица Кенайната навело его на мысль о том, что от него ожидается. --- Клешней я овладею. А сейчас я готов познать, что есть ядовитый укус.

Экзарх кивнул в знак согласия.

Корлангриль нашел, что сюрикеновый пистолет --- ядовитый укус Жалящего

Скорпиона — более прост в использовании, чем цепной меч. Как и клинок, он реагировал на его мысли, стреляя залпами мономолекулярных дисков, которые легко проламывали плоть. Хотя его можно использовать на некотором расстоянии, скорпионообразный пистолет в руках Жалящего Скорпиона — главным образом оружие ближнего боя, дополняющее цепной меч. Широкие движения, которые Корландриль делал левой рукой во время выполнения ритуальных упражнений, теперь обрели вид коротких очередей из пистолета, чтобы отвлечь или вывести из строя врага, пока цепной меч не завершит схватку смертельным ударом.

Драться на поединке с заряженным пистолетом невозможно, не рискуя причинить серьезный урон, поэтому Корландриль продолжал биться против остальных только с цепным мечом. Его навыки улучшались с каждым разом, так что он наносил успешные удары почти так же часто, как и его оппоненты. Несмотря на это, он не слышал ни единой похвалы от Кенайната, а из остальных жителей

храма только Элиссанагрин всегда
восторгалась его растущим мастерством.

Семьдесят восемь циклов спустя
Корландриль, взволнованный и
возбужденный, снова пришел с Кенайнамом
в зал с госпехами, чтобы приступить к
завершающей стадии обучения — познать
Жало Скорпиона. Он надел госпехи, как
делал это уже десятки раз, но в этот день
из уст экзарха прозвучала последняя
строка мантры:

— Смотри не глазами, но выпусти
гнев, пусть дар Кхаина ведет тебя.

Корландриль поднял шлем над
головой и решительно опустил его,
полностью, с головы до ног, заключив себя в
госпехи. Раздалось шипение воздуха, и
госпехи герметизировались. Он
почувствовал жуткий приступ
клаустрофобии — шлем показался ему
ловушкой. В нем было темно и душно, и он
попытался снять его, испугавшись, что
задохнется.

— Будь спокоен, воин, не позволяй
своим страхам одержать верх, напряги

силу воли.

Голос Кенайната проникал в сознание Корландриля, успокаивающий, терпеливый.

Сделав над собой усилие, Корландриль перестал учащенно дышать и сделал глубокий вдох, опасаясь, что он будет последним.

--- Смотри не глазами, но выпусти гнев, пусть дар Кхаина ведет тебя, --- снова повторил экзарх.

И тут Жалящий Скорпион, сделав над собой усилие, обратил свой страх --- защиту --- в гнев --- нападение. Ему захотелось превозмочь ужас, который схватывал его изнутри, уничтожить коварную змею, которая извивалась в нем, угрожая остановить сердце.

Почти сразу возник свет, ослепляющий своей яркостью. Корландриль почувствовал, как усики систем господства проникают в его мозг, пробуя установить связь. Подавив порыв к сопротивлению, он поддался этому мягкому, но настойчивому зондированию. При этом он испытывал весьма неприятные ощущения, когда аспектный шлем перебирал его мысли и

воспоминания в поисках точки опоры. В сознании Корлангриля мелькали события прошлого --- такими короткими вспышками, что он не успевал их узнать, но все вместе они будоражили давние отмершие чувства.

Мучительное воспоминание об отказе Тирианны нахлынуло на Корлангриля. Оно исторгло из его глотки утробный крик, наполненный страданием, и этот вопль вызвал поток брызжущего огня из встроенного в шлем оружия --- комплекта тангидбластеров, которыми славились Жалящие Скорпионы и за которые их особенно боялись.

Проводящие иглы, вдоль которых потрескивала энергия плазмы, залпом вылетели из укрепленного на шлеме оружия и обдали залу с доспехами яростной вспышкой. Гнев циркулировал между Корлангрилем и его доспехом, заставляя раскачиваться, подняв руки к шлему, чтобы сорвать его с головы. Не подчиняясь, доспех изнурял его своими трачными объятиями.

Тьма затопила Корлангриля, и он с

грохотом рүхнүл на пол бесформенной
грудой.

Воспоминания, действительность,
надежда и страх калейдоскопическим
хаосом вертелись в голове Корлангриля.
Даже его первые грезы были не столь
ужасны. Ему казалось, что он — пылинка,
подхваченная ураганом, крошечная
световая точка в топке звезды. Один образ
толхал в его душе, огненно-белый в своей
яркости, неотвратимый в своих размерах.
Рүна Жалящего Скорпиона обжигала его
тот же.

| Заблүдившийся | Одинок
Беспутный | Покинутый |

Стех — Корлангриль стүтно признал,
что он принадлежит Арагриану, — из
веселого превратился в язвительный. Глаза
Тирианны — необычно золотистые —
смотрели на него с жалостью и
презрением. Глүтливые слова Кенайната,
его пренебрежение. Корлангриль — словно
ребенок, неүверенный в себе, вновь
беззащитный перед непреодолимыми
ощущениями вселенной. Спрятаться

некуда. В тенях -- свои опасности.

| Тьма | Ярость | Ненависть | Смерть |

Потребность разрушать ---

истребить все и вся --- овладеть

Корландрилем. Он разорвет горло

стеющемся Арадриану. Он вырвет глаза

интриганке-Тирианне. Он отсечет голову

Кенайнату и оставит ее себе как трофей.

Он уничтожит тех, кто причинил ему

зло, опорочил репутацию и с

пренебрежением отнесся к его

ухаживаниям.

| Свет | Надежда | Дружба | Любовь |

Словно приливная волна стыла

сомнение, страх и гнев Корландриля. Он

услышал радость в слезе Арадриана. Он

увидел любовь в глазах Тирианны. Он

почувствовал уважение в словах

Кенайната.

Его рука прикоснулась к камню души

на груди, и его прохлада проникла во все

уголки души, в каждый орган и каждую

косточку.

| Спокойствие | Тишина | Порядок

Гармония |

Корландриль проснулся на своей койке в спальне без доспехов. Он был один. Ему не удалось ничего припомнить, за исключением ошеломляющего чувства удовлетворенности. Царивший в спальне сумрак дарил успокаивающие объятия, ничто не смущало и не отвлекало его.

Корландриль закрыл глаза и уснул. Он не видел снов.

Ему понадобилось еще шесть попыток, чтобы окончательно овладеть Жалом Скорпиона. Постепенно он научился взаимодействию с психическими контактами доспеха без катастрофической ответной реакции, как при первой попытке. Когда он, в конце концов, появился перед остальными Жалаящими Скорпионами, полностью оснащенный и вооруженный, он был спокоен и полностью владел собой.

Первым его поздравил Бехарет, он отвесил Корландрилю искренний и глубокий поклон. Следующей подошла Элиссанагрин.

— Ты стал тем, кем тебе нужно было

стать, — грустно сказала она, ее мелодичный голос слегка искажался передатчиком доسخов. — Тебе удалось отделить душу от боевой маски.

— И это для нас — хорошая новость, — заявил Архулеш, присоединяясь к ним.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Корлангриль.

— Ты сможешь присоединиться к нам вне стен храма, — ответил Архулеш. — Станам Полумесяца Зарождающихся Столетья больше нечего тебя опасаться.

Слушившись, Корлангриль припомнил происшествие, которое подтолкнуло его к Храму Смертельной Тени.

— Разумеется, — продолжал Архулеш, — если тебе захочется что-нибудь разбить, сначала доней свой напиток.

Тут до Корлангриля дошел смысл первой фразы Архулеша.

— Я могу выйти из храма? — спросил он. Сначала это его встревожило. А что, если они ошибаются? Что, если он еще не в состоянии сдерживать свой гнев? Затем

Корлангрилю стало неловко. При всем этом, что он открыл в себе как воин, ему все еще было стыдно за то путешествие, которое привело его к дверям храма. Что, если он встретит Тирианну?

--- Мы будем рядом, --- сказал Мин, и ободряющим жестом положил лагонь на руку Корлангриля. --- У если я правильно догадался о твоих сомнениях, тебе следует помнить, что Тирианна была некогда Зловещим Мстителем. На самом деле не ты ли судил о воинах более жестко?

Корлангриль вынужден был согласиться, что несколько раз признавался в этом перед остальными. Теперь его взгляды претерпели значительные изменения, но он все же несколько волновался.

--- Я бы хотел еще немного потренироваться, прежде чем рискнуть выйти отсюда, --- заявил он.

--- Вздор! --- заявил Мин. --- Ты слишком хорошо овладел искусством скрытности. Пришла пора вернуться на свет и вновь насладиться Алайтоком.

— Если ты погрузишься здесь в размышления, подобно Кенайнату, это тебе не поможет, — добавил Архүлеш. — Что тебе действительно нужно, это общение с друзьями.

— И графин или даже два летней лозы, — добавила Элиссанагрин. Это предложение разбудило в Корландриле желание немого побаловать себя, погрузившись в разговоры за бокалом вина.

— Ты права, настало время празднества, а не скорби, — провозгласил Корландриль, расплывшись в улыбке под шелестом. — Кхаин может держать здесь Кенайната, но я следую учениям Күрноуса. Меня ждут вино и песня, и, быть может, навесть нескольких старых друзей.

Остальные примолкли, и Корландриль ощутил за спиной чье-то присутствие, легкий холодок, будто шею обдало порывом ветра. Он повернулся и увидел, что на него смотрит Кенайнат.

— Мне жаль, я не...

— Никаких извинений. Я бы не захотел, чтобы ты оставался, у тебя еще есть свобода. Будь счастлив теперь.

наслаждайся жизнью, пока можешь, ты заслужил это право.

Сделав несколько шагов, Кенайнат остановился и посмотрел через плечо на Корлангриля.

--- Не забывай ни меня, ни Смертельную Тень, которые дали тебе эту способность. Ты заключил договор с Кроваворуким богом, и он --- часть тебя. Живи с удовольствием и усердно тренируйся, следи за призывом к битве и возвращайся ко мне.

Корлангриль низко поклонился, пристыженный словами экзарха.

--- Я вернусь завтра, и ты продолжишь. Я не могу отринуть дар Кхаина, и надеюсь, что ты поведешь меня.

Кивнув в ответ, экзарх угалился, и его поглотила темнота храма.

Перед Войной в Небесах Эльданеш, брат меченосца и груз ястребов, повстречал кошмарное полчище автохтинийцев и испугался. Врагов — не сосчитать, а эльдаров мало. Не за себя опасался Эльданеш, но за жизни своих воинов. Когда Эльданеш готовился к грядущей битве, раздался грохот, и в воздухе появилось огненное облако. Сам Кхаин, железнокожий и огненно-кровный, прибыл с копьем и щитом и встал рядом со смертным князем. Хотя Кхаин ненавидел Эльданеша, и Эльданеш не любил Кхаина, Кроваворукий защитит эльдаров от их врагов. И так случилось, что присутствие бога войны сдержало страх Эльданеша, и эльдары одержали победу над автохтинийцами.

Корландриль разгладил изящное закругление из замызки цвета слоновой кости, придавая форму бедру статуэтки, которая обретала очертания в его руках.

Прежнее его я, сущность художника, которая сохранилась в Корлангриле-воине, понимала, что это еще неотделанное украшение, но пальцы Жалящего Скорпиона все еще сохраняли ловкость и мастерство, присущие его прежнему Пути. Это была скульптура Уши, так же, как и четыре других, которые он добавил к своей коллекции с тех пор, как впервые покинул храм. Это помогло ему сосредоточиться на том мгновении, когда его отношения с Тирианной были безупречны. Корлангриль также прилирнул к отчуждению, которое возникло между ним и Арадрианом, и осознал, что торжественное открытие его скульптуры не было началом их разногласий.

Не признавать того, что его друг изменился с тех пор, как отправился в межзвездное путешествие, было ребячеством. Практичным взглядом воина, скорее, чем идеалистическим взглядом художника, Корлангриль видел, что он также сильно изменился за время отсутствия Арадриана. Вспоминая, каким он был тщеславным скульптором,

Корландриль угивлялся сейчас, почему он так крепко держался за это прошлое.

Зазвонил дверной колокол, и Корландриль, встав, жестом дал команду двери открыться. Не посмотрев, кто пришел к нему, он пересек квартиру и вошел в умывальную, чтобы умыть с руки частицы замазки. Возможно, это Мин или Элиссанагрин, оба они навещали его регулярно.

--- Все опять меняется. --- Голос посетителя не принадлежал ни Элиссанагрин, ни Мину, хотя был странно знакомым. Корландриль повернулся, чтобы поприветствовать прибывшего.

Это был Арагриан.

Он одет в обтягивающий синезеленый костюм невнятных очертаний. На нем ремень и пояс с множеством мешочков и карманов, а на бедре висит глиняный нож. Одевание странника.

--- Все опять меняется, --- согласился Корландриль. Он вспомнил о своих манерах и жестом пригласил Арагриана садиться. Странник отказался, слегка качнув головой.

— Я пришел из уважения к дружбе, которая была некогда между нами, — произнес Арадриан. — Подумал, что было бы неправильно не повидать тебя, вернувшись на Алайток.

— Я рад, что ты пришел, — сказал Корландриль. — Я должен перед тобой извиниться за свое поведение в последнюю нашу встречу.

— Никогда мы не причиняли друг другу зла умышленно, и оба мы испытываем друг к другу только уважение.

— Надеюсь, твои путешествия оказались плодотворными?

Арадриан, улынувшись, кивнул.

— Не смогу описать того, что я повидал, того духа приключений, который наполнил мои жилы. Передо мной предстала галактика, и я испытал лишь малую толику тех наслаждений и труда, которые она может предложить.

— Я тоже был в путешествии, — сказал Корландриль, очищая руки.

— Слышал об этом, — заметил Арадриан. Посмотрев на него, Корландриль вопросительно поднял брови. Арадриан явно

колебался, когда негромко продолжил: ---
Тирианна. Я встретился с ней сначала.
Она сказала мне, что ты теперь ---
аспектный воин.

--- Жалящий Скорпион Храма
Смертельной Тени, --- сказал Корландриль.
Он нежно ополоснул руки и сушил их под
струей теплого воздуха над раковиной. --- Я
не злюсь, что ты сначала встретился с
Тирианной. Мое расставание с ней ---
событие прошлого, и я с ним полностью
примирался.

Арадриан обвел взглядом квартиру,
обратив внимание на статуи Уши,
выставленные вокруг. Он снова улыбнулся и
бросил на Корландриля взгляд, полный
сомнений.

--- Ну, может быть, не полностью, ---
признал со стешком воин. --- Но я в самом
деле не испытываю к тебе никакой
неприязни в отношении твоей роли --- ведь
это было непреднамеренно, в моих
теперешних обстоятельствах.

--- Ты видел ее в последнее время?

Корландриль покачал головой.

--- Это бесполезно. Если я увижу ее

случайно, это будет нормально, но не по
тне сейчас искать с ней встречи. Мы с ней
идем к разным целям, и у каждого из нас ---
свое путешествие.

--- Кто-то еще? --- предположил
Арагриан.

Корландриль собирался было
отрицать это, но заколебался, его мысли
незваными обратились к Элиссанагрин. Он
был поражен, и это, должно быть,
отразилось на его лице.

--- Ага! --- растеялся Арагриан.

--- Да это --- не так, --- поспешно заявил
Корландриль. --- Она --- мой товарищ, воин
из этого храма, для нас было бы
совершенно неуместным вступать в какие-
то более глубокие отношения.

Лицо Арагриана выразило его
несогласие с этим мнением лучше, чем
любые слова, но он протолчал. Они оба
стояли в тишине, вполне комфортной,
почти приятной, пока на лице Арагриана
не появилось более серьезное выражение. ---

Я также пришел, чтобы заранее
предупредить, что тебя скоро призовут в
твой храм.

--- Как ты можешь об этом знать? ---
спросил Корландриль, нахмурившись. --- Ты
говорил с Кенайнатом?

--- Я бы не ступил в аспектный храм!
А твой экзарх не решается выходить
наружу. Нет, я знаю об этом из первых рук.
Я только что вернулся с Эйленилиеш. Это
--- мир экзодитов, «ушедших», недалеко
отсюда. На Эйленилиеш пришли орки, и
жители планеты взывают к Алайтоку о
помощи. Я вернулся как их посланец.
Прямо сейчас автархи и ясновидцы
обсуждают наилучший образ действий. У
меня нет сомнений, что они призовут к
войне.

--- И я буду готов ответить на этот
призыв, --- заявил Корландриль.

--- Мне и самому нужно
подготовиться, --- отметил Арагриан,
делая шаг к двери. --- Другие странники
собираются здесь поделиться своими
знаниями о враге. Я должен
присоединиться к ним.

Корландриль кивнул в знак
понимания. Гость уже подошел к двери,
прежде чем хозяин вновь заговорил.

--- Я рад, что ты жив и у тебя все в порядке, мой друг.

--- Так же --- и я за тебя, Корлангриль. Не знаю, увижу ли тебя на Эйленилиеши или до того, как мы покинем Алайток. Если нет, то желаю тебе удачи и процветания до следующей нашей встречи.

--- Удачи и процветания, --- эхом отозвался Корлангриль.

Он смотрел, как ушел странник, и за ним закрылась дверь. Отправиться ли напрямиком в храм или подождать команды Кенайната, думал он. В конце концов, он остановился на последнем варианте, отнюдь не торопясь надеть свою боевую маску.

Корлангриль продолжал ваять в наступивших сумерках, а от Кенайната по-прежнему ничего не приходило. Он занялся окончательной отделкой сандалий миниатюрной богини, когда пришлось сделать паузу. Что-то изменилось. Он не мог понять, что его отвлекло --- ощущение в подсознании было мимолетным.

Он выбросил это из головы и вернулся к работе, но через несколько секунд его встревожило более сильное ощущение: происходит что-то нехорошее. Это чувство возникло где-то у основания позвоночника и в животе. Сердце застучало быстрее, дыхание учащалось. Возволнованный, Корландриль откинулся в кресле с высокой спинкой и сосредоточился в поисках источника своего недомогания.

Он ощущал что-то вроде легчайших вибраций, причём, скорее, в душе, нежели в теле. Что-то пробуждало его нервные окончания, стимулируя те уголки его разума, в которые он не заглядывал, находясь вне храма.

На какую-то долю мгновения ему показалось, что он ощущает запах горелого и крови, его словно обдало волной жара, после чего стало покалывать во всем теле. В недоумении он окинул взглядом комнату, но ничего необычного не заметил. Жар исходил из него самого.

В сознании Корландриля неожиданно промелькнул образ его воображаемого противника, который будто замкнул некую

чень, и в его теле и разуме началась ценная реакция. Он ощутил прилив энергии, в глазах зашумало — его нервы стремились соединиться с чем-то, здесь отсутствующим.

Он осознал, что ищет свои доспехи. Как только он подумал о храме, где-то в подсознании отдался эхом наводящий ужас рев, который вытеснил из его разума все остальное. Корлангриль чуть не лишился чувств от внезапного приступа ярости и ненависти, которые выплеснул этот дикий рев. Он сразу понял, что происходит и что ему нужно немедленно отправиться в Храм Смертельной Тени.

На Алайток пришла война. Пробуждался аватар Каэла Мениша Кхаина.

У двери Корлангриля лежала коробочка, простой белый кубик размером с его ладонь, без обертки или послания. Он опустился на колени, чтобы поднять его, и, протянув пальцы, ощутил исходящее от него тепло. Пораженный, он слегка отпрянул. Это от Тирианны, хотя к

удивительному ощущению ее присутствия, которое сохранилось вокруг подарка, пришеивалось что-то еще.

Он поднял его и открыл крышку.

Внутри оказалась руна из серебристо-серого камня желания. Корлангриль узнал ее сразу -- это символ Зловещих Мстителей. Представление о воинской дисциплине этого аспекта -- вот что пришеивалось к нежным мыслям Тирианны. Сжав руны в ладони, Корлангриль сосредоточился, чтобы уловить мысли, которыми была пропитана руна.

Он ощутил преходящую печаль и тоску, сожаление об их расставании, гордость за то, чем он занимается. Сильнее всего проявлялось чувство понимания. Корлангриль угадал суть послания. Тирианна и сама некогда услышала зов Кхаина, и теперь она поддерживает Корлангриля на пути, которым он идет. Поглаживая пальцем руны, Корлангриль понял, что она взяла ее на память со своих успехов, а теперь передала ему как символ ее дружбы --

символ, который он может понять как
воин.

Сжав подарок в руке, он улыбнулся.

Впервые Корландриль надевал доспехи, готовясь к настоящему сражению. Перед ним стоял Кенайнат с неглубокой чашей и кинжалом в правой руке.

— Мы отдаем нашу кровь, в то время как зов Кхаина грохочет вокруг, призывая нас на войну.

Экзарх сделал кинжалом надрез в правой ладони Корландриля, кровь воина закапала в чашу и смешалась с кровью остальных Жалящих Скорпионов.

Затем Кенайнат обошел отряд, поочередно рисуя руну Жалящего Скорпиона на лбах воинов. Корландриль был последним, с некоторым волнением он наблюдал за тем, как глаза его товарищей стекленеют, мускулы начинают подергиваться, зубы обнажаются в кривой улыбке, и раздается рычание.

Затем он ощутил эту кровь на своей коже. Ему показалось, будто экзарх выжигает в его плоти огненное клеймо, в мозгу ярко

вспыхнула боль. Эта боль превратилась в гнев, который закипел в глубине его души. Гнев повлек за собой затаенные разочарования и унижения, о которых Корландриль старался забыть, пробуждая эти преданные забвению чувства.

Корландриль согрозался, а его боевая маска вырывалась из глубин его души. Кровь грохотала в ушах, порез в ладони резко сдвинулся. В воздухе потрескивала энергия жизни, по коже словно мурашки ползали. Это походило на какое-то отталкивающее появление на свет. Воинский дух Корландриля прорывался сквозь воздвигнутые им барьеры, страждущий и бурлящий возбуждением.

Голос Кенайната пробился сквозь обуревающие Корландриля чувства.

— Мир нарушен, согласие уступает место раздору, остается только война.

Корландриль начал ритуал надевания доспехов, выполняя этап за этапом не задумываясь. Слово он шел к пылающему костру и собирался пройти сквозь огонь. Успокоившись усилием воли, он сосредоточился на мантре экзарха.

— А теперь ты облачаешься в одеяние кровавого Кхаина-воина.

Корландриль не мог сдержать своего возбуждения. Наступила минута, которой он страшился и которой страстно желал со времени завершения обучения. На какое-то мгновение он устыдился своей кровожадности, но чувство раскаяния вскоре исчезло, пока он продолжал надевать доспехи.

— В железную кожу Кхаина ты облачаешься для битвы, пока внутри полыхает огонь.

Как никогда раньше, Корландриль ощущал доспехи частью себя. Он не просто влезал в свою броню, он становился собой. Он не столько надевал на себя фрагменты доспехов, сколько отбрасывал притязания на цивилизованность, которыми обычно прикрывал свой гнев.

— Дух Кхаина, в котором ты черпал свою решимость, крепнет внутри нас.

От руны на его лбу повеяло теперь ледяной стужей. Стылая волна покатила по всему телу и чуть не сковала сердце. Своими леденящими пальцами она оттела

эго угрызения совести и жалость, подавила сострадание и чувство вины.

— Война навигается на нас, и мы должны нести ее тяжкое бремя на своих плечах.

Конечно же, железная кожа Кхаина! Корлангриль почувствовал себя сильным, сильнее, чем когда-либо прежде. Он поизгал мускулами рук, грудными мышцами, доспехи сжимались вокруг него, обдаряющими жесткими объятиями.

— Мы стоим перед Кхаином, уверенные в своем призвании, свободные от сомнений и страха.

Сердце Корлангриля отбивало барабанную дробь — бесконечную, воинственную, ведущую вперед. Сжав кулаки, он почувствовал силу в своих руках. Это здорово — быть таким могучим, наполненным жизнью.

— Мы не убегаем от смерти, мы идем в тени Кхаина, гордые и бесстрашные.

Доспехи, продолжая подгонку, скрипели. Но после того, как они расстались, Корлангриль чувствовал, как

госпехи соединяются с ним, наполняя его
душу своей. Услышав, как кто-то часто и
тяжело дышит, он с трудом догадался,
что это его дыхание. Закрыв глаза, он
увидел, как огненноглазый призрак его
гнева кружится вокруг него и окутывает
так же уверенно и надежно, как
бронированные госпехи.

— Мы наносим удар из мрака, быстро,
как скорпион, смертоносным
прикосновением.

Корландриль ощутил пустоту в
руках и страстно возжелал почувствовать
в своих пальцах меч и пистолет. В
предвкушении он сжимал и разжимал руки
в перчатках.

— Смотри не глазами, но выпусти
гнев, пусть дар Кхаина ведет тебя.

Темнота шлема окутала
Корландриля, и он застыл в пространстве
и времени. Вселенная замерла, задержав
дыхание. Он стоял во мраке, стасывая его, с
пренебрежением вспоминая страх, который
испытал, впервые появившись в этом
месте. Оно сделало его цельным.

Что-то возникло в его правой руке, и

он нежно сжал это. Острые лезвия, застрекотав, ожили на мгновение и тут же застыли. С легким щелчком что-то присоединилось к передающему шнуру на его левой руке, и она сжала рукоятку пистолета. С нее свисала рюна Тирианны, его собственное маленькое украшение.

Затем его путеводный камень скользнул на свое место на его груди, охраняя его дух от проклятия. Это — его последняя броня, его истинная защита против того, чем он становился, существа, которым он хотел стать.

Тьма была и внутри него, и снаружи, огненные глаза пристально смотрели прямо из его головы. Он с самого начала знал эту призрачную фигуру, против которой сражался, но только сейчас по-настоящему разглядел ее. Он бился с самим собой. Он напрягал все силы в борьбе с порывами и желаниями, которые еще оставались в его душе. Он так отчаянно старался подавить свой гнев, но боролся он по неведению.

Тьмы не стало — за исключением того, что глаза Корландриля были еще

закрыты. Он открыл их и взглянул на мир свежим взглядом сквозь ярко-красные линзы своего шлема.

Пригнувшись, он сделал шаг вперед и непринужденно принял боевую стойку. Он больше не был существом из плоти и крови, смертным, полным фальши и грубых страстей. Он — воин, часть Кроваворучкого бога, аспект Каэла Менша Кхаина.

Корландриля больше не было.

На его месте стоял Жалящий Скорпион Храма Смертельной Тени.

Главная галерея боевого корабля представляла собой огромный зал со сводами из реброобразных конструкций, которые разделялись на высокие, узкие твердые проемы, ведущие в боковые помещения. Вспышки энергии плясали вдоль сердцевины из прозрачной кости, которая сливалась со скрытыми психоцепями за переливающимися синими стенами. Сводчатые помещения корабля звенели от топота ботинок, лязга клинков, рассекающих воздух, и время от

времени взрыва или вспышки лазерного огня в ходе проверки оружия. Воины из десятков аспектных храмов Алайтока упражнялись в своих ритуалах в отдельных залах, которые ответвлялись от главного магистрального прохода, звучащие под высокими потолками мантры экзархов сплетались в полифоническую симфонию войны.

Корлангриль стоял в шеренге с остальными воинами Смертельной Тени и слышал только голос Кенайната и стук своего сердца.

Аватар --- на борту. Кроваворукий бог расхаживал среди них. Корлангриль ощущал его присутствие всеми чувствами, его сердце колотилось быстрее, каждое движение наполнялось особой энергией. Его разум сосредоточился на одной-единственной цели: уничтожить орков, разграблявших Эйленилиеш.

Мысли о сражении наполняли его предвкушением. Несмотря на то, что воинские ритуалы давали ему возможность вывести гнев за рамки повседневной жизни, именно во время войны

он сможет избавиться от него. Предстоящее кровопролитие, внутреннее противоречие жизни и смерти, волновало Корлангриля. Это обещало даже большее упоение и удовлетворение, чем завершение скульптуры или кульминация грез, хотя его воспоминания об этих предыдущих победах были весьма смутными.

По завершении тренировки Кенайнат отпустил их. Корлангриль колебался, не зная, чем заняться дальше. К нему подошла Элиссанагрин, снимая шлем. Корлангрилю, который видел все в темно-красном свете сквозь линзы шлема, сразу бросилась в глаза рана из засохшей крови на ее лбу и бесстрастный взгляд, в котором он узнал теперь боевую маску.

Нерешительно и ступенно Корлангриль снял свой шлем, опасаясь, что это каким-то образом лишит его боевой маски. Однако, оказавшись без шлема, он не почувствовал никакой разницы. Рана на коже закрепляла его психическое состояние, служила чем-то вроде якоря его гневу.

Он последовал за остальными, когда

они покинули залу, в которой тренировались, и направились друг за другом по центральному проходу корабля к корме. Время от времени по полупрозрачным стенам проносилась световая вспышка, яркое пятно среди бледно-оранжевого и желтого мерцания. На корабле не было Бесконечного Круговорота, хотя его основа из призрачной кости нежно пульсировала психической энергией, воздействуя на чувства Корлангриля. Его переполняло пронзительное ощущение присутствия аватара, пропитанное железом и кровью.

Вместе с Жалящими Скорпионами к корме корабля двигались и другие отряды воинов — пешком и на антигравитационных платформах. Темные Жнецы в тяжелых черных доспехах и шлемах с флюгерати, Воющие Баньши в шлемах с гривами, которые развевались от психической энергии, много Зловещих Мстителей в синих доспехах, экзархи которых выделялись яркими желтыми и белыми знаменами на ранцах. Были там и многие другие аспектные

войны, каждый из которых представлял определенную сторону характера бога войны, и специализировался на конкретном виде боевых действий. Собравшись все вместе, они являли собой гармонию сил разрушения.

--- Мы доберемся до Эйленилиеш только через восемь суток, --- сообщил Мин, прервав свой вдохновенный бег, чтобы Элиссанагрин и Корландриль поравнялись с ним.

Еще так долго ждать, пока начнется, наконец, кровопролитие, подумал Корландриль, понимая вместе с тем, что это путешествие --- не из самых долгих, скорее --- наоборот. Но бездеятельность его удоражила, он представить себе не мог, чем занять столько времени.

--- Вижу твой голод, --- заметил Мин, обнажая в устешке зубы. --- Это будет уже скоро, не волнуйся.

--- А сколько раз вы сражались? --- спросил Корландриль.

--- Это --- моя тринадцатая экспедиция, --- ответила Элиссанагрин.

--- Двадцатая, --- сказал Мин.

Корландриль обернулся к Архүлешу, который шел за ними, замыкал колонну. Бехарет, отстав от него на несколько шагов.

--- Вторая, --- произнес Архүлеш. --- Считая эту.

Корландриль растаял и тут же утолк, пораженный тем, что не утратил чувства юмора.

--- А впечатление было, что ты более опытен, --- заметил он. --- Я и не представлял себе, что ты --- еще младенец с оружием.

--- Да это про тебя, новичка, можно сказать: молодо-зелено, --- парировал Архүлеш. --- Неустово страждешь отведать запретного наслаждения и в то же время тнешься, как только вступающая в пору цветения дева с Цибрезуля. Будь уверен, никто не ожидает, что у тебя все получится, как надо, с первого раза.

--- Мой первый опыт чувственных наслаждений был весьма успешен и вызвал благодарность со стороны партнера, --- сообщил Корландриль. --- Я не боюсь, что моя боевая невинность меня удержит.

— По правде говоря, я уверен, что ты в равной степени упражнялся в обоих случаях, — растеялся Архулеи.

Они прошли вперед еще немного, воины других отрядов вокруг них говорили без умолку.

— Я голоден, — заявил Корлангриль, ощутив, как его гложет пустота внутри. Он сравнил себя с двигателем, который выработал большую часть топлива.

— Мы все голодны, — сказал Мин. — Странная штука, но через сутки твой желудок будто в узел затянет, и ты не захочешь ни крошки. Ешь сейчас, сколько сможешь, пока ты еще можешь. Твое тело расходует энергию гораздо быстрее, когда на тебе боевая маска, важно поддерживать энергетический уровень.

Корлангриль кивнул в знак того, что понимает.

Их путь пролегал мимо обширных ангаров, где в полумраке неясно вырисовывались темные силуэты разведывательных кораблей. Некоторые ангары пустовали — пилоты-странники как раз сейчас сопровождали боевой корабль

В извилистом полуреальном лабиринте
путеводной паутины. Не были
задействованы также ангары, в которых
обычно перевозились танки и другая боевая
техника. В этой экспедиции такой
поддержки не будет — планировался
быстрый удар с целью уничтожить угрозу,
исходившую от орков, в самом зародыше.
Призвали только аспектных воинов,
поскольку ясновидцы сочли положение не
столь серьезным, чтобы мобилизовать
стражников — гражданское ополчение.

Мин привел их в столовую, где за
длинными столами сидели сотни
аспектных воинов, тогда как другие
проворно сновали вокруг округлых стоек,
накладывая себе еду. Сверкающая наверху
психосиловая башня показывала
путеводную паутину вокруг. Изогнутая
труба энергии укрывала корабль со всех
сторон прочными стенами, окрашенными в
пульсирующие цвета, сквозь которые
сверкало залитое звездами небо.
Сооруженная из вещества варп-
пространства, путеводная паутина
проходила между нематериальным и

материальным миром и сквозь них, являясь одновременно частью обоих, и вместе с тем не принадлежа ни тому, ни другому.

Время от времени они проходили трассу отклонения, паутина раздваивалась сквозь висячие ворота из золота и призрачной кости с нанесенными на них рунами, которые направляли в нужное русло и придавали форму психической энергии варп-пространства. Встречались и маленькие туннели, которые срезали большие петли главных каналов, иногда они видели огромные кольца сырой призрачной кости, обернутые местами вокруг хрупкого туннеля — свидетельства текущих ремонтов, иногда психосиловые стены прогибались и выгибались, пульсируя светом, когда путь некоего жуткого существа из варп-пространства пересекался с паутиной, и его отбрасывали назад психические берега.

Других кораблей видно не было, путь на Эйленлиеш был расчищен странниками, чтобы обеспечить

прохождение крупного боевого судна.

Мысли о демонах и прочих существах, которые слонялись совсем рядом, вызывали у Корландриля тревогу. Путеводная паутина значительно безопаснее, чем открытое пространство варна, но стоило ему представить, каких нематериальных тварей удерживают полупрозрачные стены энергии, как он лишился присутствия духа. Отвернувшись, он посмотрел на аспектных воинов, которые расположились в округлом зале отрядом.

--- Почему в Смертельной Тени так мало воинов по сравнению с остальными храмами?

--- Кенайнат берет только по одному ученику зараз, --- объяснила Элиссанагрин. --- Тебе повезло, что у него не оказалось последователя, когда ты... оказался в затруднительном положении. В противном случае я бы не смогла привести тебя к нему.

Корландриль заметил также, что воины большинства других храмов были со своими экзархами. Кенайнат, насколько он

знал, остался в зале, выделенном для Храма Смертельной Тени. Он увидел другую группу Жалящих Скорпионов, более двадцати воинов. Их экзарх сидел во главе стола. За спиной у него висел наискосок глиняный двусторонний цепной меч на ремне.

--- Выпадение Смертельного Дождя, --- сказал Архулеш. --- Это их экзарх, Аранарха. Мы должны засвидетельствовать свое почтение.

Когда они подошли, экзарх поднял на них взгляд темно-синих глаз, у него были гладкие черты лица, как у скульптур Корландриля. Его волосы были по-варварски коротко подстрижены, и лишь спереди на лице падали две глиняные косы.

--- Дети Кенайната, милости просим, и новый воин с ватю! --- произнес экзарх с кривой устешкой. Поднявшись, он отвесил Корландрилю небрежный поклон.

--- Это для меня честь, --- сказал Корландриль, кланяясь в ответ. --- Я --- Корландриль.

--- А теперь --- Смертельная Тень, которая прячется в своем храме, полном

лрального шепота Кенайната. Почему ты
не пришел ко мне, моя гверь была
открыта, и я не такой грозный.

--- Я --- начал, было, Корлангриль, но
Элиссанагрин оборвала его.

--- Это я привела Корлангриля в
Смертельную Тень, и это было
правильно, --- сказала она с нажимом. ---
Кенайнат учит нас хорошо.

--- Я не оспариваю этого, но это еще
не все, в жизни есть не только война.

--- Он позволяет нам усвоить эти
уроки самостоятельно, --- возразил Мин.

Аранарха радостно улыбнулся и
жестом пригласил их сесть.

--- Вы пришли сюда сами по себе, без
вашего экзарха, так насладитесь нашей
компанией.

Корлангриль посмотрел на
остальных.

--- Это --- такое же хорошее место, как
и любое другое, --- сказал Архүлеш,
усаживаясь между гвүтя воинами
Выпадения Смертельного Дождя. Он взял
себе несколько кусков с тарелки воина
слева от себя. --- Делать нам особо нечего.

--- Мы вскоре присоединимся к вам, ---
сказала Элиссанагрин, поворачиваясь к
ближайшей стойке с пищей. Корландриль
последовал за ней, озадаченный
перебранкой.

--- Я замечая какую-то неприязнь, ---
сказал он. --- У тебя какая-то
неурегулированная проблема с Аранархой?

Элиссанагрин, покачав головой, взяла
овальное блюдо из-под подогреваемого
тармита с пищей. Ловкими движениями
руки она перенесла на блюдо груды
дымящихся многоцветных зерен.

Корландриль взял тарелку и отправился к
низким кустам, растущим на губчатом
участке пола. Быстро открутив ягоды с
веток, он перешел к маленькому бассейну,
на поверхности которого плавали
ароматные цветы. Сорвав пару цветков, он
обсыпал их лепестками свою еду.

--- Аранарха и Кенайнат соперничали
некоторое время, но сейчас между ними
нет враждебности, --- пояснила
Элиссанагрин, пока Корландриль отрезал
узким ножом мясо от туши тенорога. ---
Кенайнат стар, очень стар, и он подчас не

одобряет методы Аранархи. Но мы здесь все воины, и связь, существующую между нами, не оборвать. При всех их различиях они все же уважают друг друга.

— Но это не объясняет твоего тона и действий, — заметил Корландриль, наполняя свое блюдо щедрой порцией расколотых семян ангельской столки. Он чувствовал сильный голод, и вынужден был остановиться, чтобы не переполнить тарелку.

— Кенайнат расценивает свое заточение экзарха как проклятие, но Аранарха воспринимает его как благословение. Старый учитель предпочел бы не иметь учеников, а этот, моложе, обращает в свою веру, активно вербует новых учеников.

— Почему Кенайнат не хочет иметь учеников? Он так нас презирает?

Элиссанагрин бросила на Корландриля суровый взгляд.

— Если бы у Кенайната не было учеников, это означало бы, что в нем нет никакой нужды — что другие лишены всякого следа Дара Кхаина. Если ты

дұтаешь, что Кенайна́т тебя презирает, значит, ты видишь нечто, скрытое от меня. Быть может, это просто отражение факта, что в тебе еще осталось нечто такое, чего ты стыдишься.

--- Кажется, он не очень-то обо мне заботится, --- заметил Корлангриль, пожав плечами. --- Возможно, я путаю безразличие с презрением.

--- Кенайна́т берет глубоко, забирается в самую суть того, что привело тебя к нему. --- Элиссанагрин понизила голос --- они возвращались к столу с остальными Жалящими Скорпионами. --- Аранарха учит ритуалам всех вместе, не проявляя личного интереса ни к одному воину. Который из двух проявляет большую заботу, как ты думаешь?

Корлангриль размышлял над этим, себе поесть вместе с остальными. Вскоре его тарелка опустела, и он вернулся за новой порцией. А затем --- за третьей.

--- Это пламя и в самом деле горит ярко, его не насытил бы и пир Курноуса, --- заметил Аранарха.

Корландриль опустил взгляд на еду, горой лежавшую перед ним. Он не видел в этом ничего плохого. Мин предупредил его, чтобы он съел столько, сколько сможет, пока чувствует голод.

--- Будет лучше, чтобы я не шел на свой первый бой ослабевшим от голода, --- сказал он и с удовольствием приступил к стоявшему перед ним блюду.

--- Во всяком случае, у нас --- полиморфные госпехи, --- растеялся Архулеш. --- Жать не будут!

Устехнувшись, Корландриль потянулся за бокалом приправленного специями магнетитового сока. Подняв его за здоровье Архулеша, он опорожнил его длинным глотком. Причмокивая губами, он штыкнул бокал на стол.

--- Если бой столь же сладок, то нас ждет еще более грандиозное пиршество! --- провозгласил он.

Провидица пути стояла перед овальным, обрамленным золотом порталом, одним из нескольких таких врат, выдавленных в полу из прозрачной

кости, в паутиных отсеках на корте
корабля. Ее окутывала широкая темно-
фиолетовая мантия. Белые, разделенные
посередине волосы ниспадали густыми
длинными локонами перед плечами, на
локонах были синие с металлическим
отливом кольца. Вокруг ее вытянутой
руки вращалось пять белых рун, легко
поворачиваясь в психическом вихре,
создаваемом ее манипуляциями, пока она
соединяла нитью временной паутины вход
в материальную вселенную. Клубок
энергии внутри раты портала время от
времени излучал мерцающий свет,
заставляя руны переходить на минуту в
волнующий танец, который потом опять
стменялся спокойным кружением.

--- Портал скоро откроется, мы --- в
авангарде, --- сообщил Кенайнат. Он подал
знак отряду надеть шлемы.

Все, что видел теперь Корландриль,
предстало перед ним в красном свете,
словно его глаза покрыла кровавая пленка.
Он был полон энергии, не волновался, но
испытывал напряженность. Наступила
культминация --- после того, как столько

времени и усилий потрачено на тренировки, и так же, как открывался портал в паутину, новая дверь открывалась в его жизни. Он страстно желал пронестись сквозь нее и ухватиться за все возможности, что лежали за ней.

Сдерживая желание двигаться, заставляя себя стоять спокойно и дожидаться, пока провидица пути завершит свой ритуал, Корлангриль не спеша проверял системы госпехов. Точнее, он позволил части своего сознания слиться с госпехами несколько сильнее, чем обычно. Все работало, как надо.

Слегка заскучав, он отвлекся от процессов госпеха и, нежно прикоснувшись к спусковому крючку пистолета, включил психическую связь. В его левом глазу мгновенно возникла картинка-в-картинке, словно заточная скважина в поле зрения. Через это маленькое отверстие он видел испещренный зелеными прожилками полотсека портала. Подняв руку, он поиграл с пистолетом, наводя его на портал паутины, и задержался на провидице пути, образ которой передала система наведения

пистолета. Перед провидицей появилась
маленькая рюна -- символ Алайтока,
которая указывала, что она -- своя, а не
враг.

Это была мера предосторожности,
маловероятно, что она будет
использоваться, но, возможно,
конструкторы пистолета жили в более
неспокойные времена, когда даже мирные
корабли поднимали оружие друг против
друга. Визуискатель -- полезная штука на
расстоянии, но отвлекает на близкой
дистанции. Корландриль мысленно
отключил его, и зрение вернулось к
обычному состоянию.

Негромкий топот ботинок заставил
его повернуться к сводчатому входу в
отсек. Вошли семеро -- темные фигуры с
едва различимыми очертаниями. Это --
странники, закутанные в плащи из
хателеолина. Плащи окрасились в цвета
помещения -- белый и бледно-зеленый. Один
из странников откинул капюшон. Под ним
оказалось красивое женское лицо с
татуировкой под левым глазом в виде
красной слезы. Она подмигнула

Корлангрилю. Однако при всей ее очаровательной внешности и изгибности, что-то в этой страннице тревожило его. Взгляд воина упал на ее путеводный камень, и он почувствовал в нем что-то таинственное. Она не шла ни по какому Пути, ее чувства и душа свободны воспарить к любым высотам и рухнуть в любые поджигающие глубины.

Как Арагриан, подумал Корлангриль. Свободна, но уязвима.

— Вы последуете за нами на Эйленилиеш, — сказала она, обращаясь к Кенайнату. Экзарх безмолвно кивнул.

Другие странники оставались незнакомыми. Нет ли среди них Арагриана, мелькнула мысль у Корлангриля. Он скрытно направил свой пистолет в сторону странников и активировал Глаз Скорпиона, надеясь увидеть их лица. Простатривая различные спектры, как видимые, так и невидимые, он обнаружил, что плащи странников рассеивали не только обычный свет, но и тепло и все прочее, что может быть обнаружено противником. С

собственный рост, винтовки, остальные странники последовали за ней.

Кенайнат обвел взглядом Жалящих Скорпионов, одного за другим, словно оценивая их. Он не мог видеть их лиц, но тут Корлангриль подумал, не обладает ли экзарх более развитыми чувствами, чем обычный эльгар. Не произнеся ни одного напутственного слова, Кенайнат отправился вслеп за странниками.

Корлангриль бросил взгляд на остальных членов отряда, но никто из них не посмотрел на него. Интересно, испытывают ли они такое же чувство свершения, подумал он, собираясь отправиться на свою первую битву. Огиди за другим они двинулись в паутину.

С нарастающим возбуждением Корлангриль шагнул вслеп за ними.

Паутинный проход шел к поверхности Эйленилиеш между реальной вселенной и потусторонним миром варпа, это была сплюснутая труба, которая вела сквозь то, что на первый взгляд казалось неспокойной, мутной водой. Глядя на туннель сквозь

линзы, он затруднялся определить, какого же он цвета на самом деле, но не удивился бы, если б он оказался зеленым или синим. Корландриль чуть ли не ожидал увидеть красные вспышки проплывающих мимо скорпен или серебристое мерцание косяка помпан.

Что было странным, так это ощущение движения, точнее --- его отсутствия. Хотя он шагал вперед за остальными, вокруг ничего не менялось, будто он маршировал на месте. Паутинный туннель время от времени волнообразно изгибался, но Корландриль не знал, то ли это из-за движения в варп-проходе или просто стечение энергий, которые удерживались его нематериальными стенами.

Пристально взглядываясь сквозь невидимую психосиловую стену, он различал расплывчатые нити других паутинных проходов, которые переплетались с этим и друг с другом, сходясь и расходясь, как пряди нити. Отрядов, которые шли по тем проходам, он не видел.

--- Какова его глина? --- спросил он, и его голос передался другим членам отряда.

--- Просто временный ход, --- ответил Архүлеш. --- Мы окажется на поверхности через несколько мгновений.

Корландриль заглянул вперед из-за плеч идущих перед ним, надеясь что-нибудь увидеть. Он представлял себе нечто вроде мерцающей вуали, сквозь которую можно рассмотреть деревья и траву Эйленилиеш.

Вместо этого все остальные просто исчезали из виду, проходя определенную точку, и, сделав очередной шаг, Корландриль обнаружил, что шагает по мягкому дерну. Он был отчасти разочарован.

--- Оружие наизготовку, сражение и кровавое изгровое поле Кхаина уже близко.

Корландриль встал в боевую стойку в центре отряда, сразу за Кенайнатом, и посмотрел вокруг. Небо над ним было облачным, свет двух огромных лун с трудом пробивался сквозь их сумрак. Они находились на косогоре, который мягко поднимался перед ним, и на его вершине

стояла узкая одинокая башня. В ее верхней части горел огонь, в свете которого разбросанные тут и там скалы и деревья отбрасывали глинные тени. Корлангриль внимательно остотрел склон холма в поисках странников, но они уже исчезли, либо так хорошо замаскировались, что он больше не мог их разглядеть.

У него пересохло во рту, и он облизнул губы, сжимая в то же время рукоятку оружия, чтобы немного расслабиться, потратив частицу переполнявшей его энергии. Близко ли мы подобрался к оркам, подумал он, но воздержался от вопроса. Ответ пришел сам, когда они поднялись на вершину холма и увидели пелену черного дыма, низко висевшую над лесистой долиной.

До Корлангриля донеслось чье-то гневное рычание, но чье — он не разобрал. Возможно, это был он сам. Ужасное зрелище — толпы орков, сносящих прекрасные деревья, потрясло разум Корлангриля. Все мысли о славной битве рассеялись, и осталось лишь желание уничтожить тварей, которые напали на

этот мир.

— Следуйте вдоль реки, — раздался голос ведущего странника из кристалла связи рядом с правым ухом Корландриля.

Кенайнат пошел напрямик направо и привел их к узкой, быстро струящейся реке, которая появлялась откуда-то из холма и прорывалась вдоль каменной теснины. Экзарх и его отряд легко пересекли реку у истока и, двинувшись быстрым шагом вниз по холму, дошли до редких деревьев на опушке леса.

Потом бульканья и плеска, доносившихся с реки, Корландриль слышал шелест листьев над головой и вздохи ветра в пышной траве под ногами. Своих спутников, которые двигались бесшумно, как тени, он не слышал. Издали доносились грубый рев моторов и свирепый хохот.

— Орки захватили Хирит-Хреслейн, — доложил странник.

Уха Корландриля достиг другой голос. Он не узнал его, но в нем звучала суровая власть.

— Это поселение расположено на обоих берегах реки, — нараспев произнес

говори́вший. Большая часть врагов находится на берегу со стороны паутины, ближайшем к нашим позициям. Их командование находится на противоположном берегу. Фирутейн, расставь своих воинов вдоль реки позади и будь готов вывести из строя любые транспортные средства, которые будут пересекать реку с дальней стороны. Кенайнат, переведи свой отряд к мосту, чтобы расправиться с теми, кто уцелеет после удара Огненных Драконов.

--- Все будет, как ты приказал, по воле Кхаина, --- ответил звучный голос, по виду тому, экзарх Фирутейн.

--- Скорпионы выжидают, мы нанесем удар из тени, и никто не устоит против нас, --- звучание и модуляции голоса Кенайната узнавались сразу.

--- Это был автарх, --- объяснил Мин, когда Корландриль спросил, кого это он слышал. --- Он координирует главное наступление, и нам предстоит остановить любые вражеские подкрепления.

--- Засада, --- сказал Архулеш. --- Как

раз наш вид боевых действий.

Достигнув низины, река быстро
мелела и широко разливалась. Деревья
росли у самых берегов, но теперь их
разделяло широкое водное пространство,
залитое тусклым светом ночного неба —
темно-оранжевым в глазах Корлангриля.
Чем дальше продвигались Жалящие
Скорпионы, тем больше они отделялись от
остальных боевых частей, которые
направлялись под углом к основной
группировке орков на другом берегу реки.
Бросив взгляд через левое плечо,
Корлангриль увидел, как отряд Огненных
Драконов Фирутейна целеустремленно
шагает по противоположному берегу.

Что-то неладно, понял Корлангриль,
внезапно почувствовав, что остальные
члены отряда застыли на месте, и замер в
стойке Режущий Лист.

Безмятежную водную гладь реки
встревожила зыбь, которую сопровождала
тонкая струйка пузырьков. Нечто
двигалось к отряду прямо под
поверхностью воды. Усилением мысли

Корландриль включил широкодиапазонный обзор шлема и заглянул под отражающую поверхность воды. Это «нечто» было огромным и смахивало на змею, глиной в пять раз превышало рост эльдара, имело три пары плавников и широченный хвост.

Два огромных сердца билось рядом в его груди, по всей глине тела тянулись струны хрящей, которые перекрывались лабиринтом артерий и странных органов. Когда существо лениво проплыло мимо на расстоянии пистолетного выстрела, Корландриль увидел, что от них к конечностям исходит поток тепла.

Оно даже не взглянуло на Жалаящих Скорпионов, укрытых от лунного света деревьями, обступившими берег. Проводив его взглядом, Корландриль кивнул Кенайнату, показывая, что можно продолжать движение.

Под прикрытием густеющего облака, которое почти поглотило обе луны, отрадо быстро двигался вперед, и вскоре арочный мост, который соединял две части Хирит-Хреслейн, оказался в пределах видимости. На дальнем берегу — со стороны паутины,

ближайшем к позициям армии эльдаров, среди деревьев поднимались высокие башни. Из узких окон валил дым, бледные стены были вымазаны сажей. На ближней стороне здания дальше отстояли друг от друга, и был расчищен от деревьев и кустарника большой участок леса. Некогда это было пастбище для скота эзодитов. Теперь все лежало в развалинах, туши огромных травоядных рептилий грохотались в ревущих погребальных кострах или валялись в вытоптанной грязи, где их забыли. Грубые штандарты с плоскими металлическими знаками и гранитными стягами торчали из земли и свисали с проломанных черепичных крыш.

Кое-как склепанные колесные транспорты гроыхали по почве, тяжелые толстые колеса разворотили плодородную землю, а воздух был загажен их выхлопными газами. На развалинах усадеб и амбаров были возведены металлические сараи, откуда в ночное небо неслись яркие искры сварочных горелок в сопровождении дикого лязга, мерцало открытое пламя и резкий свет искусственных светильников.

Открытое пространство было завалено грудями хлама: скверно отесанными бревнами, искромсанными покрывками, костями животных и кучами гытящегося навоза. Сараи-мастерские беспорядочно пучились трубами, извергающими маслянистый дым, который стлался тучей стога над замусоренной территорией лагеря.

Сквозь царивший здесь трах с помощью своих линзфильтров Корландриль мог впервые в жизни разглядеть орков, о которых немало слышал от других членов отряда. И тут он пришел к выводу, что их жуткие рассказы далеко не в полной мере отдавали должное этим отвратительным чужакам.

Здесь было несколько десятков зеленошкурых монстров. Большинство из них явно превосходили размерами Корландриля, даже сидя, сгорбившись, или развалившись у костров. Некоторые были просто огромными, возможно, вдвое ниже аспектных воинов, но втрое или вчетверо шире. Они урчали и кудاختали на своем грубом языке, равная то и дело друг на

грудь.

Вокруг лагеря и по нему сновала толпа существ меньших размеров, которые таскали еду и оружие, вступая при этом в мелкие перепалки. Их尖酸刻薄的 голоса резко диссонировали с грохотом и ревом орков, неизменно раздражая слух Корлангриля.

Исполнившись отвращения от отвратительного, он не долго думая поднял свое оружие.

— Еще не время, обуздай свой гнев и ненависть, месть последует скоро, — предостерег его Кенайнат.

Медленно текли мгновения, а Жалые Скорпионы лежали в ожидании. Корлангриль наблюдал за орками, опасаясь обнаружения, но ни зеленокожие воины, ни их мелкие слуги даже не смотрели в сторону реки. Он вновь обратил внимание на башни основного поселения. Здесь ущерб, нанесенный орками, был еще более очевиден.

Ковшерылые чудовища разбили свой лагерь на развалинах поселения, проломив

стены, чтобы расширить дверные и оконные проемы, повсюду возвышались груды отходов вторгшихся чужаков. Они были здесь совсем недолго, но успели обезобразить изящные каменные здания уродливыми переделками, соорудив на них балконы и парапеты из листов металла и необработанных деревянных досок.

Здесь бродили сотни тварей, они спорили и дрались, жрали и орали. С каждым мгновением росли презрение и отвращение к ним Корлангриля. Самым своим существованием они оскорбляли все, что он научился ценить и любить. Это тупой, неуклюжий, плохо управляемый сброд, олицетворение анархии и насилия, в нем — ни культуры, ни остроумия, ни искусства. Их сила — в жестокости, их невежество — защита против телных сил вселенной, которые охотятся на более цивилизованные виды.

Хотя Корлангриль всем своим существом стремился дать волю ярости Кхаина, чтобы истребить этих варваров, которые существовали со времен древнейших легенд эльдаров, разум

нашештывал ему, что этого не будет
никогда. Если эльдары оказались не в
состоянии удалить эту заразу из
галактики, когда их цивилизация была на
вершине могущества, до трагедии Падения,
сейчас на это едва ли можно надеяться.
Они так малочисленны, так разбросаны по
сравнению с хрюкающими, бурлящими
ордами, которые сейчас захватили власть
над многими мирами, некогда
принадлежавшими эльдарам.

Корландриль нашел утешение в
единственной мысли: к наступлению
следующего рассвета в галактике
останется меньше орков, грабящих звезды.
У него достанет мастерства и
решистости, чтобы некоторые из них пали
от его руки. Эта перспектива вернула ему
возбуждение битвы, хотя не прозвучал еще
ни один выстрел и ни один клинок не нанес
в ярости удара.

Корландриль принялся в подробностях
представлять боевые приемы, которые
применит против этих неуклюжих
монстров. Он воображал, как уклоняется
от их неловких ударов, тогда как его

оружие легко разит их. Эти скоты лишили жизни других эльдаров — правда, отсталых экзодитов, но тем не менее эльдаров — и он в состоянии потребовать кровавой платы за это преступление.

Больше не поступало никаких приказов — да и не нужно было. Экзархи знали свою роль, а воины знали, как сражаться. Единственным уведомлением о начале боя оказался оглушительный взрыв со стороны реки, что ближе к паутине. В воздухе повисли паробразные нити следов ракет Темных Жнецов, и вверх взметнулось разноцветье раскаленных обломков, которое поглотило орков. Тихое постукивание сюрикеновых катапульт вскоре заглушил грохот сигналов тревоги орков — трубящие механические рожки, грохочущие металлические барабаны и оглушительные вопли.

Корландрилю хотелось вступить в бой, он осторожно подался вперед и встал рядом с Кенайнамом. Вода тихо плескалась у ног экзарха, который бездвижно стоял на мелководье, не сводя взгляда с орков на правом берегу.

Посмотрев туда, Корландриль увидел, что зеленошкурые быстро сплотились. При всей их незатysłоватости они быстро среагировали на атаку, перспектива кровопролития превратила их в единое целое, направленное на уничтожение.

Открытые машины с тяжелым оружием на турселях носились взад и вперед, собираясь во временные отряды, чтобы направиться к мосту. Позади них с грохотом ожили два полугусеничных военных колосса, каждый — размерами с сарай-мастерскую и столь же грубо сработанный. Из-под огромных покрышек полетели в воздух комки грязи, гусеницы забрыцали по заржавленным колесам, и машины поползли к мосту.

Самые крупные орки взбирались по лестницам на свои лежа в открытых машинах, остальные трюсили за ними. В крупнокалиберные орудия направлялись ленты с боеприпасами, все остальное оружие, которым изобиловали мобильные крепости, разворачивалось в сторону реки. Некоторые орки в возбуждении палили из своего оружия в небо, непрерывно издавая

боевые кличи. Бронетранспортеры изрыгали из многочисленных выхлопных труб густой дым, и смог тяжело струился к реке, подгоняемый свежим ветерком. Механические чудища с лязгом неумолительно ползли вперед, продираясь сквозь груды обломков и гниющих туш животных.

Первая из боевых открытых машин достигла моста и поехала по нему, вслед за ней — еще две. У противоположного конца моста укрывшиеся в развалинах сторожевой башни Фирштейн и его Огненные Драконы выдвинулись вперед.

Экзарх поднялся к выбитому окну и навел на цель свою копьевидную огненную пилу.

Из нее вырвалась ослепительная вспышка энергии и потчалась к ведущей машине. Поразив легкий транспорт сбоку наг передним колесом, она взорвалась как маленькое солнце. Передняя ось разлетелась на куски, машина сильно подскочила вверх и со скрежетом понеслась вдоль подпорной стены моста, оставляя за собой хвост искр. Корландриль улыбнулся, увидев, как водителя машины швырнуло на

стену как кулу, а стрелка размазало по белому камню ограждения.

Надвигающиеся машины крутились меж дымящихся обломков, их тяжелые пулеметы непрерывно тарахтели, и дымные вспышки озаряли воящие, клыкастые рожи орков. Пули вырывали куски стен башни, но воины Фирутейна держались на своих позициях, несмотря на иступленный беспорядочный огонь. Как только ведущая машина оказалась в зоне поражения, Огненные Драконы сделали свой смертоносный выдох, и воздух вспенили раскаленные добела лучи их термоядерных ружей.

Стрелок очередной машины взорвался, превратившись в дымку быстрого испаряющихся органов и крови, а его ноги и нижнюю часть туловища вышвырнуло на дорогу. Двигатель вспыхнул языками пламени, тут же взорвался бак с горючим, и машина превратилась в летящий огненный шар, который врезался в разрушенную сторожевую башню и с грохотом разлетелся тучей обломков.

Более крупные транспортеры

набирали скорость. Ближайший был оснащен плугообразным тараном, который отшвырнул в сторону обломки первой уничтоженной машины.

Сидевшие в нем воины в порыве бешенства палили из своих лающих винтовок во всех направлениях, тогда как более тяжелые орудия вели размеренную прицельную стрельбу по Огненным Драконам.

Корландриль с ужасом наблюдал за тем, как залп достиг цели, и от доспехов одного из Огненных Драконов отлетели крупные осколки. Тело воина — безжизненное, заключил Корландриль, — отшвырнуло в руины башни.

На минуту Корландриля охватили противоречивые чувства. Он не знал, что думать. С одной стороны, он испытывал какие-то сомнения, далекий голос нашептывал ему, что это ужасно. Он только что увидел, как жестоко убили другого эльдара. Более жуткое зрелище и представить себе трудно. Но этот тихий голос уже заглушил трачный рев, который требовал, чтобы Корландриль отомстил

за смерть павшего Огненного Дракона.

В эти несколько мгновений его неуверенности многое изменилось. На близком конце моста транспортер стараном охватило пламя, рвущееся из под гусеничных траков, а его двигатели расплавились от выстрела огненной пикеты Фирштейна. Орки посыпались с него со всех сторон и стали собираться вокруг самого объемистого существа со знаменем на металлическом шесте, привязанном к спине, и ожерельем из треснувших черепов на шее. В одной руке у него был короткий, но тяжелый пистолет, а в другой — двусторонний цепной топор.

— Вот он, вожак, настало время нанести быстрый удар и свалить эту тварь! — воскликнул Кенайнат, ринувшись вперед. Корландриль бросился за экзархом, а за ним последовали остальные.

В темноте и дыму Жалаящие Скорпионы добрались до моста быстро и незаметно. Орки, подгоняемые воплями своего командира, который угрожал им пистолетом и топором, распахивали по сторонам остатки своего транспорта.

Внезапные яркие вспышки справа отвлечли внимание Корлангриля от порочьего военачальника и его эскорта. Загораясь подобно миниатюрным сверхновым звездам, вокруг орков открывались искрящиеся порталы. Ориентируясь на призрачные маяки, поставленные странниками, из паутины прибывали остальные силы эльдаров, окружая этих тварей, чтобы никто из них не ушел. Отряды внезапно появлялись с небес, ведя огонь из своего оружия, подразделения Сверкающих Коний вырвались из мерцающих порталов на гравциклах, их лазерные конья светились энергией. Орки, попав в ловушку меж двух сходящимися отрядами эльдаров, гибли толпами.

Под мостом Корлангриль заметил темные фигуры и подумал сначала, что это враги. Приглядевшись, он увидел, что это --- тоже Жалящие Скорпионы. Выпадение Смертельного Дождя Аранархи. Они перемещались, чтобы отрезать продвижение орков со стороны паутины, тогда как воины Смертельной

Сени наступали с тыла.

За отрядом Аранархи бұшевало
сражение. Меж башен экзодитов носились
энергетические заряды и визжащие пули.
Аспектные воины атаковали уверенно и с
взвешенной жестокостью, снося все на
своем пути и следуя за аватаром. Визги
массок Баныши смешивались с загадочным,
оглушающим забыванием.

Аватар Кхаина вломился в ряды
орков, от копья с огненным наконечником в
его правой руке -- Сун Деллэ, Стенающий
Рок -- исходил звук, от которого мороз
продирал по коже. Вдвое выше
окружающих его аспектных воинов,
воплощение Кроваворукого являло собой
кошмарное видение из металла и огня. Его
мистическая плоть светилась изнутри
красноватым цветом, лицо воплощало
собой неукротимую ярость, глаза-щелки
поыхали белым жаром. Брошенное
аватаром копьё пронзало дюжину врагов,
прежде чем вернуться в его длань. Разряды
молнии из странного орочьего оружия
лишь потрескивали на металлической
коже аватара, а пули барабанили по ней и

прикошетили во все стороны.

Корландриль более не мог наблюдать за этим разгулом насилия, поскольку они добрались до винтовой лестницы, ведущей на мост, и его желание пролить кровь только усилилось от этого зрелища. Кенайнат мигот взлетел по ступенькам, отряг пылко последовал за своим экзархом.

Лестница вывела их на мост неподалеку от вожака орков, который продвигался в направлении главной атаки эльдаров, все еще не зная об угрозе, возникшей сзади. Его окружили семь демонстрюзных адьютантов, они непрерывными воплями подбадривали своих подчиненных, которых наступающие эльдары косили рядами.

Кенайнат бросился в атаку бегом, из его сюрикенового пистолета вылетел град острых как бритва дисков. Корландриль, последовав его примеру, выпустил очередь по ближайшему орочьему адьютанту, пропоров ему сзади левое плечо. Тот, повернувшись, уставился на Корландрия глазами-бусинками из-под тяжелых торщинистых бровей и разинул усаженную

кляклыми пасть в предостерегающем реве. Его зубы были глиной с пальцы аспектного воина, слюна летела тяжелыми комками. Двумя руками монстр сжимал огромный топор, по зубчатому лезвию которого плясал мерцающий заряд энергии. Все в нем — глаза, поза, рев — говорило о яростном желании убить.

Такого зрелища Корлангриль даже представить себе не мог, и его сердце на мгновение дрогнуло, охваченное подсознательным страхом перед исполинским чудовищем, которое противостояло ему. Как и прежде, в ответ на свой страх Корлангриль ощутил прилив ненависти и гнева. Рванувшись вперед, он отделился от Кенайната и сблизился со своим противником. Зубья ожившего цепного меча Жалящего Скорпиона превратились в слезанное пятно, ярость, овладевшая Корлангрилем, разогнала их до такой скорости, что, вспоров воздух, они издали пронзительный свист.

Взмахнув топором, орк послал его по глиняной дуге в голову Жалящего

Скорпиона. Тот, пригнувшись, легко ушел от неуклюжей атаки, а его цепной меч молнией взлетел к подмышке орка и разрубил мышцу и артерию. Кровь брызнула на закрытое шлемом лицо Корландриля, когда он, развернувшись, пролетел мимо. Сквозь аспектный доспех он почувствовал зловоние крови орка, отдающее железом.

Мандибластеры Корландриля дали лазерный залп по орку, когда он обходил его сзади, и разогрели ему спину и плечи. Чужак тяжело развернулся вправо, пытаясь поспеть за тем, кто причинил ему эту боль, и взметнул топор над головой. Но Корландриль не задержался на месте в ожидании этого удара. Согнув колени, он припал к земле в стойке Дремлющая Молния, а затем, рнувшись вперед на кончиках пальцев, выполнил комбинацию Река Страданий. Сюрикеновый пистолет, выстрелив, пропорол левую щеку орка, цепной меч, со скрежетом вонзившись в толстенное правое бедро, прорубил мышцу до кости, и прыжок аспектного воина опять унес его от неповоротливого врага.

Орк, захрипев, грохнулся озеть, топор
выпал из его рүчищ, скованных
предсмертными судорогами. Жалящий
Скорпион нанес противнику последний
удар, вонзив ценной меч в левый висок орка
и загнав его глубоко в мозг.

Радость победы захлестнула
Корландриля. Изуродованное тело,
лежащее на камнях моста, — настоящее
произведение искусства, и по своей
значимости оно превосходило все, что он
когда-либо замышлял. Любым грезам так
далеко до этой жизненности,
душераздирающей реальности сражения.
Корландриль стоял над своим навшим
врагом, с восхищением рассматривая
узоры, созданные пятнами крови на бледной
мостовой. Бросив взгляд на свои доспехи,
заляпанные грязью и кровью, он
восторжествовал. Его путеводный камень
пульсировал в такт биению сердца.

— Корландриль! — крикнул Мин.

В своем упоении Корландриль едва
услышал свое имя. Повернувшись, он
поискал взглядом остальных членов
отряда.

Перед ним выросло нечто огромное, его чудовищная тень заслонила небо. Корландриль поднял меч в стойке Часовой Неба, но эта защита оказалась просто жалкой перед сокрушительным ударом ценного топора вожака орков. Гро�агные клыки топора пробили оружие Жалящего Скорпиона, так что его обломки брызнули во все стороны, и глубоко вонзились в живот аспектного воина.

Сила удара была такова, что он подбросил Корландриля в воздух и отшвырнул на боковую стену моста.

Ужас объял Корландриля, когда главный орк шагнул в его сторону. Жалящий Скорпион оцепенел от потрясения и, внезапно перестав чувствовать под собой ноги, рухнул наземь. Он не мог оторвать глаз от тяжело шагающего к нему орка и в то же время чувствовал, как жизнь вытекает из него через рваную рану в животе. Его доспехи прилагали все усилия, чтобы рана затянулась, но она была слишком велика.

Между Корландрилем и орком шагнул Кенайнат, подняв с вызовом правую

руку с потрескивающей силовой клешней. Вожак орков издал грозный рык, и Кенайнат, ответив на его бессловесный вызов атакой, врезал Клешней Скорпиона в подбородок орку, пропорол силовым полем плоть и сломал кость.

Корлангриля накрыла боль, она пульсировала в его позвоночнике и отзывалась мучительными спазмами в мозге. Он стиснул зубы, чтобы подавить рвущийся крик, в глазах стояли слезы.

Остальные члены отряда плели узор смертоносного танца вокруг своего эхзарха, нанося удар за ударом по вожаку орков, который безуспешно пытался отбиться от своих более быстрых противников. Кровь хлестала из десятков ран на его груди и руках.

Последним, что увидел Корлангриль, был глинный клинок Аранархи, который, вонзившись в руку орка, отсек ее выше локтя.

Корлангриль, заморгав, снова пришел в себя. Повернув голову влево, он узнал доспехи Бехарета. В голове у него звучали чьи-то голоса, но ему ничего не удалось

разобрать. Они --- суровые, решительные.
Боль --- такая сильная, от нее сотрясается
все тело.

Он больше не может выносить ее.
Страдания слишком сильны.

Корландриль снова потерял сознание.

Во время Войны в Небесах Кхаин Кроваворукий перебил огромное число эльдарских воинов. Мать Уша испугалась, что эльдары будут истреблены, и пришла к Азуриану всевидящему и просила его вмешаться. Азуриан тоже испугался, что ярость Кхаина уничтожит не только эльдаров, но и богов. Он согласился помочь Уше, но потребовал отдать локон ее бессмертных волос. Этот локон Азуриан вплеп в волосы Эльданеша, чтобы его и всех его потомков исцеляла любовь Уши.

Тихий перезвон колоколов разбудил Корландриля. Он обнаружил, что лежит на твердом, теплом на ощупь матраце. Лицо обвевал прохладный ветерок. Он не открывал глаза, наслаждаясь ощущением покоя. Ветер принес ему едва слышную нежную мелодию, которая ласкала душу.

Когда Корландриль пришел в сознание, его стало что-то беспокоить. Некий бесформенный образ настойчиво

пытался прорваться в его воспоминания. Он оттолкнул его, стараясь держать память под контролем.

Сквозь веки Корландриль чувствовал пульсирующий красный свет. Он дышал в такт приливам темно-красной энергии, текущей в его мозг. Поначалу она прилиwała медленно, но постепенно ускорялась, и так же учащались дыхание и пульс раненого воина. Он не представлял, сколько прошло времени, улавливая только уменьшающиеся промежутки между вдохами и биениями сердца.

Свет мигал все быстрее, меняя оттенки от резкого красного до мягкого желтого. Корландриль учащенно дышал, грудь болела от напряжения, хотя все остальное тело оставалось неподвижным. Раздвигая ноздри, он старался наполнить легкие, но мигающие огни заставляли его резко выдохнуть, не успев как следует втянуть в себя воздух.

--- Пробудись, --- произнес тихий голос. ---
--- Вспомни.

Эти слова просочились в его разум, и он оказался бессилен сопротивляться

приказу.

Барьер в его воспоминаниях разлетелся на куски, и огромная зеленая тварь с острыми как бритва когтями бросилась к нему. С ее клыков сочилась кровь. Ярко вспыхнула боль.

Корлангриль вскрикнул, насколько хватило дыхания, и снова провалился в темноту.

Он парил в воздухе, его невесомое тело было связано с вселенной тончайшей нитью сознания. Голос вернулся, но на этот раз не было никаких других звуков, никакого света, кроме тусклого и далекого бледно-зеленого.

--- Ты на попечении целителей Уши, --- произнес голос. Корлангриль не понимал, мужской он или женский, настолько тихим он был. --- Ничто не причинит тебе здесь вреда. Ты в безопасности. Ты должен излечиться. Ты должен высвободить силу из Локона Уши.

--- Больно, --- сказал оцепеневший Корлангриль, с трудом узнавая собственный голос.

--- Боль пройдет, но ты не сможешь
исцелить рану, пока не станешь
противостоять ей.

--- Боли слишком много, --- прошептал
Корландриль.

--- Это болит не твое тело, но твоя
душа. Локон Уши освободит тебя от боли.
Я --- Соарет, и я помогу тебе.

--- Я не хочу утирать, --- угрюмо
сказал Корландриль.

--- Тогда ты должен исцелиться, ---
ответил Соарет. Целитель --- мужчина,
решил Корландриль, и он молод. Соарет
говорил языком юности. А он не желал,
чтобы его лечил новичок.

--- Что ты знаешь о смерти? ---
спросил Корландриль, начиная злиться.

--- Ничего, --- ответил Соарет. --- Я ---
защитник жизни. Послушай меня
внимательно, Корландриль. Ты все еще
носишь свою боевую маску. Нельзя держать
одну руку на мече Кхаина, а другую --- на
гаре Уши. Ты должен снять маску.

--- Ты хотел бы оставить меня
беззащитным!

--- Единственный враг, с которым ты

должен сразиться, --- это ты сам. ---
Соарет говорил так тихо, что
Корландриль едва слышал его. Либо,
возможно, что-то другое делало голос
целителя таким далеким. --- Здесь не
никакого другого сражения, Корландриль.
Это тяжелая рана, но у тебя есть сила,
чтобы преодолеть ее. Я помогу тебе.

--- Ты немногим старше ребенка, я
требую, чтобы за мной ухаживал кто-
нибудь более опытный, --- решительно
заявил Корландриль. Он почувствовал, что
хмурится.

--- Я обучен, чтобы помочь тебе
исцелиться, Корландриль. Силы, которые
помогут тебе выжить, принадлежат тебе,
а не мне. Тело и душа --- единое целое. Ты
должен укрепить свой дух, чтобы
укрепилось твое тело. Я покажу тебе, как
это сделать, и поведу к Локону Уши.
Используя его силу, ты исцелишься.
Сначала ты должен успокоиться,
освободиться от хватки Кхаина.

--- Я не могу, --- проворчал Жалящий
Скорпион.

--- Что ты любишь, Корландриль?

Воин отверг этот вопрос. В сражении нет места любви.

Соарет повторил вопрос, но на сей раз неумовито изменив тембр голоса. Любовь. Это слово породило отклик в душе Корлангриля. Ведь он что-то любил, пока Кхаин не овладел им. Если бы он только мог вспомнить.

Пальцы Корлангриля слегка дрогнули. Это было едва заметно, но в кончиках пальцев возникло ощущение. Он почувствовал, как они чего-то касаются. Каких-то прекрасных прядей. Они ерошили волосы.

Он гладил голову Тирианны, пока они наблюдали за тем, как белокрылые снежные вьюрки порхали над утесами в Куполе Бесконечных Приливов и Отливов. Он делал это рассеянно, без всякой задней мысли. Ее рука лежала на его колене, они сидели, положив ногу на ногу, на глинистом берегу и смотрели на высокие бледные скалы. Хотя за его нежной лаской не было никаких побуждений, приятное ощущение пробудило в нем чувства. В нем поднялось желание, и он вновь взъерошил ее

волосы, наслаждаясь возникшей между ними близостью. Повернув голову, чтобы посмотреть на нее, он любовался ее прекрасным профилем, который вырисовывался в тусклом свете на фоне далекой стены купола. Ее взгляд был прикован к чему-то очень далекому, она смотрела вовсе не на птиц. Внезапно смутившись, Корлангриль убрал руку. Несмотря на испытанную неловкость, он не пытался отогнать от себя овладевшие им чувства.

Кровь брызнула в лицо Корлангрилю, захлестнув его волной густой красной жидкости. Он отфыркивался и плевался, отскребал ее с щек, стирал с губ и глаз. Но кровь все прибывала и прибывала, она лилась из его глаз, струилась из рта, просачивалась из каждой поры. Он выкашливал кровь и кусочки ткани, усеивая все вокруг липкими комками.

Корлангриль очнулся, ощущая тупую боль во всем теле и острую — в животе. Внезапно осознав, где находится, он закричал, и этот бессловесный вопль

страха отразился вокруг резким эхом. Однако он не мог открыть глаза. Он не понимал, почему. Быть может, он не мог заставить себя взглянуть на источник его боли, огромную рану в животе, которая высасывала из него жизнь.

— Спи, — произнес тихий голос в его ухе. Он подумал, что узнал его, но прежде, чем смог дать голосу имя, его поглотила мягкая дремота.

Ритмичный стук сопровождал медленную пульсацию синего света за закрытыми глазами Корландриля. Его кожа телко подрагивала, словно по ней быстро бегали лапки насекомого — от задней части шеи вниз по обеим рукам, и одновременно — вдоль позвоночника, разветвляясь на поясе, чтобы отправиться вниз по ногам.

— С благополучным возвращением, Корландриль.

Соарет. Корландриль извлек это имя из телных тайников своей памяти. Что-то подсказало ему не копаться глубже. Ему не понравилось бы то, что он мог там

удивить.

--- Со мной снова все в порядке? ---
спросил он, удивившись своей хрипотой.

--- Еще пока нет, --- ответил Соарет. ---
Но ты вернулся к нам из хватки Кхаина.
Можешь открыть глаза.

Корлангриль осторожно, опасаясь
яркого света, поднял одно тяжелое веко.
Комната была освещена приглушенно, его
окружал сумеречный свет. Открыв второй
глаз, он огляделся. Бритоголовый Соарет
стоял в ногах кровати, с его костлявых
плеч свободно свисала белая мантия. В
руке он держал украшенную драгоценными
камнями пластину. Его пальцы
пробежались по цветным камням, и
комната вокруг Корлангриля сместилась,
то есть изменились цвета, возникли более
глубокие тени, усилился свет. Комната
казалась теперь меньше.

--- Не бойся, --- сказал Соарет.

Корлангриль попытался сесть, чтобы
взглянуть на руины, в которые
превратился его живот. Он не мог
пошевелиться, и сказал об этом.

--- Я вызвал временный паралич для

твоей безопасности, -- объяснил Соарет. --
Рана потихоньку затягивается, но ты
должен помочь своему телу завершить
процесс исцеления. Ты должен
использовать Локон Уши.

Раненый воин попытался кивнуть.

-- Что я должен делать? -- спросил он.

-- Сосредоточься на потолке и
расслабься, -- сказал Соарет.

Корлангриль посмотрел вверх и
увидел нечто желчужно-белое. Ощущая
боль в животе, он попытался
отстраниться от нее, чтобы
сосредоточиться.

-- Не прячься от боли, -- предупредил
Соарет. -- Ей нужно противостоять, а не
прогонять от себя.

Цвет потолка изменился, сначала --
почти незаметно, пастельные цвета, едва
отличимые от белого, медленно сливались
вместе и кружились, как в водовороте, так
что между ними не возникало ни одной
четкой линии, и возникало ощущение, что
из всех этих цветов появился какой-то
странный сверхцвет.

--- Повторяй нарастаив со мной, ---
сказал Соарет. Он начал издавать ничего
не значащие звуки, негромко, медленно и
целенаправленно. Корландриль последовал
его примеру, копируя высоту и
длительность звуков. Его горло гудело, по
всему телу катилась череда волн
спокойствия и тревожности.

Звучание напева менялось, но
Корландриль ухватил его ритм и точно
пограл Соарету. Пятнистый потолок
над воином пульсировал, медленные
вспышки скрывались в водовороте
цветоэнергии.

Корландриль вздрогнул и застонал от
нахлынувших эмоций. Он ощущал острую
боль в животе, которая мешала ему
думать, удерживая мысли, словно якорь.
Ему хотелось избавиться от груза и
взлететь, но невидимая цепь не давала
этого сделать.

Он поддался гипнотическому влиянию
света и звука, и его веки опустились.
Корландриль слутно осознавал, что
Соарет ходит вокруг него, все еще напевая,
и водит угловатым кристаллом вдоль

основных частей его тела. Психическая энергия циркулировала между Корлангрилем и целителем, давая короткие вспышки над болевыми участками.

В комнате стало темно, как в бездне меж звезд, и эта тьма поглотила Корлангриля. Он не видел ничего, кроме темно-фиолетовых глубин. Подняв руку, он не смог разглядеть даже своих пальцев. Он показался себе очень легким, словно лишился тела, и попытался всплыть вверх, но что-то помешало этому, удержав на месте.

Слева от него засверкала звезда, и он повернулся к ней. Крошечные огоньки загорались один за другим, и, в конце концов, вокруг него неспешно кружилось созвездие из миллионов огней. Некоторые из них были красноватыми, другие — яркосиними или резко-желтыми. Его привлекла золотая звезда прямо над ним. Протянув руку, он обнаружил, что видит в звездном свете ее неясные очертания. Звезды близко, к ним можно прикоснуться. Пальцы обхватили теплое золото, его

сияние пробивалось меж пальцев, пылало
сквозь его плоть.

Звезда коснулась его ладони, и
Корлангриль оказался в своих
апартаментах, он смотрел на мать.
Длинные серебристо-черные волосы
наполовину скрывали ее лицо, но она
улыбалась. Корлангриль играл со своей
анима-куклой. Держа в ручонках, он
усилием мысли заставлял ее размахивать
валями конечностями. Рыхлая фигурка
судорожно приплясывала, копируя
неуклюжие движения ребенка. Ее безносое
лицо сторщилось в улыбку.

--- Здесь ты не найдешь своей боли, ---
произнесла мать Корлангриля голосом
Соарета.

Открыв ладонь, Корлангриль
позволил золотой звезде уплыть. Он
поискам дугую, сторонясь злобещих
красноватых лучей позади себя, его пальцы
нацелились на бледно-голубую искру. Она
подпрыгивала и юлила, пытаясь
ускользнуть, и Корлангриль потешался ее
выходкам, все еще продолжая дугать по-
детски.

В конце концов его рука схватила
неуловимый свет.

В Зале Внутренних Гармоний сияли
яркие, красочные огни, и на полу,
походившем на трапезный, весело плясали
разноцветные пятна. Корландриль
танцевал вдоль смеющихся и поющих
эльдаров, которые выстроились в ряд.
Арадриан двигался ему навстречу с
противоположного конца зала. Узрала
быстрая, живая музыка, Корландриль
порхал, едва касаясь ногами пола.

— Не радость ищешь ты,
Корландриль, но свою боль, — предупредил
его Соарет устами юного миловидного
весельчака.

Корландриль нехотя покинул
празднество, выпустив из руки звезду
воспоминание. Он покрутился в разные
стороны, но с каждым движением
показывался все ближе к ослепительному
красному огню, который, как он знал,
содержал воспоминание о боли.

Он не хотел прикасаться к нему. Он
чувствовал его жар, его отраву.

— Ты должен, — сказал ему Соарет.

Рука Корландриля задрожала, когда он протянул ее, изогнувшись в страхе всем телом в противоположную сторону от кровавого мерцания. Его рука сжалась в кулак, отказываясь выполнять его команды.

--- Я не могу, --- прошептал он.

--- Ты утрешь. --- По озабоченному голосу Соарета было ясно, что время на исходе. Свет красной звезды угасал, еле теплясь вдали. Созвездие вокруг Корландриля потеркло, темнота и тени, родившаяся его, густели. Он разрывался между двумя страхами, рука отказывалась схватить воспоминание о его ранении, тогда как разум пытался уклониться от всепоглощающей темноты.

Звезды, почти погаснув, стали медленно вибрировать, и в разум Корландриля проникла музыка. Соарет пел нежно, родившая каждая нота, и они наполняли душу Корландриля спокойствием. Звезды стали ярче, и надежда раненого воина крепла, разогревая их еще больше.

Красная звезда уже почти невидима.

легкое пятнышко во тьме. Еще несколько мгновений, и она исчезнет.

Корландриль ринулся вперед, крепко зажмурил глаза и схватил утирающую звезду. Он ощутил сильный удар, на него навалилось что-то неизмеримо тяжелое. Открыв глаза, раненый воин обнаружил, что скован серебряными цепями, и пока он извивался и пытался избавиться от них, над ним нависла огромная тень. Она четко вырисовывалась на фоне неба, из которого сочилась кровь. Вместо глаз у нее рдели углубления, вместо рук были клыкастые челюсти. Небо рычало на Корландриля, пока он пытался освободиться, безгласный и беспомощный. Рухнув без сил, он откатился на бок и закрыл глаза, ожидая смертельного удара.

--- Смотри в лицо своему страху! ---
Рывкнул Соарет и подтолкнул Корландриля к действию.

С тучительным воем тот рванулся, и серебряные цепи разорвались, их куски взмыли в небо.

Когда Корландриль вскочил на ноги, ему бросилось в глаза какое-то свечение за

спиной у тени-орка, эта золотистая аура
разгоняла кровавую пелену, застилающую
его разум.

Корландриль уклонился вправо,
надеясь перехитрить тень-орка, но куда бы
он ни двигался, золотое свечение всегда
оказывалось позади его врага.

— У меня нет оружия! — жалобно
воскликнул Корландриль. — Моя боевая
маска исчезла!

Его слова ступно отдались эхом.
Затем наступила тишина.

— Соарет! Где ты?

Никакого ответа.

— Ты нужен мне, Соарет!

В отчаянии Корландриль искал по
сторонам какое-нибудь оружие, но ничего
не смог найти, вокруг — безликая равнина
серой пыли, насколько хватало глаз.
Никакого спасения. Корландриль оказался в
западне со своим предполагаемым убийцей.

Тень-орк не навдигался на него, он
просто стоял, испуская свечение, между
Корландрилем и его наградой. Его зубы
пальцы время от времени издавали
металлический скрежет, который

раздражал Корландриля.

Воин внезапно оступился и упал в пыль. Оказалось, что это вовсе не пыль, а пепел, и он выплюнул его изо рта. Он чувствовал, как убывают его силы.

Он утирал.

Его веки и конечности потяжелели. Это будет легко — плавно соскользнуть в пепел, опустить голову и ждать смерти. Боль уйдет, а с ней — его страхи и мучения. Наступит покой.

Затем он услышал это — оглушительный удар, который донесся издалека. Он ждал целую вечность, прежде чем услышал его вновь. Это был двойной глухой стук, похожий на биение сердца. Но он слышал не свое сердце. Это было что-то другое, что-то гораздо большее, чем он, что-то громадное, как галактика. И все же часть этого — внутри него. Неосознанно его рука легла на обнаженную грудь, и там он ощутил гладкий овальный предмет. Его путеводный камень. Опустив взгляд, Корландриль увидел, как тот прорывается сквозь его кожу, рубиновым алый, блестящий от его крови. Смерть.

— Еще нет! — пронзительно крикнул Корландриль, вскакивая на ноги.

Он бросился к тени-орку с поднятыми кулаками. Удар за ударом сыпались градом на его бестелесную фигуру, воин рвал его пальцами, молотил кулаками. Его силы быстро истощались, ему казалось, будто последние остатки жизни вынархивают из его тела, словно мотыльки.

Последним усилием Корландриль всадил кулак в грудь тени-орка, сквозь сердце. Тот превратился в бесформенное облако, которое унес прочь завывающий ветер.

И тогда воин увидел золотое кольцо, которое скрывалось за тварью. Оказалось, что это локон сияющих волос, обвитый вокруг двойного переплетенного стебля красной розы, усеянного острыми шипами. Корландриля не заботила возможная боль. Бросившись вперед, он крепко сжал пальцами стебли розы и ее золотой локон.

Шипы пронзили плоть, но он не обращал на них внимания, ощущая, как пышет жаром золотая прядь.

Свет взорвался. Корландриль распался

на миллион частиц, которые унес ветер, он расщепился на целую галактику кружащихся световых точек.

Каждая точка стала Корлангрилем. Он видел себя изнутри, тчась вдоль нервов и синапсов, каждого волокна и клетки, каждого кровеносного сосуда и сухожилия, каждого кровяного тельца и протеина. Золотой свет, который был Корлангрилем, носился по всем уголкам своего тела, вычищая и уничтожая черный налет инфекции, занесенный в него грязным оружием вожака орков. Очистительное пламя его возрождения спалило опухоль, которая разрасталась в его внутренностях, и прижгло расползающиеся кровеносные сосуды в брюшной полости.

Растратив все силы, полностью лишившись энергии, Корлангриль больше не мог следить за тем, что происходит в его организме, и потерял сознание, а Локон Циш продолжил свое дело.

Соарет дожидался, когда Корлангриль очнется. Целитель сидел в

ногах постели, держа в руке пластину, украшенную самоцветами, и внимательно наблюдая за воином.

--- Ты хорошо справился, --- сказал целитель, тепло улыбаясь.

Корлангриль застонал. В животе все еще ощущалась боль, но она была не такой острой и мучительной, какой осталась в его памяти.

--- Я буду жить? --- спросил он нерешительно. Соарет кивнул и расплылся в улыбке.

--- Сколько еще я должен оставаться здесь?

--- Твоя физическая рана быстро исцеляется, --- ответил Соарет. Встав, он подошел к Корлангрилю и положил ладонь на его руку. --- Твои душевные раны займут больше времени.

Озадаченный воин задумался.

--- Я чувствую себя хорошо.

--- Это потому, что твои страхи и напасти заключены в том, что является твоей боевой маской, --- объяснил Соарет с сочувствием на лице. --- Ты должен уничтожить их, иначе они останутся

навсегда едкой болезнью, которая будет все
больше заражать твою душу.

— Я... я должен снова надеть боевую
маску, чтобы это сделать?

Соарет покачал головой и еще крепче
сжал руку Корлангриля, поглаживая его.

— Я могу помочь тебе исследовать
те части разума, которые заключены в
твоей боевой маске. Это не лишено риска,
но я тебе помогу.

Стены спокойного сливочного цвета
замерцали короткими прожилками
красного. Соарет повернулся к двери
комнатушки, и взгляд воина последовал за
ним.

В дверном проеме стоял Аранарха в
облегающем темно-зеленом с оранжевым
комбинезоне.

— Уйгу! — резко произнес Соарет,
вставая на ноги. Холодный взгляд экзарха,
не задерживаясь на целителе, упал на
Корлангриля. Комната содрогнулась при
появлении экзарха, но потолок покатила
мерцающая рябь стяжения.

— Как поживает наш воин? Надеюсь,
что хорошо, ему многое предстоит

сделать, — заявил Аранарха.

— Таких, как ты, здесь не жалуют, — сказал Соарет, становясь между Корландрилем и экзархом. — Я повторяю, ты должен уйти.

Аранарха покачал головой, его косы шлепали по плечам.

— Мы сейчас займемся болью по-своему, как погодноет воинам.

— Нет, — сказал Корландриль. Его передернуло от сердитого взгляда Аранархи, но он остался непреклонным. — Я останусь здесь до тех пор, пока не буду готов. Затем я вернусь в Смертельную Тень.

— Это не место для подобных слов и идей, — прошипел Соарет, грожащей рукой накрыв свой темно-синий камень души. — Не говорите о войне в месте исцеления.

— Кенайнат уже погвел тебя, его нутрь был неверным, он оставил тебя уязвимым. Возвращайся со мной в мой храм, я обучу тебя хорошо, сделаю тебя сильнее, чем раньше. — Экзарх осторожно шагнул мимо Соарета, стараясь не задеть его, и протянул открытую ладонь

Корландрилю, словно предлагая помочь ему подняться на ноги.

--- Нет, --- сказал Корландриль, прижав кулаки к бокам. --- Соарет поможет мне исцелиться. Я доверяю ему.

--- Он уничтожит твой гнев, ослабит тебя страхом и сорвет твою боевую маску. Воин сражается со своими врагами, а не ведет с ними переговоры. Я покажу тебе истинный путь, путь воина, чтобы противостоять этим внутренним страхам, --- сурово проговорил Аранарха и наклонился к раненому воину, все еще предлагая ему свою руку.

Тот закрыл глаза и остался безмолвным. Экзарх с досадой рывнулся, и Корландриль дождался, пока не затихли его тяжелые шаги, чтобы открыть их вновь. Стены и потолок вернулись к обычному безмятежному состоянию.

--- Я не смогу вернуться, никогда, --- сказал он.

На лице Соарета отразилось сомнение.

--- Думаешь, мне следует вернуться в храм? --- спросил ошеломленный воин.

--- Ты сделал лишь первые шаги по избранному тобою Пути, --- заметил целитель. --- Неблагоразумно покидать Путь так рано, когда проблемы не разрешены, мечты и желания не осуществились. Твое путешествие еще не завершено. Я помогу тебе исцелиться, чтобы ты мог его продолжить.

--- Ты исцеляешь меня, чтобы снова отправиться в бой?

Соарет вздохнул.

--- Таково бремя моего Пути, слишком часто я чиню то, что довольно скоро будет сломано вновь.

Корландриль долго размышлял над этим, прежде чем заговорил.

--- Должно быть, это наводит тоску. Не стоит работать так часто.

Целитель улыбнулся и пожал плечами.

--- Уйти по Пути Целителя означает посвящать всего себя надеждам и поворачиваться спиной к страху будущего. Надежда --- вечный источник, из которого я пью, и он всегда прекрасен на вкус.

Он встал и вышел из комнаты, и свет

потускнел. В темноте Корландриль
увидел какие-то смутные фигуры, которые
таячили на грани восприятия. Вздрогнув,
он понял, что еще не скоро будет в
состоянии вернуться в храм.

Ястреб и Сокол, посланцы богов, были близкими друзьями. Они всегда носились вместе в небесах и кружились среди облаков. Хотя оба были преисполнены уважения друг к другу, они также любили состязаться и бросать друг другу вызовы в мастерстве и смелости. Они носились к луке и обратно, чтобы увидеть, кто из них быстрее. Они подстрекали один другого покружиться в царстве Кроваворукого Кхаина, подлетая все ближе и ближе к богу войны. Однажды в сумерки Сокол и Ястреб, легко порхая в горных ветрах, взглядели на какую-то добычу. Сокол заявил, что он первым поймает ее, но Ястреб утверждал, что он — более проворный охотник. Оба встретились внизу на свою жертву. Сначала Ястреб был быстрее, но Сокол еще сильнее замахал крыльями и вырвался вперед. Не желая отдавать победу, Ястреб, метнувшись, оказался перед Соколом. Раздосадованный маневром друга, Сокол нанес удар крылом по хвосту Ястреба и

сбил соперника с курса. Ястреб быстро
вернулся и врезался в Сокола, чтобы
замедлить его полет. Их крылья
переплелись, и оба упали вниз. Их добыча,
весело стаясь, улетела, и оба остались в
тот вечер голодными.

Спокойствие храма отличалось от
покоя, царившего в палатах исцеления.
Смертельная Тень размышляла в своем
безмолвии, эта тишина отпугивала и
была, скорее, исполнена печали, нежели
предлагала утешение.

Корландриль шел тем же неясно
очерченных в полутраке деревьев, выбрав
тот же путь, которым пришел в храм
впервые, а не более прямые проходы,
которые шли под куполом к зданию храма.
Его не было здесь довольно давно, и он не
представлял, какой прием окажут ему
Кенайнат и остальные. Как и следовало
ожидать, никто не навестил его в
палатах исцеления. Подход Аранархи
совершенно противоречил традиции, и
Соарет еще несколько дней спустя не мог
успокоиться.

Поэтому Корлангриль, тихо
пробираясь извилистыми тропинками,
испытывал некоторые опасения, хотя и не
в той степени, что во время своего первого
появления в храме. К нему стало
возвращаться чувство этого места, он
ощущал, как присутствие храма снова
проникает в его душу, пробуждая уснувшие
чувства. Он расслабился вконец, когда
осознал, что опасался не того, как его
примут товарищи-воины, но, скорее, у него
оставались сомнения в том, что он
сможет восстановить боевую маску.
Клубящийся туман и странные стоны и
покашливания, которые исходили от
углубленных тоннелей, постепенно пробуждали
что-то в Корлангриле, будоража
воспоминания, которых он избегал,
пребывая в палатах исцеления.

Он подошел к черному отверстию
главного входа в храм и заколебался,
вглядываясь в необыкновенную темноту,
которая царила у входа. Это была
воплощенная Смертельная Тень, прах
смерти и войны, который наполнял храм.
Ступив в него, он опять вернется на Путь

Воина.

Он сделал еще один нерешительный шаг вперед, и тут его отвлек шум слева. Сквозь листву продирался Мин, который вышел из зиккурата через какую-то боковую дверь. Увидев Корлангриля, пораженный Мин застыл на месте, но, быстро придя в себя, широко улыбнулся и протянул в приветствии руку.

— Как вы тутживаете? — спросил Корлангриль, пожав ему руку. Мин несколько помедлил с ответом.

— Приятно видеть, что ты оправился от ранения, — сказал он.

— Не терпится возобновить тренировки, — признался Корлангриль. Взглядевшись в лицо Мина, он заметил по складкам на лбу и сжатым челюстям, что тот испытывает сомнения и чем-то обеспокоен. — Ты не ответил на мой вопрос.

Мин отвел глаза на мгновение, но затем на его лице отразилась покорность неизбежному.

— Я не буду тренироваться рядом с тобой, Корлангриль, — признался Мин. Он

смотрел куда-то сквозь листву мангрового
дерева, в противоположную сторону от
храма. С отсутствующим взглядом он
продолжал: -- Я покончил с Путем Воина.

У Корлангриля перехватило дыхание.
-- Как же так? Ни один воин, не
считая Кенайната, не предан
Смертельной Тени так, как ты.

-- В этом-то и проблема, -- тягостно
сказал Мин. -- Моя боевая маска
постепенно исчезает. Нет, это неверно.
Мое настоящее лицо постепенно исчезает,
и его заменяет моя боевая маска. Я
обнаруживаю, что полню то, что не
следует полнить. Я наслаждаюсь
воспоминаниями о сражении, тем
приливом возбуждения, который ощущаю в
бою. Это нехорошо.

Корлангриль кивнул, не зная, что
сказать. Боевая маска аспектного воина
служила двойной цели. Во-первых, дать
возможность воину использовать энергию
гнева, ненависти и других негативных
эмоций, выплескивая их в сражении. Во-
вторых, что еще более важно с
определенной стороны, играть роль

разделяющего барьера между войной и миром. Снятая боевую маску, воин ничего не помнил об ужасных актах насилия, которые совершал, пребывая в своем аспекте. Он мог убивать и калечить, не испытывая чувства вины, которое сокрушило бы душу эльгара, если бы он на всем этим задумался. То, что Мина преследовали чувства из его боевой маски, было весьма прискорбно.

— Ты сделал верный выбор, Мин, — заявил Корландриль, сделав шаг вперед, он похлопал товарища по руке. — Мне будет не хватать тебя на тренировках, но я уверен, что ты будешь видеться вне храма. Что ты собираешься делать дальше?

Глаза Мина вспыхнули, он схватил Корландриля за руки и строго посмотрел ему в глаза.

— Вряд ли ты увидится снова, Корландриль. Я был слишком близок к искушению, и видеться с тобой и другими, пока вы остаетесь аспектными воинами, было бы неблагоразумно. Я оказался очень близко к ловушке, к тому, чтобы стать таким, как Кенайнат и Аранарха. Мне

необходимо расстаться на время с самим собой, и я думаю отправиться по Пути Трез. Обещай мне, Корландриль, что ты всегда будешь презирать свою боевую маску. Не позволяй ей стать предметом твоих вожделений, как это чуть не вышло у меня. Осознай, что она имеет над тобой власть, и остерегайся ее обещаний.

Корландриль расстелся и мягко высвободился из крепкой хватки Мина.

— Я сражался всего лишь в одном бою, и думаю, что мне нужно сделать еще много шагов по этому Пути, прежде чем его соблазны будут искушать меня остаться.

— Ничего не делай опротестливо! Никогда не забывай о том пространстве покоя, которое возвращает тебя из состояния гнева. Страх скрывается внутри твоей боевой маски, какое бы лечение ты ни прошел. Не позволяй ему чрезмерно питать твою ненависть или перевозбуждать твой гнев.

Корландриль отмахнулся от опасений Мина.

— Желаю тебе доброго здоровья и

благополучного путешествия, Мин, ---
сказал Корландриль. --- Надеюсь снова
увидеться с тобой, когда для меня
закончится время воина. До той поры мы
идем в разных направлениях. Если хочешь
найти себе проводника для твоих грез,
рекомендую Эльронфиртира из Тейлхика.
Поговори с духовидцами, они найдут его
для тебя. --- Он повернулся к Мину спиной и
шагнул в храм, вздрогнув от прохлады его
тени.

Войдя внутрь, он сразу оказался в
привычной для себя обстановке.
Корландриль шагнул сквозь темноту без
колебаний, безошибочно находя верный
путь к залу с госпехами в полном мраке.
Там оказалось сумрачно, в красноватом
отсвете, который исходил от стен, он
увидел госпехи, расставленные вдоль
каждой из них.

Корландриль подошел к своим
госпехам. Драгоценные камни, которыми
были инкрустированы их пластины,
отражали рассветный сумрак зала, при его
приближении они стали ярче. Он положил

правую руку на нагрудник, на пустое овальное углубление, предназначенное для его путеводного камня, а его левая рука бессознательно легла на камень души на груди. Быть может, он вообразил эту связь, а может, и была какая-то неосознаваемая нить, которая связывала его с доспехами.

--- Вот ты и вернулся, Циа. Возвратила нам тебя в целости и добром здравии.

Повернув голову, Корлангриль увидел Кенайната, который сидел на корточках на возвышении в конце залы, его локти покоились на согнутых коленях, а подбородок -- на ладонях, сложенных чашей. Красноватый сумрак, царивший в зале, стал ярче, от более резкого света тени стали контрастнее. Корлангриль, протолчав, вновь обратил взгляд на свои доспехи и стал водить кончиками пальцев по краям пластин, задержался на пальцах перчаток, нежно погладил мандибластеры по бокам шлема.

--- Доспехи манят, ищут прежнего хозяина, желая стать одним целым.

Чувствуешь ли ты их волю, которая
вторгается в твою душу, питается твоим
разумом?

--- Кто сделал их? --- спросил
Корландриль, смущенный намеком
Кенайната, отступая в сторону.

--- Я и не я. Они были сделаны после
Трехопакения, Первым Кенайнатом.

Интонация и выбор слов экзарха
сбили с толку Корландриля. Выходило,
что он представляет себя --- Кенайната ---
и живущим, и мертвым.

--- Первым Кенайнатом?

--- Я --- не первый, хотя их было
немного, кто носил эти доспехи. Я ---
Кенайнат, и я --- не Кенайнат, ни один, и
ни совокупность.

--- Я не понимаю.

--- Это --- к лучшему, надеюсь, что это
так и будет, и ты останешься собой.

У Корландриля возник добрый десяток
вопросов, но он придержал язык и, пройдя
вперед, преклонил колени перед экзархом в
центре залы.

--- Я снова хочу тренироваться.

Кенайнат долго рассматривал

Корландриля, в его глазах появился какой-то странный золотистый отсвет. Он заглянул воину в глаза, пытаясь понять его мысли, и, возможно, узрел то, что не удавалось увидеть даже самому Корландрилю.

— Начнешь завтра, этой ночью ты должен отдохнуть, тренировка будет суровой, — сказал, вставая, Кенайнат. Он направился к скрытой двери в конце храма, затем остановился и обернулся к Корландрилю. Оценивающе поджав губы, экзарх вопросительно поднял бровь, затем удовлетворенно кивнул. — С возвращением в Смертельную Тень, Корландриль-воин.

Кенайнат растаял в сумраке, оставив Корландриля наедине с его догадками и предположениями. При всех волнениях и предчувствиях, которые будоражили разум, его тело устало. Отправиться спать показалось прекрасной мыслью.

У Корландриля болело все. Все было напряжено до предела, все мышцы и сухожилия дрожали и подергивались. Он осознал, как хорошо подготовлено было его

тело перед сражением с орками, и к каким тяжким последствиям привело его бездействие в Храме Целителей. Хотя его рана зажила, пройдет немало времени, пока он восстановит то физическое совершенство, которого достиг в храме.

Странно было тренироваться без Мина — вроде как смотреть на улыбку знакомого, у которого не хватает зубов. Это просто изводило Корландриля — как несовершенство его мира, как уход от того, что он узнал, став воином. В попытке отвлечься Корландриль обратился к мысли на свое внутреннее состояние во время тренировок. То, что он едва не погиб, показало, что он отнюдь не достиг совершенства в боевых искусствах, как ему казалось. Он отчаянно пытался выяснить, чего же ему не хватало в боевой технике, анализируя свои действия во время нанесения рубящих и колющих ударов и стены боевых стоек.

По мере возвращения силы и гибкости Корландриль восстанавливал также точность и стиль. Он был уверен в том, что его хорошо рассчитанные удары в

точности повторяют те, что показывал Кенайнат. Нет, его погвела не техника, это было что-то другое.

Трудно было чему-то научиться из полученного опыта, которого он не мог припомнить. Объективно он представлял себе, что с ним случилось: бой с орком, а потом — сокрушительный удар вожака, но он понятия не имел, что при этом чувствовал, о чем думал. Эти воспоминания были связаны с его воинственной ипостасью, скрыты за его боевой маской. Когда Корландриль находился вне храма — обедал с другими воинами или ваял скульптуры в своем доме, в его голове всплывали вопросы, которыми он не позволял отвлекать себя во время тренировок и поединков.

Что за оплошность он допустил? Это была его ошибка или его ранили просто из-за невезения? Колебался он или был напуган? Был он остротрителен или, наоборот, слишком уверен в себе?

Корландриль не мог найти ответов, и это не давало ему покоя. Все, что он мог сделать, — это сосредоточиться на боевой

технике и принятии решений во время поединков. Последнее было трудным. Он сражался, не делая никаких сознательных усилий, целиком полагаясь на реакцию и инстинкт.

Быть может, в этом-то и была проблема, пришло ему в голову. Может, инстинкты делали его предсказуемым? Может, нужно время от времени сознательно вмешиваться и менять стиль, идти против инстинкта? Может, его сгубил тогда сам ритуал?

Прошло шестьдесят три дня со времени возвращения Корландриля в храм, и за это время его тело восстановилось, достигнув максимальной скорости и силы. Его действия были совершенно естественны и привычны, оружие безупречно повиновалось его воле. Ему снова предстояло встретиться в тренировочном поединке с Бехаретом. Корландриль решил попытаться действовать более осознанно.

Они встретились лицом к лицу в зале под храмом, Кенайнат укрылся в

тени, Элиссанагрин и Архүлеш объявляли
победные удары. Корлангриль начал, как
обычно, не задумываясь, отвечать на
атаки Бехарета и контратаковать его.
Поединок шел ровно, при, возможно,
незначительном преимуществе Бехарета.

Пригибаясь и отклоняясь, нанося
режущие и колющие удары, Корлангриль
постарался глубже прочувствовать свое
тело. Он увидел его мысленно как световой
шар, а свои воинские инстинкты — как
крошечное солнце, пульсирующее энергией.
Его тело двигалось вокруг и внутри него.
Свое сознательное мышление Корлангриль
увидел как дугую сферу с неподвижной и
спокойной поверхностью. Сражаясь,
Корлангриль старался свести две сферы
вместе, чтобы его сознательное и
бессознательное могли частично
наложиться друг на друга.

И тут он пропустил удар Бехарета в
живот, который бы вскрыл его старую
рану. Корлангриль заколебался, в голове
мелькнуло воспоминание. Он снова вернулся
к ритуалу, приняв стойку Скрытый
Коготь, и оттолкнул от себя обрывки

воспоминаний.

Корлангриль начал сначала, создав в воображении сферу спокойного сознания, но вместо того, чтобы надвигать ее на огонь своей интуиции, он попытался объединить их, сделать их одним целым. Парировав удар и проведя контратаку, он распознал движение, которое выбрало его тело, и спокойная сфера чуть-чуть приблизилась. Он сделал мощный выдох — это была инстинктивная реакция на брешь в защите оппонента.

Медленно, постепенно Корлангриль соединял две части своего сознания. Этот мистический процесс был еще далек от завершения, когда Кенайнат велел ему прекратить поединок. Вернувшись в положение покоя, Корлангриль закрепил в уме последний образ: сфера сознательного мышления частично затмила сферу воинского инстинкта, надеясь воссоздать его во время следующего поединка.

Бехарет склонил голову в знак высокой оценки и благодарности, в его взгляде сквозило понимание. Корлангриль также выразил оппоненту свое уважение.

не отрывая от него взгляда.

--- Ты быстро идешь по Пути, делая шаги к тому, чтобы исполнить свою волю, --- сказал Кенайнат, сделав знак остальным, чтобы они ушли. --- Твоя душа отвечает на это, я чувствую, как она развивается, становясь цельной. Все мы сотканы из противоречий, многие наши стороны соперничают друг с другом, чтобы победить, но ни одна не может одержать победу. Ты должен стремиться к равновесию во всем, а не только в бою, чтобы снова стать цельным.

Кивнув, Корландриль остался безмолвным.

--- Старайся сосредотачиваться, смотри на себя изнутри и подчиняй себе желание. Путь --- это мудрость: управлять тем, что грозит нас, найти подлинную свободу.

--- А когда я справлюсь с этим, я освобожусь от своего гнева?

--- Мы никогда не свободны от него, это означает не иметь чувств, мы надеемся управлять ими. Наши души парят высоко, на свирепом ветре чувств,

который угрожает всегда. Научись
устирять этот ветер, планировать по
нему куда пожелаешь и не пропадать.

--- Никогда не думал, что мне будет
не хватать плохих каламбуров Мина, ---
признался Корлангриль.

Его взгляд упал на пустое место на
скатах напротив. Покинув их узкий круг,
бывший товарищ оставил в нем
ощутимую пустоту. Архулеш, который
сидел рядом с этим местом, также,
казалось, чувствовал себя неуютно. Он
ковырялся в остатках пищи на блюде и с
отсутствующим видом смотрел за балконом
Полумесца Зарождающихся Столетий.
Корлангриль бросил взгляд через плечо.
Внутри сине-зеленого пузыря, который
удерживало невидимое поле, множество
желтых облачных звезд прыгали вверх и
вниз, а их тонкие придатки-усики носились
в газовых потоках. Обычно это зрелище
погружало тех, кто наблюдал за ним, в
гипнотическое спокойствие, но
Корлангриль был взбуждобен.

--- Какая досада, что Мин был

вынужден покинуть нас, я чувствую, что
отряг неполноценен, — сказал он, чтобы
прервать неловкую тишину.

— Хорошо, что Мин отправился по
другому Пути, — заявила Элиссанагрин.
Она посмотрела на Корлангрила. — Так
наго. Мы двигаемся, мы растем, мы
меняется. От перемен тебе всегда было не
по себе, не так ли?

Корлангриль не ответил, хотя
понимал, что она говорит правду.

— Держаться за прошлое заставляет
нас ужас перед будущим, — провозгласил
Архүлеш. — Возможно, Корлангриль
опасается, что станет властолюбивым
полухом!

— А ты чего боишься? — спросил
Корлангриль, в его голосе внезапно
прозвучало раздражение. — Чтобы тебя
всерьез принимали?

Архүлеш явно обиделся, и
Корлангриль, ощутив укол вины, протянул
ему руку в знак извинения. Архүлеш
отмахнулся, на его лице вновь заиграла
улыбка.

— Резко, но, возможно, так и есть, —

сказал он. Его улыбка слегка померкла. ---
Если я сам не могу относиться к себе
серьезно, как же я могу ожидать этого от
других?

--- Ты --- воин, а это --- серьезнейшая
ответственность, --- сказала
Элиссанагрин. --- Конечно же, ты можешь
пользоваться уважением за это.

Архүлеш пожал плечами.

--- В боевой маске --- наверняка. Вот в
остальное время... Я бы над собой смеялся,
если бы это так не угнетало.

--- Несомненно, ты стал аспектным
воином, чтобы развить в себе
серьезность, --- заметил Корландриль.

Архүлеш расстегнулся, но это был
горький стех.

--- Я стал им на спор, --- заявил он и
понуро опустил взгляд, тогда как
остальные, нахмурившись, начали с
недоверием головой. --- Это правда. Я
пришел к Кенайнату на пари. Думал, он
меня отвергнет.

--- Экзарх не может отослать тех,
кто пришел к нему, --- сказала
Элиссанагрин.

--- Жаль, что я этого не знал. Он оставил меня там, как и вас обоих, пока не покопался в моей душе и не поместил в нее семя, которое стал растить.

--- Почему ты не ушел? --- спросил Корландрил. --- Я имею в виду, после твоего первого сражения?

--- Я мог ступить на Путь Воина по ошибке, но я не такой эгоист, чтобы его так легко покинуть. Может быть, это урок, который мне был нужен. Все еще нужен.

Корландриль посмотрел влево, через ряд пустых столов и скамей, где сидел Бехарет и смотрел на парк и озера под пурпуром с облачными звездами.

--- А ты ничего не знаешь о его истории? --- спросил Корландриль.

--- Ничего, --- ответил Архулеш. --- Я больше знаю о Кенайнаме, чем о Бехарете, а это --- совсем мало.

--- Думаю, он был одним из самых первых экзархов на Алайтоке, --- произнес Корландриль. --- Он сказал мне, что был не первым, но в Смертельной Тени их было немного.

--- Это совпадает с тем, что я слышала от тех, кто когда-то сражался с ним, --- добавила Элиссанагрин.

--- Ты мог пойти на спор в какой угодно храм, почему же из всей галактики ты выбрал храм Кенайната? --- спросил Корлангриль.

--- Не могу это обосновать, --- ответил Архулеш, слегка пожав плечами, и нахмурился. --- Он суровый начальник. Я говорил с воинами из других храмов, они тренируются вдвое меньше, чем мы.

--- Но мне, так лучше быть сверхтренированным, чем недотренированным, --- сказала Элиссанагрин. --- В бою, по крайней мере.

--- Да, в бою --- может быть, но мы носим наши боевые маски лишь такую малую долю жизни, что это кажется растратой времени.

--- Он --- серьезный, и мне это нравится, --- заявил Корлангриль. --- Возьми, к примеру, Аранарху. Он кажется слишком нетерпеливым. Не думаю, что я мог бы доверять ему.

--- Он был некогда Смертельной

Сенью, — тихо сообщил Архүлеш. — Я говорил с Аранархой несколько раз и думаю, что он слегка обижен на старого экзарха. Он не может уйти с Пути, посвященного кровавому служению Кхаину, но где-то в глубине души он злится на Кенайната за то, что тот позволил ему попасть в эту ловушку.

— Думаю, это в большей степени проявление его судьбы, нежели какой-то злой умысел со стороны Кенайната, — заметила Элиссанагрин. — Так или иначе, некоторые по прошествии значительного времени становятся страстными любителями сражений, и это так же обязательно, как провидец с течением времени обращается в кристалл. Если бы никто не становился экзархами, кто бы тренировал поколения будущего?

Корлангриль поразмыслил над услышанным, пытаясь представить вселенную без прикосновения Кхаина. Остальные продолжали разговор, но он не слышал их слов. Он рисовал Алайток, свободный от кровопролития, свободный от железной твари в сердце, от пульсирующей

кровавой яростью частицы Кхаина, живущей в каждом эльдаре и до времени спящей в центре мира-корабля.

Затем он представил Алайток захваченным -- возможно, орками или, быть может, людьми, либо какой-то другой молодой расой. Без Кхаина, без войны, эльдары были бы беззащитны. Мало что осталось -- лишь крупицы -- от их великой цивилизации. Не будь у них гнева и ненависти, их бы стерли с лица галактики.

-- Это мечта без надежды, -- сказал он наконец. -- Мир лишь иллюзия, отсутствие -- на мгновение -- вооруженного конфликта. Мы живем в век кровавой войны, в которой случаются паузы, пока Кхаин переводит дыхание. Думаю, я теперь немного лучше понимаю Кенайната. Правильно желать, чтобы вселенная была другой, но глупо полагать, что она когда-нибудь такой будет.

-- Видишь? -- осклабился Архүлеш. -- Ты теперь воин, и боишься будущего, в котором тебе больше не будет места.

-- Все меняется, -- сказала

Элиссанагрин. -- Тебе следует научиться у
твоего целителя: в душе всегда должно
быть место надежде.

-- Все меняется, и тем не менее
ничего не изменяется, -- провозгласил
Корландриль, которого захлестнуло
философское настроение. -- Мы знаем, что
все происходит циклично. Звезда
превращается в космическую пыль, чтобы
стать другой звездой. Война становится
тиром, чтобы стать другой войной. Жизнь
становится смертью...

-- ...которая становится жизнью? --
вставил Архулеш. -- Надеюсь, ты не
имеешь в виду мою душу, которая будет
блуждать по Бесконечному Круговороту,
когда это прекрасное, но хрупкое тело, в
конце концов, погибнет. Ведь это не
жизнь, не так ли?

У Корландриля не было ответа. Он не
вполне понимал, что же именно хотел
сказать, и, вновь обдумав свои слова, так и
не восстановил в памяти то мгновенное
озарение, которое, как ему казалось, его
посетило.

-- Мы -- воины, и наши смерти могут

принести жизнь другим воинам и тем, кого ты защищает на Алайтоке, --- высказалась Элиссанагрин.

--- Не думаю, что я пришел к такому выводу, --- заметил Корландриль. Потянувшись, он встал. --- На том, наверное, сейчас и остановится.

Пересекая Полумесяц Зарождающихся Столетий, Корландриль почувствовал на себе взгляд и, обернувшись, увидел, что Бехарет пристально смотрит в его направлении. Жалаящий Скорпион, не пытаясь скрыть своего интереса, поднял кубок в бессловесном тосте. Корландриль неуверенно помахал в ответ и поспешил к выходу, чувствуя себя несколько не в своей тарелке из-за внимания молчаливого воина.

Жизнь шла своим чередом. Корландриль тренировался и участвовал в поединках, а пребывая вне храма, старался посещать те места, куда любил часто наведываться прежде: летать на аэрокаре над бурными морями Купола Бесконечных Солнц, взбираться по горным тропинкам

Вечного Шпиля, плавать в свободном от
силы тяжести Роднике Завтрашних
Печалей.

Он также лепил, перейдя от своего
кутира Уши к портретам товарищей по
храму, которые им же и подарил, всем,
кроме Кенайната, сущность которого ему
никак не удавалось передать в психоглине.
Некоторое время он носился с мыслью
погружения в грезы, но так и не решился
выбрать партнера для этого, прекрасно
понимая, в какие темные места могут
завести его такие мето-путешествия. Он
даже встретился несколько раз с
Соаретом, хотя и не в палатах исцеления.
Они прогуливались по песчаным берегам,
опоясывающим круглое Море
Восстановления, и говорили обо всем,
кроме раны Корлангриля и целительстве
Соарета.

Корлангриль наслаждался всей этой
обыденностью, понимая, что рано или
поздно его вновь призовут надеть боевую
маску. Жалящий Скорпион не знал, что его
ждет, когда это случится. Он считал,
что вполне удовлетворен своим

состоянием, хотя иногда просыпался с остатками сна в памяти, и перед глазами его мелькала призрачная фигура с красными глазами.

Занимался рассвет нового дня, и, вернувшись в Смертельную Тень, он нашел своих товарищей в сильном возбуждении. Они собрались в центральном зале, где Кенайнат энергично расхаживал взад и вперед по своему помосту. Все было окутано багряным полумраком, который плыл по залу тревожащими волнами.

— Что происходит? — тихо спросил Корландриль, встав рядом со своими соплеменниками.

— Тяжкое бесчестье совершено по отношению ко мне и ко всем вам, и это требует принятия мер, — прорычал Кенайнат. — Это оскорбление, унижение нашего истинного кодекса, и сомнениям здесь не место.

Корландриль повернулся за объяснениями к Элиссанадрин.

— Архулеш покинул Смертельную Тень и присоединился к Выпадению Смертельного Дождя, — ответила она

иенотом, прищурившись. --- Обучение у
Аранархи он предпочел тренировкам
Кенайнама.

Корландриль перенес внимание на
экзарха, который прекратил расхаживать
по потосту, и, опустившись на него,
переводил взгляд с одного последователя на
другого. В конце концов, он остановился на
Корландриле.

--- Ты, чемпион этого великого храма,
будешь представлять его в поединке с
Архулешем. Следует покончить с этим
спором, поддержать Смертельную Тень,
храм первой истины.

--- У меня нет никакого спора с
Архулешем, --- ответил Корландриль. ---
Мне кажется, что у тебя --- разногласия с
Аранархой. Если речь о поединке, то он
должен быть между экзархами храмов.

--- Не мое мастерство подвергнуто
сомнению, речь --- о боевых навыках,
высмеивают мое обучение. Ученик
встанет лицом к лицу с учеником ---
техника этого храма против их техники,
чтобы показать истинный Путь.

--- Было бы неблагоприятно выбрать

меня, чтобы представлять Смертельную
Тень в поединке чести, --- заявил
Корландриль. Внешне он оставался
спокойным, но перспектива защищать
честь храма заставила трепетать его
сердце. Это бремя было не по нему. ---
Бехарет --- лучший воин среди нас, не
считая тебя. Ему следует быть твоим
чемпионом.

Кенайнат покачал головой.

--- Я выбираю тебя, своего последнего
ученика, я совершенно уверен. Именно в
Корландриля, самого молодого из нас, я
верю. Не может быть урока весомей и
демонстрации лучшей нашего
преимущества, чем твоя победа. ---
Кенайнат сделал решительный жест
рукой, показывая, что вопрос решен, и он не
допустит дальнейшего обсуждения.
Волнения экзарха как не бывало, он был
явно удовлетворен принятым решением. ---
Через шесть дней на нейтральной
территории ты встретишься с
Архулешем. Готовься хорошо, сражайся
стело и мастерски, состязайся с честью.

Экзарх вышел из зала, а пораженный

Корландриль словно онемел. Он вздрогнул, когда Бехарет положил руку на его плечо. Воин подмигнул ему и кивнул в знак одобрения. Элиссанагрин, судя по выражению ее лица, была не столько убеждена в верности решения. Склонив голову набок, она изучающе смотрела на Корландриля.

--- Если ты потерпишь неудачу, это уничтожит последние остатки репутации Кенайната, --- угрюмо заявила она. --- На твоих плечах --- не только честь Смертельной Тени, но и все будущее храма. Если ты победишь Архүлеша, он должен изменить точку зрения и вернуться. Если ты ему проиграешь, он останется в Выпадении Смертельного Дождя.

--- Понимаю, --- произнес Корландриль машинально. Он потер подбородок тонким пальцем. --- На самом деле не понимаю. Потеря Архүлеша --- не такое большое дело.

--- Посчитай-ка нас, --- предложила Элиссанагрин. Корландриль так и сделал: он сам, Бехарет и Элиссанагрин, а также

Кенайнат. Получилось четверо...

--- О, я понимаю, --- сказал он. --- Если Кенайнат не вернет Архүлеша или не заменит его быстро, нас слишком мало, чтобы действовать отрядом.

--- В силу традиции Кенайнат будет вынужден отослать нас, и храм будет распущен.

--- А что случится с Кенайнатом? Что делают экзархи без воинов?

Элиссанагрин пожала плечами и грустно покачала головой.

--- Я не знаю, но явно ничего хорошего. Для Кенайната это явно будет конец. Его репутация уже давно подмочена, возможно, этот удар его прикончит.

Корлангриль бросил взгляд в сторону дверей, которые вели в личные покои экзарха. Он испытывал неприязнь к Кенайнату с самой первой их встречи. Но он уважал его, в том числе --- и за то, чему тот научил Корлангриля. У него мелькнула еще одна мысль. Архүлеш не только покинул экзарха, он ушел от всех них и предал память тех, кто был смертельными Тенями в прошлом. Мысль

о том, что Смертельной Тени больше не
будет, взбесила Корландриля, а то, что
она может стать жертвой прихоти
Архулеша, — казалось просто абсурдом.
Змея гнева, которая долго грелась у него
внутри, хлестнула языком, пробуя на вкус
объявляющую его госагу. Медленно развернув
свои кольца, она грелась в лучах его
возвращенной благосклонности.

Корландриль не боролся с ней, но,
напротив, позволил ей свернуться в своем
сердце и вокруг конечностей. Ее объятия
приносили решимость и силу.

— Этого не случится, — заявил
Корландриль, глядя в глаза Элиссанагрин. —
Я об этом позабочусь.

Воины Смертельной Тени следовали
за своим экзархом по узкому туннелю,
продвигаясь размеренным шагом.
Кенайнат держал скипетр, верхушка
которого являла собой светящуюся руну
храма. Это был единственный источник
света, который окрашивал близко
расположенные стены красным.

Они покинули Храм Смертельной

Тени из-под арсенала, через двери, которых никто из них раньше не видел. Снаружи их встретил густой туман. Корландриль попытался уяснить, в каком направлении они идут, но пришел лишь к заключению, что они движутся к наружной части тира-корабля. Проход был выложен маленькими стекловидными плитками различных оттенков, таких темных, что они казались черными, с легчайшим уклоном в фиолетовый и синий, зеленый и красный. Эти цвета, на взгляд Корландриля, не создавали никакого узора, но то, что он улавливал боковым зрением, напугивало его о мангровых деревьях храма Смертельной Тени, их тенях и угрюмой расцветке.

Звук шагов воинов в доспехах, которые осторожно пробирались по прямому коридору, приглушал земляной слой под ногами. Воздух был прохладным по сравнению с влажной атмосферой под куполом храма, и дыхание воинов оставляло за ними след в виде пара.

— Не позволяй Архүлешу захватить инициативу, — прошептала сзади

Элиссанагрин, повторив совет, который она неоднократно давала Корлангрилю за последние пять дней. -- Стиль Выпадения Смертельного Дождя меньше полагается на коварство, присущее Смертельной Тени, и больше -- на агрессию.

-- Да, я понимаю, -- сказал Корлангриль, не сводя взгляда со спины Кенайната.

-- Но будь внимателен, Архүлеша все-таки тренировал Кенайнат, и он встречался с тобой много раз.

-- Не больше и не меньше, чем я встречался с ним, -- произнес Корлангриль с ухмылкой. Эта шутка несколько успокоила его, хотя он почувствовал недовольство Элиссанагрин и, оглянувшись через плечо, увидел, что она нахмурилась.

-- За то короткое время, что он пробыл с Аранархой, он не сильно изменится, но, возможно, как раз настолько, чтобы осложнить твое положение.

-- Это может оказаться моим преимуществом -- конфликт в его мыслях, в его технике, -- заметил Корлангриль.

который старался найти в предупреждениях Элиссанадрин что-то положительное. Отвернувшись от нее, он почувствовал на плече ее руку.

--- Ты будешь лучшим воином, --- твердо заявила она. В этой убежденности Корландриль почерпнул силу, не заметив в ее тоне никакого обмана.

Вдалеке затерцал свет, подстегивая Корландриля ускорить шаг, нервное возбуждение толкало его вперед. Он воспротивился этому импульсу, продолжая следовать за экзархом. Сосредоточившись на размеренных шагах, он подчинился их ритму и стал соразмерять с ними пульс и дыхание.

Туннель привел их в большой восьмиугольный зал, стены которого были выложены такими же плитками, как и проход. Круг в его центре был опоясан низкой крошкой, расписанной узкими рисунками. Еще в трех направлениях по прямым углам друг к другу вели двери. Одновременно с Кенайнатом через порог переступил Аранарха, который вошел слева, также неся над головой светящийся

символ своего храма.

Экзархи знаками указали своим последователям занять места вдоль стен сбоку от входа, а затем встали лицом к лицу внутри круга. Воины храма Выпадения Смертельного Дождя значительно превосходили числом воинов Смертельной Тени.

--- Вызов брошен, чтобы разрешить вопрос чести и выяснить истину, --- произнес нараспев Кенайнат. В его голосе не было гнева, а звучала торжественность, которая приличествовала случаю.

--- Вызов принят, чтобы решить вопрос чести и положить конец нашему спору, --- ответил Аранарха с равной серьезностью.

Они повернулись --- каждый к своему чемпиону. Оба поклонились и жестами направили представителей своих храмов на площадку для поединков, а затем отошли и встали рядом, в нескольких шагах от нее. Корландриль шагнул в круг, легко держа в руке цепной меч и пристально глядя на приближающегося Архүлеша. Лицо его оппонента было

серьезным, но Архүлеш не удержался от пробежавшей по губам ухмылки. Корландриль про себя приветствовал легкомысленный настрой Архүлеша, расценив это как признак излишней самоуверенности.

Оба склонили головы в приветствии, не сводя глаз друг с друга, свет от храмовых тотемов отбрасывал на пол длинные тени. Медленно выпрямившись, они неспешно встали в боевые стойки. Корландриль -- в стойку Выжидаящая Буря, Архүлеш -- в слегка измененную версию стойки Поднимающийся Коготь.

Где-то на периферии сознания Корландриля плавали две сферы -- инстинкта и разума. Интуиция воина подсказала ему, что вес Архүлеша в большей степени сбалансирован влево, тогда как око рассудка сообщило, что удар сверху вниз из этого положения создаст наибольшие проблемы.

Не говоря ни слова, Корландриль сделал шаг вперед и развернулся в стойку Падающая Ярость Луны, его цепной меч рванулся к груди Архүлеша. Оппонент

среагировал вовремя, отбив меч в сторону
в последний миг, но его равновесие
сместилось к ноге, находящейся сзади,
вправо.

Корландриль сделал ложный выпад к
передней ноге Архулеша, заставив его
погаться назад, а затем повернулся на
одной ноге, пригнувшись под клинком
противника, и направил свой меч к колену
задней ноги Архулеша.

— Удар! — провозгласили окружающие
их воины. Корландриль уловил нотку
триумфа в голосах, прозвучавших позади
него, из Смертельной Тени. Дух воина в
нем затрепетал от гордости, а голос
разума сказал, что этот удар был лишь
наградой за хорошо продуманную
стратегию.

Оба экзарха, кивнув в знак согласия,
коротко склонили головы в сторону
Корландриля. Участники поединка
выпрямились и вернулись в положение
покоя.

Озаренный вспышкой предвидения,
Корландриль догадался, что Архулеш
снова ожидает от него первого удара. Воин

Смертельной Тени слегка опустил левое плечо, и, когда Архүлеш взмахнул в ответ ценным мечом поперек груди, Корландриль рванулся вправо, быстро перебирая ногами по выложенному плитками полу. Вращаясь, Архүлеш едва успел заблокировать удар в нижнюю часть спины, и тут же сделал поспешный выпад к горлу Корландриля. Тот, помедлив с ответом, отклонился от линии удара в самое последнее мгновение, так что Архүлеш был уже уверен в успехе, а затем последовал легкий взмах — и клинок Корландриля оказался на расстоянии в толщину пальца от шеи Архүлеша.

— Удар! — В голосах воинов Смертельной Тени звенело возбуждение, голоса воинов Выпадения Темного Дождя прозвучали приглушенно. И вновь экзархи кивками присудили удар Корландрилю.

Третий удар оказался в пользу Архүлеша, который сразу бросился в стремительную атаку и ошеломил Корландриля ее неожиданной беспощадной свирепостью. В следующей атаке преимущество было на стороне

Корландриля, который, ожидая повторения, навязал Архүлешу веселый танец, обороняясь и парируя удары, но воздерживаясь от контратак, пока его противник, полностью утратив равновесие, оказался неспособен отразить удар.

Корландриль не имел никакого представления о том, как заканчивается поединок. Существует ли некий предел, счет, которого ему нужно достичь? Или просто один из экзархов уступит неизбежному?

Отвлеченный этим размышлением, Корландриль раскрылся и пропустил удар в левое бедро. Внутренне проклиная себя за то, что рассредоточился, он поднял цепной меч в приветствии, чтобы выиграть немного времени и собраться.

После этого поединок проходил с односторонним преимуществом Корландриля, как это было сначала. Удары Архүлеша были своевременны, некоторые из них — явно нечестны, но Корландриль уже понял настоящую цену своему оппоненту. Все больше отставая по числу

Ударов, Архүлеш становился все более агрессивным, стремясь к победе.

Корландриль старался проявлять снисходительность, но все более отчаянные атаки Архүлеша раздражали его. Огненное солнце его воинского инстинкта становилось все ярче, тогда как бледная луна разума сжималась. Довольно, осознал он. Архүлеш бился теперь чисто инстинктивно, сведя поединок к простым реакциям и животной хитрости.

--- Удар! --- снова прозвучало эхом по зале. Счет был восемь --- три в пользу Корландриля. Кенайнат поднял руку, чтобы остановить поединок.

--- Вопрос решен, Смертельная Тень одержала победу, честь --- за нами.

Взгляд Аранархи упал сначала на Корландриля, а затем на Архүлеша. Экзарх Вынагения Темного Дождя уже открыл рот, но Архүлеш не дал ему говорить, издав хриплый рык.

--- Нет! Я могу это сделать! --- Архүлеш принял боевую стойку, а на его лице появилось хитрое выражение. --- Если

орк может взять над ним верх, то и я тоже смогу...

Корландриль прищурился --- внутри у него что-то вздыбилось. Архүлеш ринулся в атаку, надеясь извлечь выгоду из неожиданности и намереваясь нанести противнику удар в живот. Оружие Корландриля отбило предсказуемый удар, и он рванулся вперед, осыпая градом ударов ценной меч Архүлеша. Красный цвет шлема окрасил зрение Корландриля, и в его ушах раздался странный жужжащий звук, а он непреклонно наступал, молотя своим клинком слева и справа, сверху и снизу.

Архүлеш отчаянно отбивал одну ожесточенную атаку за другой, а его глаза расширились от ужаса.

Чьи-то руки схватили Корландриля за плечи и вытащили из круга, тогда как другие вытянули в безопасное место Архүлеша. Ударившись спиной о плитки пола, Корландриль снова пришел в чувство. С растущим ужасом он вспомнил, что на нем не было шлема, красный туман появился в его голове. А жужжание издала ценной меч, приведенный в действие его

гневом.

Он едва не надел в поединке свою боевую маску.

ЛОВУШКА

С Кхаином на своей стороне, Эльданеш победил врагов эльдаров. Никто не мог устоять против мощи Кроваворукого и его последователя. Однажды вечером, пока вороны пировали на поверженных Эльданешем врагах, Кхаин поздравил Эльданеша с его победами и обещал ему много других. Бог войны даровал Эльданешу видение будущего, нанеся каплю своей огненной крови на его лоб. Эльданеш увидел, что произойдет под покровительством Кхаина. Бессчетные враги падут от клинка Эльданеша, и могущество эльдаров достигнет зенита. Все существа будут устрашены силой Эльданеша, и все эльдары будут выражать почтение Эльданешу за его правление. Когда видение исчезло, Кхаин сказал Эльданешу, что бог войны отбросит свою враждебность к Детям Уши, если Эльданеш просто присягнет на верность Кроваворукому. Эльданешу пришлось не по нраву кровавое будущее из грез Кхаина, и

он отказался принести клятву богу войны. Разъяренный Кхаин сразил Эльданеша, и началась Война в Небесах.

Хотя Корлангриль и утратил самообладание в конце поединка, победа была присуждена ему. Корлангриль первым приветствовал возвращение Архүлеша в зале с госпехати.

--- Твое место --- в Смертельной Тени, --- заявил Корлангриль. --- С тобой в наших рядах ты являет собой единое целое.

Архүлеш взглядывался в своего собеседника в поисках намека на упрек или злорадство, но не обнаружил ни того, ни другого.

--- Я сожалею, что напал на тебя, --- признался Архүлеш. --- Это была коварная выходка, недостойная Жалящего Скорпиона.

--- Это было неразумно, но я рад, что не заставил тебя заплатить слишком высокую цену за эту ошибку. Я приношу извинения за свою реакцию, это не подобает воину, который встречается с подобным себе.

Архүлеш предложил ему руку, вытянув пальцы, и Корлангриль прикоснулся к ним кончиками пальцев, скрепляя их согласие.

— По решению Кенайната я тренируюсь сейчас в одиночку, — сознался Корлангриль. — Также мне запрещено покидать храм в течение двадцати дней. Я думаю, он мне доверяет, но желает расставить акценты. Я не удивлюсь, если он запланировал что-нибудь для тебя.

— Я этого заслужил, — яростно произнес Архүлеш. — Убежать к Аранархе, чтобы досадить Кенайнату? Иногда я поистине сам себе худший враг. Такой глупец.

Корлангриль протолчал. Архүлеш разочарованно нахмурился.

— Предполагалось, что я буду спорить? — спросил Корлангриль, перестав улыбаться.

— Потом я стану философом и основателем нового Пути, — сказал Архүлеш. Он приложил к подбородку палец, изобразив пародию на позу задумчивости. — На этот Путь будет требоваться

делать прямо противоположное тому, что
считается правильным. Я назову его
Путем Угуота.

Расстелявшись, Корландриль похлопал
рукой по плечу Архулеша.

— Я стану твоим первым
последователем. Хотя я и занимался
время от времени угуотством, мне,
несомненно, следует изучить его во всех
деталях под руководством великого
мастера. Не считая варианта удрать и
присоединиться к Арлекинам, не могу
придумать ничего круче твоих последних
подвигов.

— Лучше нас Арлекинами не
подстегиваться, — заметил Архулеш,
становясь серьезным. — Цегорах, в конце
концов, все еще ходит по паутине. Нет
никакого смысла привлекать к себе
внимание.

В тоне Архулеша было нечто,
придававшее более глубокий смысл его
словам, хотя Корландриль не мог себе
представить, в чем там может быть
дело. За этим скрывалась какая-то
история, которую Архулеш не желал

рассказывать.

--- Тебе следует побудать остальных, прежде чем тебя отловит Кенайнат, --- проговорил Корландриль с притворным легкомыслием. --- И прежде, чем он увидит тебя со мной и продлит мое наказание еще на двадцать дней!

--- Доброго здоровья и процветания, Корландриль. Если нам обоим повезет, увидится через двадцать дней.

Корландриль глядел вслеп Архүлешу. Когда он обрел уверенность в том, что остался один, он принял стойкую. Поднимающийся Коготь, продолжая ритуал с того места, на котором его прервали. Боковым зрением он заметил двойной красный проблеск из темноты твердого проема, ведущего во внутренний храм и апартаменты Кенайната. Мгновение спустя он исчез.

Корландриль без жалоб сносил свое наказание одиночеством. Когда Кенайнат выпустил его, первым делом он захотел было встретиться с другими воинами, однако, поразмыслив, отверг этот порыв и

решил, что ему нужно поискать менее воинственную компанию. И тут ему пришло в голову, что следует убедиться с тем, кого он не навещал довольно давно.

Удивление Тирианны само по себе было наградой. Вторгшись ненадолго в Бесконечный Круговорот --- ведь действующим аспектным воинам не следовало беспокоить находящихся там духов, Корландриль обнаружил ее в Саду Небесных Наслаждений, погруженной в чтение свитка в беседке, увитой белоснежными цветами. На Тирианне была синяя мантия, рунные амулеты и браслеты, светящиеся энергией. Ее волосы были убраны назад в глинную косу, окрашенную в глубокий золотисто-каштановый цвет и украшенную темно-красными нитями. Быстро встав, она отложила свиток и обняла Корландриля. Ошеломленный, он не сразу обнял ее в ответ.

--- Я слышала, что тебя ранили, --- сказала Тирианна, отступая назад, чтобы окинуть критическим взглядом

Корлангриля и увериться, что с ним все в порядке.

--- Я исцелился, --- ответил он с улыбкой. --- По крайней мере, физически.

Корлангриль показал на скамью, и они уселись рядом друг с другом. Тирианна открыла было рот, чтобы сказать что-то, но тут же закрыла его. Ее черты исказило беспокойство.

--- Что случилось? --- спросил Корлангриль.

--- Я собиралась тебя навестить, поскольку тебе нужно кое-что знать. Я предпочла бы, чтобы мы сначала поговорили о других вещах, но ты застал меня врасплох. Это невозможно приукрасить. Я прочла твои руны. Они сбивчивы, но большая часть не сулит ничего хорошего.

--- Бояться нечего. Недавно мне довелось испытать страдания, но они меня не доконают.

--- Не это меня беспокоит, --- заявила Тирианна. Протянув руку, она на мгновение приложила ладонь к его щеке, и он вздрогнул при этом прикосновении. --- Я

чувствую в тебе конфликт. Ты воспринимаешь любую встречу как сражение, которое должно быть выиграно. Путь Воина дурно влияет на тебя.

--- Я всего лишь на секунду утратил сосредоточенность, не более того, --- сказал Корландриль, вставая. Он отступил от Тирианны, увидев упрек на ее лице. --- Я отступился, но путешествие продолжается.

--- Понятия не имею, о чем ты говоришь. Что-то еще случилось?

Корландриль ощутил укол стыда при воспоминании о своей ошибке во время поединка. Он не считал, что это касается Тирианны, с этим следовало разбираться в Смертельной Тени.

--- Да ничего важного, таких, как ты, не касается.

--- Таких, как я? --- Тирианна в большей степени расстроилась, нежели разозлилась. --- Не касается друга?

Корландриль сдался, потупив взор.

--- Я чуть не нанес настоящий удар во время ритуального поединка.

--- О, Корландриль...

Ее жалость ранила острее, чем

выговоры Кенайна и Аранархи.

— А что? Ты говоришь со мной, как с ребенком. Это случилось. Я извлеку из этого урок.

— Неужели? Не забывай, что я была Зловещим Истителем. Хотя то время — в дытке моего прошлого, это было не так давно, чтобы я совершенно об этом забыла. До недавнего времени я шла по Пути Ведымака. Как провидец воинов я вновь перебрала многие из своих боевых воспоминаний, черная в них решимость и силу. Я полню соблазн Пути Воина, уверенность в цели и утешение справедности, которые он несет с собой.

— Нет ничего плохого в том, чтобы иметь твердые убеждения.

— Это же наркотик — то ощущение собственной власти и превосходства. Боевая маска позволяет тебе управлять своим гневом и чувством вины в сражении, но она не предназначена для того, чтобы положить конец всем чувствам вне поля боя. Вот сейчас я чувствую, что ты на меня злишься.

— А что, если и так? Сидишь здесь и

говоришь о том, чего не понимаешь. То, что ты шла Путем Воина, не имеет никакого значения, мы с тобой совершенно разные. Это ты прояснила для меня перед тем, как я присоединился к Смертельной Тени. Возможно, это тебя искушает власть. У меня воля сильнее.

Резкий стех Тирианны уязвил гордость Корлангриля.

— Ничего в тебе не изменилось. Ты ничему не научился! Я предлагаю утешение, а ты воспринимаешь это как критику. Возможно, ты прав. Возможно, вовсе не Путь Воина делает тебя таким нагленным, ты всегда был так занят самим собой!

— Самим собой! — Корлангриль не мог поверить тому, что услышал, и повысил голос. Сделав вдох, он стянул тон. — Это ты находилась в свете моего внимания, много обещая, но, в конце концов, не желая дать ничего. Если я эгоистичен, то лишь потому, что ты забрала у меня то, чему я был бы счастлив посвятить всего себя.

— Я была неправа, ты не эгоистичен.

Ты --- обманываешь сам себя!
Рационалистическое обоснование и
оправдания --- это все, что ты можешь
предложить в свою защиту. Посмотри-ка
на себя хорошенько, Корлангриль, и тогда
скажи мне, что это --- моя вина.

Корлангриль походил взад и вперед,
анализируя слова Тирианны, перебирая их
снова и снова, чтобы угадать их истинное
значение. Взглянув на ее возмущенное
лицо, он осознал правду.

--- Ты ревнуешь! Когда-то я сходил по
тебе с ума, и теперь тебе невыносима
даже мысль о том, что я могу жить своей
жизнью вне твоей тени. Может, дело в
Элиссанагрин? Ты полагаешь, что у меня
возникли чувства к другой, и внезапно
ощущаешь, что ты не единственная в
таких чувствах.

--- Я и понятия не имела, что у тебя
новый предмет желаний. Я рада. Я
предпочла бы, чтобы ты искал еще
чьего-то общества, поскольку больше не
являешься желанным гостем в моем.

--- Это было ошибкой. Ты не стоишь
ни того горя, которое приносишь, ни

времени, которое поглощаешь.

Тирианна разрыдалась, закрыв лицо руками. Это было душераздирающее зрелище, очевидная попытка добиться сочувствия и внимания. Корландриль больше не желал, чтобы Тирианна манипулировала им. Не прощаясь, он отогвинул цветущие ветки и ушел.

После разговора с Тирианной Корландриль попытался выкинуть этот эпизод из головы, занявшись скульптурой. С этой целью он вернулся в свои апартаменты, но никак не мог взяться за дело, расхаживая по квартире, уставленной скульптурами Уши, и каждое прекрасное лицо напоминало ему о Тирианне. Всякий раз, как он сажился на скамью с белой глиной в руке, ему никак не удавалось представить себе образ для воплощения. Его голова была забита какими-то шипами и лезвиями. Попытки сотворить нечто прекрасное, чтобы обрести покой, воскрешали в уме все то, что его в наибольшей степени раздражало.

Не находя себе места, Корландриль

вернулся в Храм Смертельной Тени, где обнаружил Элиссанагрин, которая вела бой с тенью в зале с госпехати.

--- Быть может, ты не прочь поупражняться с кем-то? --- спросил он, собираясь облачиться в госпехи.

Улыбнувшись, Элиссанагрин кивнула в ответ. Пока Корлангриль одевался, она тихо заговорила.

--- Чувствую знакомое стягивание. Должно быть, это Тирианна.

Корлангриль протолчал, его разум был сосредоточен на мантре постанковки цели. Натянув нагрудник, он быстро кивнул Элиссанагрин.

--- Прискорбно, что мы отдаляемся от тех, кого любим, но утешься тем, что потеря того, как меняешься, как продолжается твоя жизнь, появятся другие, с кем можно ее разделить, --- заметила она.

Корлангриль активировал госпех и согнул руки, пока он сжимался вокруг него.

--- Это предложение пообщаться? --- спросил он.

--- Ты сегодня грубоват, --- ответила

она. -- Я бы не стала предлагать себя в качестве замены Тирианны. Я -- не она, поэтому ты должен воспринимать меня такой, какая я есть.

-- Я бы не хотел, чтобы ты была Тирианной, -- холодно заметил Корландриль. Сжав кулаки, он расслабил запыстья. -- И ты -- не она. Я бы очень хотел поухаживать за тобой, и если все будет хорошо, мы могли бы разделить близость.

Элиссанагрин тихо рассмеялась.

-- Иногда ты столь традиционен, Корландриль. Быть может, нам следует «разделить близость», а затем посмотреть, захочется ли нам ухаживаний? Я высоко ценю физическую совместимость.

Оба молча прошли в арсенал и взяли свои ценные мечи. Также в молчании они отправились вниз по проходу в сердце храма.

-- Я уже ощущаю себя совместимым с твоим телом, -- отметил Корландриль. Он поднял ценной меч к своему лбу. -- Быть может, близость клинка убедит

тебя.

Элиссанагрин, ответив на приветствие, заняла свое место на площадке для поединков. Откинув волосы за плечо, она робко улыбнулась.

— Я не сомневаюсь в твоей энергии или твоей выносливости, но, боюсь, с точки зрения техники тебе не хватает практики.

— Позволь доказать тебе, что я все еще хорошо помню все трюки и навыки, приобретенные тяжким учением в прошлом.

Корландриль вошел в круг и встал лицом к лицу с Элиссанагрин, так близко, что ощущал ее дыхание и чужд запах ее кожи. Его сердце забилося быстрее при мысли о поединке и наслаждениях после него.

Шарканье по камню заставило обоих повернуться к дверному проему. Там стоял Кенайнат в доспехах, но без шлема.

Его темные глаза стерили взглядом обоих, не мигая, рот был сжат в тонкую линию.

— На поединок нет времени, нас призывают сражаться, автарх ждет.

Все еще под впечатлением от своего флирта, Корландриль и Элиссанагрин обменялись взглядами и поспешили за экзархом, который исчез в дверном проеме.

— Сражаться с кем? — спросила Элиссанагрин. Кенайнат не ответил.

Остальные, без успехов, поджигали их в главном зале. Отряд последовал за своим экзархом, а Кенайнат все так же хранил молчание. Он повел их через узкие двери и вниз по глиняному пандусу, который вел в круглый зал. Быстро зажглись огни, открыв взглядом четыре блестящих транспорта, окрашенных в тот же зеленый цвет, что и успехи отряда. Они неподвижно зависли над металлическим полом, их изогнутые стреловидные крылья и высокая дуга верхнего стабилизатора отбрасывали на отряд тени.

Архулеш поспешил к ближайшему из них и прикоснулся к руне на боковой поверхности, чтобы открыть куполообразную крышу кабины. Ловко запрыгнув на борт, он прошел в переднюю часть транспорта. Корландриль дождался, пока остальные займут места сзади,

прежде чем сесть рядом с Бехаретом, решив, что ему лучше не располагаться слишком близко к Элиссанагрин с учетом того извивого флирта, которым они только что занимались. Архүлеш опустил крышу и раздался едва различимый гул --- скитлер ожил.

Под управлением Архүлеша он скользнул к отверстию в гальной стене зала, за которым ряд желтых огней освещал путь по извилистому туннелю. Архүлеш непринужденно вел скитлер, увеличивая скорость, пока телькающие титло огни не превратились в одну расплывшуюся линию.

--- Куда мы едем? --- спросил Корландриль. Повернувшись на переднем сиденье, Элиссанагрин свесила руку через спинку.

--- В Зал Автархов, --- ответила она. --- Там обычно собираются воины храмов, чтобы получить новости от провидцев, прежде чем надеть боевые маски.

Корландриль воспринял это сообщение молча. Он никогда не слышал о Зале Автархов, и ему стало интересно,

где именно на Алайтоке он расположен. Скимлер летел вдоль туннелей и трубопроводов, которых он никогда прежде не видел, и он предположил, что они находятся в нижнем слое каналов, используемых исключительно во время войны.

Впереди перед ними появились еще три похожих транспорта, окрашенных в темно-синий и черный.

--- Темные Жнецы, --- сообщила Элиссанагрин. Наклонившись вперед, она изучала разметку по мере того, как скимлеры сближались. --- Храмы Убывания Темной Луны, Хладной Смерти и Стойкой Завесы.

Этот последний Корлангриль знал --- к нему принадлежали Маэртун и Артус.

Позади них показались транспорты других храмов, присоединившись к строю скимлеров, которые быстро стекались к Залу Автархов. Туннель заканчивался обширным пространством под куполом в виде черной полусферы, сквозь которую ничего не было видно. Вниз шла широкая

лестница, которая вела в амфитеатр. На
круглом возвышении в центре зала стояли
три, двое из них были одеты в тяжелые
панталоны, третий -- в синих с золотом
панталоны и глиняном алом плаще,
откинутом за спину, рукой он придерживал
шлем с гребнем.

Прибывающие аспектные воины
спешивались со своих скинтеров на
верхнем уровне зала и поотрядно занимали
места вокруг автарха и ясновидцев.
Взглянув на белый камень широких
ступеней, Корландриль увидел
выгравированные золотом руны, которые
указывали места различных храмов,
распределенных по аспектам. Несколько
сотен воинов уже были на своих местах, и
столько же следовали в зал за своими
эксархами.

-- Архатхайн, -- сказал Архулеш,
указывая на автарха. -- Он носил маски
Темного Жнеца, Воющей Баныши и
Зловещего Мстителя, прежде чем стал
автархом.

-- Его имя кажется мне знакомым, --
заметил Корландриль. Кенайнат

остановился, и Корлангриль, посмотрев
вниз, увидел под ногами руну Смертельной
Тени.

--- Командующий Алайтоком во время
Битвы Шепотов, также командовал
совместно с Урүлтанешем во время битвы
Тысячи и Огной Бүри, --- сообщила
Элиссанагрин.

Названия этих сражений были
известны Корлангрилю --- долги
компании, в которых воины Алайтока
понесли тяжелые потери.

--- Я не знаю этих ясновидцев, ---
сказал Архүлеш. Оба --- мужчины и
держались величественно. Один из них ---
моложе Корлангриля, что его удивило.
Второй был почтенного возраста, и даже
на этом расстоянии был замечен
странный блеск его кожи, первый признак
того, что его тело превращалось в
кристалл, испытывая изменения,
вызванные псайкерскими способностями.

--- Времени мало, требуется
краткость, --- провозгласил Архатхайн, и
его голос, распространяемый звуковым
полетом, заполнил весь зал. --- Ясновидец

Келамит, -- автарх указал на старца, -- и
его помощник предсказали Алайтоку
ужасную трагедию. Серебряная река
превращается в черную, и ее кипящие воды
несутся к Алайтоку. На берегах белого
тора видно Танцующую Смерть, в ее косы
заплетены черепа наших детей. Та, Что
Жаждет устремляет свой алчный взгляд
на звезды, и в будущем ее бесчеловечный
взгляд падет на наши жизни.

-- Жизненно важно, чтобы мы
предприняли действия для
предотвращения этого события, которое
может произойти. Темные боги снова
расширили сферу своего влияния,
добравшись до сердец и утроб людей,
которых так легко совратить. Не зная
этого, они ступили на путь, который
приведет не только к тому, что их
собственный мир будет проклят, но к
порождению целой толпы тварей Темных
богов. Таково их невежество, что на
протяжении жизни всего лишь трех их
коротких поколений они приведут в
действие катаклизм, который сокрушит
планеты и доберется до самого Алайтока.

Мы не можем позволить, чтобы это произошло.

--- Любопытство людей приведет их к гибели, если мы не вмешаемся, --- продолжил Келатит. Его голос был напряженным и тихим, отягощенным вечностью, проведенной в изучении возможных вариантов будущего, каждый из которых в конечном счете вел к смерти и разрушению Алайтока. Корландриль подумал: что за склад ума нужен для того, чтобы всматриваться снова и снова в лицо такой судьбе и преотвращать каждое бедствие после того, как о нем станет известно.

--- Мы не можем предупредить их о грядущих опасностях, ибо, поступив так, мы рискуем породить то самое желание, которому стремились положить конец. Быстрое действие сейчас, кровавое, но необходимое, уничтожит угрозу Алайтоку, а также обезопасит будущие поколения людей. Те, кого мы должны уничтожить, немногочисленны, и если мы нанесем жесткий и быстрый удар, они не получат никаких подкреплений. Подавляющая сила

обеспечит быструю капитуляцию. Те, кого мы желаем уничтожить, непреднамеренно обладают артефактом, который необходимо разыскать и безопасно уничтожить. Вы узнаете его, когда окажетесь неподалеку. Ни при каких условиях вы не должны приближаться к самому артефакту, и старайтесь все время не думать о нем, чтобы он не заманил в ловушку также и ваши души. Он касается того, о чем мы не говорим, поэтому вы понимаете, что это -- не тщетная предосторожность.

Корлангриля передернуло при мысли о Той Что Жаждет. Его камень души также похолодел, другие аспектные воины обменивались взглядами и кивали друг другу в знак поддержки и утешения.

-- Мы тайно выйдем на орбиту и создадим временные порталы паутины, чтобы ударить в сердце укреплений цели, -- сказал Архатхайн. -- Их армия предпримет ответные действия, и мы должны быть готовы к отходу под огнем противника. Скорость играет существенную роль, иначе наши корабли на

орбите обнаружат, и они будут вынуждены разорвать связи с паутиной. Странники соберут всю возможную информацию об этой планете людей и том месте, где они хранят этот ужасный трофей. Подробные боевые задания будут переданы каждому экарху по пути к планете людей.

Автарх поднял кулак и медленно повернулся, выражая признательность собравшимся воинам.

--- Алайток снова должен обратиться к кровавым посланцам Кхаина. Вы нас не погубите.

--- Время отправляться, надевать доспехи и боевые маски, разогнать кровь, --- сказал Кенайнат, жестом направляя отряд к транспорту.

Хотя у Корландриля не было подготовки ясновидца, основные принципы он знал: любое действие имеет последствия, и обязанностью ясновидцев было направить оружие аспектных воинов таким образом, чтобы обеспечить благоприятное для Алайтока развитие событий. Он испытывал некоторую жалость к диким людям, которые должны

бүдүт үлөрөтү во время этой атаки, поскольку, казалось, они не знали о том вреде, что могут причинить. Тем не менее это -- необходимая трагедия, пролитие человеческой крови ради спасения жизней эльдаров.

Он задумался ненадолго, будет ли труднее убить человека, чем орка. Орк -- воплощение абсолютного зла, от них никакой пользы. Люди, пусть грубые и невоспитанные, были полезным оружием в руках эльдаров и обладали природным духовным началом, которому следовало отдать должное. То, что они слабы и легко развращаются -- и телесно, и духовно, -- это прискорбно, но как вид они -- более приятные соседи, чем многие другие в галактике. Занимая свое место в транспорте, чтобы вернуться в храм, Корландриль подумал, что он почувствует, когда убьет своего первого человека. Эта мысль посеяла в нем сомнения в отношении выбранного им Пути. Лишение жизни орков было простым уничтожением, лишение жизни людей можно было рассматривать как форму

убийства, хотя и менее серьезное. Затем он осознал всю стехотворность этого вопроса.

Он будет в своей боевой маске, он не будет чувствовать никакой вины, а помнит будет и того меньше.

Корлангриль вышел из портала паутины вслед за Кенайнатом с цепным мечом и сюрикеновым пистолетом наготове. Они оказались на обширной территории, огороженной деревянно-земляными стенами в несколько раз выше роста Корлангриля. В ночном воздухе вокруг раздавалось потрескивание других мерцающих порталов паутины, из сумрака которых появлялись призрачные фигуры аспектных воинов. Воздух был тучительно холодным, из темных облаков падал мягкий снег, потрескавшиеся плиты, которыми был вытощен двор, покрывали ковер инея, на кирпичных стенах, окружающих открытое пространство, виднелись затерзанные ручейки.

По отряду Зловещих Мстителей, который поднимался по внутреннему

пандусу, со стены затрещали выстрелы из лазерных винтовок. Мстители ответили смертоносными очередями из сюрикеновых катapult, сбив со стены несколько людей в толстых серых пальто и отделанных мехом шапках с болтавшимися ушами.

Жалящие Скорпионы при поддержке других аспектных воинов должны были возглавить штурм цитадели. В то время как остальные войска обеспечивают безопасность внешнего периметра, воины Смертельной Тени и других храмов ударят по центральным зданиям и обыщут каждое, пока не обнаружат проклятый артефакт, который и является их целью. Хотя в этой операции принимают участие многие воины с Алайтока, схватка с противником не должна быть затяжной, это — планета людей, численность населения которой во много раз превышает число эльдаров. Воинский контингент с Алайтока ни в коем случае не должен ввязываться в длительное сражение, поскольку это поставит под угрозу извлечение артефакта.

Кенайнат повел отряд в сторону от стен, к комплексу из четырех зданий в центре огороженной территории. Три из них были одноэтажными строениями из грубого серого кирпича. Четвертое было пятиэтажным, шестиугольной формы, без окон, построенным из твердого материала, усиленного перекрещивающимися металлическими балками. Оно возвышалось над всей территорией, являясь центром, вокруг которого строили все остальное.

В этом бою Корландриль испытывал другие ощущения. Было прохладнее, не только с точки зрения температуры, но и по настрою. Не было ни жгучей ярости, которую он ощущал в прошлый раз, ни ненависти, которую вызывали орки, его не приводила в стяжение опустошающая жажда крови аватара. Он отстраненно наблюдал за тем, как Воющие Баньши понеслись, завывая, к ближайшему зданию, где их мерцающие мечи безуспешно кромсали людей, которые высыпали из широких дверей.

Воины Смертельной Тени повернули

влево, бок о бок со Зловещими Мстителями из Звезды Правосудия и Огненными Драконами из Ярости Кхаина, направляясь к ближайшему пакгаузу. Его тяжелые двери катились навстречу друг другу, закрывая вход, а из сужающейся щели сверкали, не достигая цели, беспорядочные выстрелы из лазерных винтовок.

С громким лязгом двери закрылись. Зловещие Мстители, направив свое оружие на яркие прожектора, расположенные вдоль козырька крыши, резко снизили уровень освещенности территории. Кенайнат знаками велел отряду укрыться у стены здания, к дверям которого приближались Огненные Драконы с термическими зарядами в руках.

Теперь со стен уже почти не стреляли. Окинув взглядом периметр, можно было увидеть, что Зловещие Мстители очистили от защитников три четверти стены. Одеты в черное, отряды Темных Жнецов занимали огневые позиции, направляя пусковые ракетные установки вовне.

Раздался грохот взрывов,
сопровождаемый огненно-белыми
вспышками, и термические заряды
Огненных Драконов превратили двери
пакгауза в реку остывающего шлака.
Аспектные воины бросились в
образовавшиеся отверстия, отбросив за
собой глинные тены красным светом своего
оружия.

--- Атакуйте без жалости,
возликуйте, собирая кровавую дань Кхаина,
не оставляйте ничего живого! ---
воскликнул Кенайнат, отправляя отряд
вперед взмахом светящейся силовой
клешни. Архулеш оказался в проломе
первым, за ним последовал экзарх.
Корландриль отправился сквозь
искореженный металл вслеп за
Бехаретом, после него туда прыгнула
Элиссанагрин.

Внутри пакгауз оказался пуст, за
исключением нескольких металлических
ящиков, аккуратно составленных слева от
Корландриля. Тонкая стена отделяла
часть пространства справа. В узких окнах
и двух таленьких дверных проемах

подпрыгивали головы в шлехах.

Огненные Драконы дали волю ярости своих термоядерных ружей, энергетические заряды прошли хрупкую стену. Под прикрытием этого огня Смертельная Тень ринулась в атаку навстречу одиночным лазерным выстрелам, которые со свистом проносились мимо или вздымали облачка пара, попадая в пол.

В ближайшем дверном проеме три человека навели свое оружие на Архулеша и Кенайната. Корландриль действовал совершенно автоматически — ему не понадобилось ни подумать, ни получить приказ от своего экзарха, подняв сюржикеновый пистолет, он выпустил в дверной проход град смертоносных дисков, его выстрел слился с выстрелами остальных. Два человека рухнули назад с растерзанными торсами и лицами, третий выстрелил из своего оружия, задев по касательной правое плечо Кенайната. Выведенный из равновесия, экзарх сделал укороченный шаг, чтобы выправиться, и вперед вырвался Бехарет. Он и Архулеш

пообежали к двери, и их ценные мечи одновременно обезглавили и выотрошили, остававшегося там человека.

Ведомый инстинктом, Корлангриль бросился вправо от дверного проема и прыгнул в обломки окна. Люди внутри повернулись навстречу Архулешу и Бехарету, оставив спины незащищенными. Урчащий меч Корлангриля вскрыл первого из них вдоль спинного хребта от шеи до пояса, окатив аспектного воина кровью и осколками позвоночника, при этом влажные брызги были гармонично озвучены стуком костей. Второму человеку он подрезал поджилки, быстро рубанув ценным мечом сзади под оба колена.

Обратив взгляд на второго человека, Корлангриль активировал тандибластеры. Шквал осколков вылетел из стволов по обе стороны шлема, за ними встретились дуги голубой энергии, которые вонзились в левый глаз его жертвы, и по чернеющей коже лица побежали лазурные вспышки. Человек рухнул, из его открытого рта и изуродованной глазницы вился дымок.

Быстро вспомнив о чем-то, аспектный воин развернулся и всадил острое меча в горло четвертому человеку.

Взмахнув в завершение мечом, Корландриль страхнул кровь с клинка в глаза другого противника, ослепив его на миг. Пока человек пытался протереть глаза, Жалящий Скорпион скользнул в сторону и всадил меч под его левую руку, пронзив грудную клетку, сердце и легкие. Цепной меч застрял на мгновение, гневно вибрируя в руке воина, пока он не вырвал его на свободу.

Справа от него раздалась испуганная крики и, повернувшись, Корландриль увидел еще трех людей, которые пытались выбраться из окна позади него. Один из них рухнул под огнем пистолета Корландриля, двое других, взорвавшись от выстрелов Огненных Драконов с главной площади, таксауза, превратились в красноватые облачка перегретого вещества.

Жалящий Скорпион застыл, напрягая зрение и слух в поисках очередной жертвы. До него долетел стон, и он вспомнил о человеке, которому подрезал поджилки.

Повернувшись назад, он увидел искалеченного солдата, который полз к твердому проему, оставляя за собой размазанный кровавый след. Корландриль наблюдал за ним с минуты, художник в его душе увлекся созерцанием красных завитков, оставленных на полу отчаянно карабкающимся человеком. Аспектный воин увидел свое смутное отражение в жизненно важной жидкости своих врагов, искаженный портрет кровью.

Это мгновение миновало, и Корландриль шагнул вслед за своим раненым противником, но проиграл это убийство Бехарету. Тот выпустил из руки пистолет, оставив его висеть на шнуре, и, схватив человека за волосы, рывком поднял его на подрубленные колени. Быстрый удар мечом отделил голову от шеи, и тело шмякнулось в лужу крови, которая расползлась у ног Бехарета.

Все еще держа в руке отсеченную голову, Бехарет поднял глаза и увидел Корландриля. Они не видели выражения лиц друг друга, но оба осознали, что Бехарет совершил убийство, которое по

праву было за Корландрилем. Бехарет
отвесил напыщенный поклон извинения ---
отвернув лицо, выставив одну ногу перед
другой --- и протянул голову Корландрилю.

--- Да тут врагов больше чем
достаточно, --- сказал Корландриль. --- Я не
в претензии на тебя за этого.

Бехарет выпрямился, бесстрастно
вышвырнул голову в дверной проем и
кивнул, демонстрируя свою
признательность.

--- Здание зачищено, гнев Кхаина все
еще нарастает, вперед, к новым смертям, ---
--- провозгласил Кенайнат, посылая их
вперед жестом своей клешни.

В результате быстрого поиска в
пангаузе обнаружили две задних двери,
которые вели в окруженный стенами
дворик сбоку от центральной башни
комплекса. Металлическая дверь в боковой
стене башни оказалась незначительным
препятствием, силовая клешня Кенайната
прорвала ее с двух ударов.

Внутри оказался целый лабиринт
комнат и коридоров. Люди стретглав
разбежались в поисках укрытия, когда

отряд Звезды Правосудия, ворвавшись
внутрь, прошёл залпами из сюриненовых
катанульм выкрашенные в оливковый цвет
стены и свалил на месте пару десятков
разодетых людей. Жалаящие Скорпионы
последовали за ними, убивая всех, кто
пережил убийственный град Зловещих
Мстителей. Два отряда методично
обшаривали по кругу комнату за комнатой
на нижнем этаже, не оставляя ничего
живого. За ними в башню влетели другие
отряды и понеслись вверх по лестницам.

Наверху грели взрывы: на верхних
этажах аспектных воинам явно оказали
более решительное сопротивление, и тучи
пыли летели с выложенного трубами
потолка. Переключившись на тепловое
видение, Корлангриль наблюдал, как
мельчайшие фрагменты обломков
оседают на остывающих телах
поверженных врагов, и пыль окутывает их
словно саванами.

Они обнаружили скрытую винтовую
лестницу, и Кенайнат повёл их за собой.
Жалаящие Скорпионы хлынули вслеп за
Зловещими Мстителями, чтобы

воспользоваться преимуществом действий в замкнутом пространстве. Они сделали лишь несколько шагов по ступенькам, когда четыре маленьких предмета со стуком свалились с верхней стены и запрыгали по ступенькам.

Кенайнат, среагировав первым, бросился вперед, чтобы убраться из зоны взрывов гранат, а остальные члены отряда поспешно скатились вниз по лестнице и укрылись за центральной колонной. Осколки гранат и обломки стены градом посыпались вниз по лестнице, но Жалаящие Скорпионы остались невредимы. Звон лазерных зарядов эхом отдался от стен, и отряд ринулся вверх, чтобы воссоединиться со своим экзархом.

Кенайнат сжимал клешней останки мертвого человека, левая рука солдата была отрезана начисто. Безголовый труп лежал мешком у ног экзарха на лестнице. Несколько лазерных выстрелов оставили глубокие следы на доспехах Кенайната, вокруг него лениво плавали тонкие облачка пара.

Еще один лазерный залп провизжал

вниз по лестнице, и отряд сдал назад на несколько шагов. Корландриль присоединился к Кенайнату, и они вдвоем быстро обогнули лестничный колодец с сюржикеновыми пистолетами наготове. На лестничной площадке выше засела группа людей — Корландриль, взглянув за поворот, насчитал восьмерых, прежде чем обратиться в безопасное место.

— Я обращаю свою ярость влево, направо огонь вправо, и мы их уничтожим, — приказал экзарх.

— Как этого хочет Кхаин, — ответил Корландриль. Он извлек из памяти картинку с позициями людей, которая отпечаталась в ней так ясно, будто он стоял перед ними. Потребовалось всего лишь мгновение, чтобы рассчитать наилучшее направление огня и сразить их одной очередью.

— Я готов, — доложил он Кенайнату.

Они выпрыгнули вдвоем из-за поворота лестницы, смертоносные диски с шипением неслись из их пистолетов. Очередь Корландриля поразила двух человек, стоявших на коленях, в горло, убив

их мгновенно. Он продолжал стрелять, сдвигаясь влево, подняв пистолет и направив поток дисков в животы тем, кто стоял дальше от ступенек. Они рухнули наземь, издавая мерзкие хрипы, брызги крови виделись Корлангрилю в тепловом режиме ярко-желтыми.

Корлангриль и Кенайнат переступили через тела с ценными мечами наизготовку, еще до того, как последний из людей упал на пол.

На этой площадке было два дверных проема, по одному с каждой стороны. Слыша сзади приближающиеся шаги остальных членов отряда, Кенайнатмахнул головой влево и жестом велел Корлангрилю оставаться рядом.

Открытый сводчатый проход вел к ряду маленьких комнат-клетушек с голыми стенами, почти без обстановки. Корлангриль догадался, что это — жилье прислуги, — как же любят люди унижать себе подобных в стремлении доказать свое превосходство, мелькнула у него мысль. Подлинная цивилизация всех признает личностями, равными и важными.

Эльдары, которые по своему выбору решали
обслуживать других, делали это, чтобы
развить смирение и чувство долга, ---
впрочем, Корландриля это пока не
привлекало.

Отбросив эти философские
размышления как отвлекающие внимание,
он быстро просмотрел все дверные проходы
в поисках признаков тепла и ничего не
обнаружил. Обслуга, скорее всего, сбежала,
как только началась атака, возможно,
надеясь, что оружие хозяев убережет их.
Напрасно. Все, кто так или иначе
контактировал с артефактом Хаоса,
были под угрозой заражения, никого нельзя
было оставлять в живых.

Более тщательные поиски
подтвердили, что этот этаж, включая
кухни и кладовые, свободен от врагов.
Звук сражения, которые долетали сверху,
говорили о том, что другие отряды
опередили Смертельную Тень и Звезд
Правосудия.

--- Мы отправимся выше, доберемся до
самого верха и загоним врагов в угол, ---
объявил Кенайнат. Уриетхуал, экзарх

Звезды Правосудия, тут же согласился. Оба отряда вернулись к лестнице и обошли два следующих этажа, где были видны следы более ожесточенной схватки. Человеческие трупы завалили всю площадку, но среди них были и обломки эльдарского оружия, и куски доспехов, и яркие пятна эльдарской крови.

А знал ли он кого-то из павших, — мелькнула проходя мысль у Корлангриля. Сейчас — не время для скорби.

Еще несколько отрядов присоединялось к атаке на верхнем уровне, стекаясь туда с третьего и четвертого этажей. Поднимаясь по ступенькам, Корлангриль ощущал нарастающее чувство тревоги. Что-то тянуло его — где-то в уголке души, и путеводный камень стал подрагивать у него на груди.

— Убивай их равнодушно и быстро, не радуйся убийству, Та Что Жаждет наблюдает! — предупредил Кенайнат, когда они достигли последнего поворота лестницы.

Верхний этаж был одним открытым залом, обшитым панелями и набитым

тебелю. Люди стреляли из-за
перевернутых диванов и опрокинутых
книжных шкафов, на темном
лакированном полу валялись разогранные
большие книги с примитивным
человеческим письмом. Вспышки голубой
энергии неслись со всех сторон -- Зловещие
Мстители и Воющие Баньши
простреливали несколько лестниц,
ведущих в зал.

За большим столом, опрокинутым
набок, притаилась особенная группка
людей, рядом с ними на полу громоздились
исписанные вручную тома, валялись грубые
письменные принадлежности и обрывки
бумага. Оттуда что-то просачивалось
через весь зал и прикасалось к душе
Корландриля. В его ушах раздавалось
бренчание лазерного огня, тесная близость
госпехов была словно объятия
возлюбленной. Запахи лака и крови,
прысканье сюрикенового огня и вопли боли --
все это сливалось в симфонию, которую
Корландриль воспринимал всеми
чувствами.

Подстегиваемый возбуждением, он

выстрелил из пистолета в человека, который съехал за сломанным креслом. Сверкающие диски вонзились в его лоб, другие рассекли глаза и погрузились в мозг. Труп медленно сполз на пол, его винтовка загрохотала по деревянному полу.

В дальнем конце зала, укрывшись между сбившихся в кучу стражей, затаились трое мужчин, одетых в толстые лилово-красные мантии, отороченные мехом и отделанные золотом. Эти трое были в почтенном, людском возрасте, их торжественные лица исказили гримасы потрясения и ужаса. Подчеркнуто роскошные одеяния выдавали в них персон, стоящих высоко в людской иерархии.

Вскоре в зале осталась лишь эта последняя группа.

Один из них -- его толстый капюшон упал назад, на плечи, открыв безволосую голову, испещренную пятнами, -- поднялся и прокричал что-то на своем непонятном языке, размахивая шкатулкой размером с собственный кулак, инкрустированной

бледно-синими и розовыми драгоценными
камнями. Его лицо с выпученными глазами
выражало то ли страх, то ли гнев, понять
это было невозможно. Это искаженное
лицо спахивало на какой-то готический
шарж, передавало грубую пародию на
чувство.

Глаза Корлангриля вновь оказались
прикованы к шкатулке, а где-то в
подсознании зашеlestел слабый шепот.
Человек упал на колени, его
телохранители, побросав свое оружие,
подняли руки в знак капитуляции. Два его
величавых спутника униженно пали ниц и
утоляюще поглядывали снизу вверх на
окружающих эльдарских воинов.

Это шкатулка взывала к
Корлангрилю, и он шагнул вперед, не
обращая внимания на людей-солдат.
Драгоценные камни на ее поверхности
сверкали так ярко, зачаровывая его. Он
услышал ворчание других аспектных
воинов, стоявших вокруг.

Конечно, это была бы такая
очаровательная награда. Корлангриль
представил себе кровавое месиво, в

которое превратит это дряхлое существо,
которое удерживало прекрасную шкатулку.
Корландриль вырвет его внутренности и
превратит их в гирлянды, а из костей,
раскрасив их, как надо, создаст изящные
скульптуры.

Ну к чему не прикасайтесь.
Освободите свой разум от желания и
соблазна.

Корландриль узнал мысли Ясновидца
Келамита. Они пробились сквозь странный
туман, который обволакивал его душу с
того мгновения, как он вошел в этот зал.

Позади сдавшихся людей затрещала
воздух. Там, где мгновением раньше была
пустота, появились семеро воинов в
тяжелых доспехах. Они были одеты в
красное и черное, а их спины и плечи
покрывали широкие щитки с нарисованной
на них белой паутиной. В руках они
держали грозоздкое оружие, смертопряды,
светящиеся изнутри голубым, их губы
окружали вращающиеся клешнеобразные
придатки.

Барн-Пауки одновременно открыли
огонь по последним оставшимся в живых

люды. Дула их оружия вспыхнули ярко-синим — гравитационные импеллеры, вращаясь, превратились в расплывшиеся пятна. В воздухе закружилось расплывчатое, смутное облако. Извивающаяся моноволоконная проволочная сетка, вылетевшая из стертопрядов, окутала людей и без малейшего напряжения врезалась в кожу, плоть и кости. Серое облако стало красным от крови — люди распались на тысячи крошечных частиц, и каждую из них струящееся проволочное облако продолжало рассекать и крошчить, пока в воздухе не остался лишь расплывчатый красный туман.

Это зрелище выжало слезу из Корлангриля. Такое уничтожение, выполненное так быстро и так красиво. На мгновение он совершенно забыл о присутствии шкатулки, пока она не шлепнулась со стуком на пол, с ее манящих драгоценных камней стекали капли. Остатки человеческих пальцев.

Корлангриль ощутил чье-то присутствие, и отступил в сторону: за

дверями позади него появились новые персоны. Аспектные воины расступились, давая дорогу Келалитү и Архатхайнү. Вокруг ясновида спокойно вращались в воздухе три дюжины рун, пересекаясь и расходясь вновь, по мере того, как он продвигался вперед. На Архатхайне были синие доспехи, а в правой руке — копье, которое почти вдвое превышало рост автарха, его наконечник в виде листа был покрыт тысячами крошечных рун, каждая из которых светилась энергией.

С нити вошла группа проводцев с мрачными лицами, одетых в белое, головы их были начисто лишены волос. Между нити в воздухе плыл яйцевидный темно-красный контейнер, расписанный серебристыми рунами. Корландриль узнал призрачную кость — психопластик, созданный костопевати, живая основа Алайтока и любого другого творения эльдаров. Путеводный камень Корландриля потеплел и затрепетал, когда контейнер медленно скользил мимо него.

Из груды обломков справа от Корландриля выскочил человек и рванулся

через зал к драгоценному артефакту, одна
его рука безвольно свисала вдоль тела, а из
глубинной раны на бедре лилась кровь.

Быстрее всех среагировал
Архатхайн, его копьё пронело через зал и,
вонзившись человеку в грудь, отбросило его
в сторону. Мгновением позже несколько
сюрикеновых залпов и лазерных выстрелов
прошло воздух в том месте, откуда
только что копьё автарха отшвырнуло
жертву. Архатхайн сделал знак копьём, и
оно изогнулось, вырвалось из тела
мертвеца и вернулось в его глань. Автарх
невозмутимо приблизился к шкатулке и,
опустившись перед ней на одно колено,
принялся внимательно изучать
артефакт.

Нашептывая защитные мантры,
белые провидцы окружили его, их мантии
скрыли все из виду, а заклинания стали
громче. Когда минутой позже они
расступились, на зал снизошла тишина.
Шкатулка исчезла, но контейнер из
призрачной кости стал светиться более
теплым светом, из него просачивалась
аура маслянистой энергии. Корландриль

отступил еще на шаг назад, не желая находиться слишком близко от проклятого артефакта теперь, когда оказался свободен от его воздействия.

Белые провидцы удалились вместе со своим зараженным грузом.

--- Люди собираются с силами, чтобы уничтожить нас за стенами, --- сообщил Архатхайн, вставая. --- Весь гарнизон перебит. Возвращайтесь в паутину, и мы исчезнем отсюда. Заберите наших мертвецов, мы не можем оставить их здесь.

Вместе с остальными Корландриль спустился на уровень ниже. Здесь они обнаружили несколько мертвых эльдаров, их доспехи были проткнуты штыками или пробиты лазерными зарядами и пулями. Корландриль наклонился к останкам Воющего Баньши. Его лицевая пластина была разбита, открывая взгляду пустую глазницу и окровавленную щеку. Жалаящий Скорпион нежно поднял его и отнес к порталу паутины.

Торжественные звуки труб и

медленный, равномерный бой барабанов
оповестили о прибытии похоронной
процессии. Три глинные колонны медленно
вступали в Купол Вечного Спокойствия ---
два ряда эльдаров, движущихся вереницей,
по обеим сторонам от тел мертвых на
похоронных грозах, парящих в воздухе.
Тела были покрыты белыми саванами с
вышитыми на них именами. Слева от
каждых гроз шел хранитель с камнем
души покойного, путеводный камень
мертвого эльдара содержал теперь в себе
его сущность, готовую для перемещения в
Бесконечный Круговорот. Справа от
каждого почившего шагал плакальщик ---
эльдар, идущий по Пути Скорби, -- в
тяжелом белом покрывале, рыдая, и время
от времени издавая горестные стенания.
За процессией наблюдали со слезами на
глазах тысячи эльдаров Алайтока, в
сердцах которых была жива память о
павших.

Они скорбели о смерти тех, кого
знали, но не могли дать полную волю своей
печали, чтобы она не поглотила их. Это
было уделом плакальщиков, которые

посвятили себя излиянию тех чувств, что
несла с собой смерть, давая возможность
остальным вспомнить о погибших со
спокойным сожалением и не терзаться
чувством вины.

Корлангриль угрюмо наблюдал за
тем, как тихо скользило одно укрытое
саваном тело за другим, пропуская мимо
ушей рыдания и сдвоенные вопли
плакальчиков. Он пытался воскресить в
себе ту скорбь, что испытывал раньше на
подобных печальных церемониях, но теперь
почти ничего не чувствовал. Возможно,
дело в количестве, хотя, с другой стороны,
каждый из них ушел из жизни. Двадцать
четыре эльдара погибло во время атаки.

Будут и другие похороны в недалеком
будущем, но они не сравнятся с этими ---
так велика скорбь, охватившая всю
общину. Еще двадцать воинов находились в
Палатах Исцеления, некоторые из них
вели почти безнадежную борьбу с ранами,
которые не мог излечить даже Локон Уши.
Здесь весь Алайток мог прочувствовать
свое горе. Меньшие церемонии для гругей и
семей погибших пройдут позже, когда

катни души умерших станут одним целым с Бесконечным Круговоротом.

Мимо проплыл саван с рунной Армуса. Корландриль закрыл глаза, и на него нахлынули воспоминания.

Это был канун Праздника Озарений. Корландриль танцевал с Тирианной, в то время как Армус и Маэртун наливали себе добрые порции из черного хрустального графина.

— Что это вы принесли? — весело спросила Тирианна. — Какой-то особенный напиток?

Она с середины дня попивала летнее вино, и теперь несколько неуверенно держалась на ногах. Корландриль, поддерживая девушку, наслаждался ее близостью, хотя и не прижимался к ней настолько, чтобы это казалось неуместным.

— Этот рецепт — семейная тайна, — заявил Армус и, наполнив до половины два стакана, предложил их Корландрилю и Тирианне. Танцующие развелись и сели за низкий стол у тихо булькающего потока, который извивался по Долине

Полночных Воспоминаний. Освещение купола было все еще ярким, светильники сияли над ними подобно сотне солнц, но скоро здесь станет темным-темно, как в глубочайших безднах меж звезд, и лишь призрачный свет путеводных камней и сверкающие украшения в волосах и на шеях будут нарушать эту темноту. Это было Время Тени, перед Праздником Озарений, ночь перед днем, скрытые и темные наслаждения перед разоблачающим светом. Этой ночью все могли без угрызений совести потакать своим страстям, чтобы на следующий день избавиться от этих воспоминаний.

Корлангриль попробовал густую жидкость, такую же черную, как и темнота, из которой она появилась. Она слегка пенилась и чуть-чуть горчила, оставляя приятное послевкусие.

Он поднял стакан, приветствуя Артура и Маэруна.

— Поздравляю вашу семью с тем, что ей удалось так долго держать в секрете столь восхитительный напиток!

— Это всего лишь сугеречная вода и

ночной виноград, смешанные с огненной
пряностью, облачным фруктом и сахарной
пудрой, -- растеялся Артурис. -- Будьте
осторожны, на вкус это невинно, но
скрывает в сердцевине жало, подобное
копью Анакондина!

-- Ночной виноград? -- воскликнула
Тирианна, поставив на стол нетронутый
стакан. В ее глазах вспыхнул гнев. -- Это
непочтительно. Взять то, что выросло в
Садах Вечного Утешения, и использовать
для опьянения! Что бы вы сделали, если б
ваши намогильные цветы таким образом
использовали?

Устехнувшись, Артурис взял стакан и
осушил его одним глотком.

-- Если с моего участка, ты бы и
погавилась!

Это воспоминание взбуроражило
Корландриля. Ему не следовало это
вспоминать -- Праздник Озарений должен
был уничтожить все воспоминания. Какие
еще двери в своем разуме он открыл, когда
обращался к Локону Уши?

Закрыв глаза, Корландриль
представил себе Артуриса в виде статуи.

обесстерченным в черном драгоценном
камне, с множеством резких граней, но с
полостью внутри, хранящей бутылочку его
тайного полуночного коктейля. Это будет
подходящей наградой тому, кто открыто
принимал все темное, что скрывалось в
нем, и тем не менее неистово бился за то,
чтобы принести свет в жизнь других.

Его смерть была преждевременной.
Он, как и многие другие, пожертвовал
своей жизнью, чтобы будущие поколения
жили спокойно.

Открыв глаза, Корландриль
внимательно остотрел собравшихся. Среди
них были аспектные воины, но они отнюдь
не составляли большинства. Не было ни
одного экзарха, ибо согласно традиции
присутствие жрецов Кхаина на таких
церемониях не одобрялось. Разносчикам
разрушения не позволялось оплакивать
плоды трудов своих. Для остального
Алайтока экзархи были уже мертвы, и
никто не станет оплакивать их кончину,
хотя их деяния будут помнить и
почитать. Толпа в сдержанном безмолвии
смотрела, как славные мертвецы

проплывали сквозь Врата Прощаний, белую арку, увенчанную золотой рунной Алайтока.

Тишина приводила Корлангриля в смятение. Эти эльдары отдали свои жизни не за безмолвное созерцание и уважительное спокойствие, но за жизнь, за счастье, радость и веселье тех, кто сейчас собрался вокруг них, и тех, кто придет в будущем. Их смерть прискорбна, но такой конец не перечеркивал их жизненных достижений. Даже их души будут продолжать существовать в Бесконечном Круговороте. Это — переход от телесного к бестелесному, а не окончательное прекращение жизни, понял Корлангриль и впервые посмотрел на похороны другими глазами.

— Прощай, Артүис! — воскликнул он, подняв руку в приветствии телу своего друга, которое исчезало в сиянии врат. — Ты жил так, как хотел, и погиб благородно! Скоро я навещу тебя!

Корлангриль почувствовал нарастающее вокруг возбуждение и множество встретившихся на себя

взглядов. Он повернулся к стоящему рядом эльдару, молодому парню, идущему, возможно, по своему первому Пути. Юноша осуждающе нахмурился.

— Разве то, что я говорю — неверно? — спросил Корландриль. — А ты будешь однажды готов отдать свою жизнь, как той груг? Тебе захочется, чтобы те, с которыми ты разлучен навсегда, были счастливы, или ты захочешь, чтобы они все горло воздавали тебе должное?

— Это — неподходящее место... — заявила суровая женщина слева от Корландриля. Положив ладонь ему на руку, она притянула его ближе и прошептала на ухо: — Ты позоришь себя и гугу твоего груга.

Выдернув руку, Корландриль оттолкнул ее. Он хотел сделать это осторожно, но она упала, тяжело шлепнувшись оземь. Корландриль наклонился, чтобы предложить ей руку, но другие эльдары, поджав губы, с осуждающими взглядами, оттеснили его в сторону.

Выпрямившись, женщина поправила

складки своей мантии и посмотрела на Корландриля.

--- Тебе здесь не рады, --- жестко сказала она, и повернулась к нему спиной, намеренно и медленно. Остальные сделали то же самое, оставив Корландриля в расширяющемся круге изоляции.

--- Что за нужда мне в рабленном внимании остальных? --- проворчал он. --- Некогда вы жаждали знакомства со мной, и я потакал вам. Вы значите для меня меньше, чем Артурис. Его я называл другом и не осуждал, и, в свою очередь, он не порицал меня и называл другом. Кто еще здесь мог бы сказать то же самое?

Рывнувшись последний раз, Корландриль гордо прошествовал через усеянный цветами луг к ожидавшему его небесному катеру.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭКЗАРХ

НАСЛЕДЬЕ

Во время Войны в Небесах Кхаин обрушил на эльдаров неисчислимые беды. Ультанаш сначала отказывался сражаться, заявив, что у Кхаина раздор с Домом Эльданеша, а не со всеми эльдарати. Однако ярость Кхаина вовсе не была такой ограниченной, и в Доме Эльданеша нашлись те, кто вспомнил горькое расставание с Ультанашем. Испорченные Кхаином, они набросились на последователей Ультанаша, и разгорелась война между Домати. Кхаин был доволен, но Ультанаш, в конце концов, отказался от своего пацифизма и взялся за копье, но не для того, чтобы противостоять Дому Эльданеша, но чтобы объявить войну Кроваворукому. Поняв, что бог войны — их общий враг, Дом Эльданеша заключил мир с Ультанашем, и они вдвоем стали биться бок о бок, как делали исстари. Но были в обоих Домах и эльдары, зачарованные войной, и Кхаин настроил их друг против друга, и они стали убивать любого

противника, невзирая на верность. Они стали творениями Кроваворучого бога и повернулись против себе подобных.

Чем больше времени Корлангриль проводил в храме, тем меньше он думал о смерти. Теперь он был окружен ею, будучи и ее посланцем, и ее целью. В его голове мелькали смутные всполохи воспоминаний о сражении с людьми: краткие эпизоды разрушения и убийств, глящиеся считанные мгновения. Эти воспоминания не несли с собой никаких ощущений, словно пьеса без слов или безмолвная опера. Это были просто события, которые произошли.

Однажды после тренировки Корлангриль упомянул об этом мимоходом в разговоре с Архулешем. Его товарищ, Жалящий Скорпион, застыл на месте и направил пронизывающий взгляд на Корлангриля.

--- Ты вспоминаешь сцены кровопролития?

--- Только образы, --- ответил он. --- А ты --- нет?

--- Нет! Я бы и не хотел этого. Я

ощущаю эти воспоминания внутри себя, глубоко в тенях своей души, и этого достаточно, чтобы мне стало тошно от чувства вины и гора.

--- Я не понимаю. Все мы знаем, что проливали кровь и убивали. Это --- неоспоримый факт. Мы --- аспектные воины, именно это мы и учились делать. Я больше не художник, но все еще могу посещать скульптуры, которые создал.

--- Есть разница между рациональным признанием факта и эмоциональной связью. Твои скульптуры были плодом твоих действий, а не воспоминанием о них. Скажи мне, Корландриль, что ты чувствовал, создавая свой первый шедевр?

--- Это было... --- Корландриль затялся. Он не был уверен в ответе. --- Было ощущение успеха, наверняка. У освобождения. Да, определенно, мгновение творческого освобождения, когда скульптура была завершена. Во многом похоже на прилив энергии, который я почувствовал в своем первом бою.

--- Это опасно! --- воскликнул Архулеш, отшатнувшись от Корландриля.

--- Твой страх ничем не оправдан, ---
сказал Корландриль, протягивая руку,
чтобы успокоить товарища. --- Что так
тебя поразило?

--- Ты сравниваешь акты созидания и
разрушения. Это --- нездоровое проявление.
Если ты продолжишь в этом направлении,
то будешь полнить радость, которую
чувствовал, и это будет сигналом о чем-то
очень серьезном.

--- Почему ты так произвольно
отделяешь смерть от жизни, разрушение
от созидания?

--- Потому что-то, что создано,
может быть уничтожено, то есть
возвращено в прежнее состояние, но с
разрушением это невозможно! Ты можешь
возненавидеть статую, которую изваял, и
разнести ее на тысячу кусков, но
воспоминание о ней останется. Со смертью
это не так. Ты никогда не сможешь
вернуть тех, кто был убит, ты не
сможешь пожаловать им дар Ции.
Поскольку это действие нельзя развернуть
вспять, воспоминания о нем не должны
оставаться.

--- Корландриль все еще носит свою маску со времени последнего боя и не может снять ее.

Обернувшись, Корландриль и Архүлеш увидели Аранарху, который выходил из апартаментов Кенайната. Экзарх Смертельной Тени вышел следом за ним.

--- Это оказалось бы слишком скоро, гораздо быстрее, чем я видел, я в этом не уверен.

--- Он сам признался в этом, он видит то, что видят наши глаза, он сказал то, что мы слышали, находясь внутри, --- ответил Аранарха.

--- Нет, это --- неправда! --- выпалил Корландриль. --- Я исполнил ритуалы, я снял свою боевую маску.

--- Тогда тебе нечего бояться, выходи из этого мрачного места, иди на свет, наружу, --- сказал Аранарха с вызовом.

--- И пойдү! --- заявил Корландриль. Он повернулся к Архүлешу, который все еще настороженно смотрел на него. --- Пойдем, мой друг, давай отправится на Луга Сверхений, и ты сложишь больше рассказов мне об Элиссанадрин.

Взяв Архүлеша под руку, он потащил его к двери. Когда они шли по проходу, до них донесся предостерегающий голос Кенайната, слова которого предназначались его товарищу-экзарху.

— Это была ошибка, его разум полон противоречий, он будет искать противника.

— Да не обращай на них внимания, — сказал Корландриль с вытученным стеешком. — Они просто завидуют нашей свободе.

Архүлеш промолчал.

Вскоре после того, как они вышли из храма, Архүлеш отказался от приглашения Корландриля, сославшись на ранее условленную встречу. Корландриль прикинул возможности выбора.

Он не чувствовал никакого желания ваять, в его апартаментах было уже три незаконченные работы, и ни одна из них не привлекала его. Ему не хотелось ни есть, ни пить. Его попытка выманить Архүлеша на прогулку была порождена в большей степени скукой, нежели желанием побыть

в компании.

Он решил, что Элиссанагрин сможет вытащить его из тоски, которая медленно нарастала в нем после последнего сражения. Ведь она — Жалящий Скорпион, и поймет, какую скуку он испытывает.

Надеясь выяснить, где находится Элиссанагрин, он подошел к терминалу Бесконечного Круговорота неподалеку от дверей храма. Положив ладонь на кристальную поверхность, он попытался соединиться с душами, пульсирующими внутри. Связь оказалась мимолетной, энергия Бесконечного Круговорота сопротивлялась взаимодействию с ним. Корландриль не был духовидцем и не умел вступать в общение с Бесконечным Круговоротом, предугадывая его стяжение. Он убрал пальцы с кристальной поверхности, мысленно сосредоточился на Элиссанагрине и сделал еще одну попытку.

Как и прежде, он на короткий миг ощутил Алайток изнутри, получив представление о мире-корабле как едином целом, но не смог обнаружить никакого присутствия Элиссанагрин.

Обеспокоенный, он отступил от панели. В переходе не было видно ни одного эльгара, который мог бы ему помочь, поэтому Корландриль направился к Куполу Полночных Лесов, вход в который был совсем рядом.

Яркий свет перехода стенился рассеянным полумраком, когда он прошел под широкой аркой и углубился в лес. Эту часть парка мало посещали из-за близости к нескольким аспектным храмам. Корландриль направился к озерам в центральной части, зная, что их часто посещают многие художники и поэты. Возможно, он увидит Абрахасила. Он не виделся со своим наставником с того времени, как впервые отправился в Смертельную Тень.

Корландриль шагал меж деревьев, а его мысли разбегались. В памяти мелькали воспоминания о встречах под тенистой листвой, но ни на одном из них он не задерживался. Его интересовали тени листьев, которые принимали багрянистый осенний оттенок. Мягкость травы под ногами так манила. Он провел

руками по морщинистой коре лиандерина, его пальцы отмечали каждый изгиб и нарост.

Все эти мысли занимали его, но не могли вытеснить из сознания самые важные навыки. Световое пятно могло выдать его присутствие, и он придерживался тени. С неравными интервалами он менял направление движения, чтобы не приближаться к цели по прямой. Он постоянно всматривался в отверстия меж корней и ветви в поисках признаков опасности, хотя в Куполе Полночных Лесов не было угрозы крупней, чем рассветный сокол.

Нараноя Корландриля только усилилась, когда он услышал спереди голоса. Он покрыл значительное расстояние, не зная, сколько прошло времени. Сутерки под тяжелым небосводом сгущались, под куполом начиналась ночь. Он вошел в него вскоре после Времени Очищения в промежуточном цикле.

Между деревьев заблестела вода. Пслышалось движение, и на дорожке

впереди появилась какая-то фигура.

Корландриль скрылся за стволом дерева прежде, чем это осознал, прильнув к тени, как паук к своей паутине. Из своего укрытия Корландриль пристально разглядывал вновь прибывшую. Она была пониже его, черные с золотом волосы высоко изгибались над бледным лбом. Длинный хвост ее мягкой белой туникой качался под нежным ветерком, маняще изгибаясь у нее за спиной. Она смеялась, уставившись в бледный экран кристаллического планшета.

— Прости за то, что нарушил твое уединение, — произнес Корландриль, ступая на дорожку.

Девушка вскрикнула, и читалка выпала из ее руки. Она подхватила ее прежде, чем та упала на деревянную дорожку и быстро выпрямилась. Корландриль приблизился, протянув руку в извинении.

— Я не хотел тебя испугать, — сказал он.

— Зачем ты так незаметно подкрался ко мне? — спросила она. Теперь,

когда у нее появилось минутка, чтобы рассмотреть Корландриля, она сделала робкий шаг назад. Голос ее звучал приглушенно. -- Что ты от меня хочешь?

Корландриль не мог понять причины ее беспокойства. Он застал ее врасплох, но это не могло служить оправданием такого настороженного поведения.

-- У меня есть вопрос. Тебе приходилось в последнее время встречать какие-то трудности с Бесконечным Круговоротом?

-- Мне -- нет, -- сказала она сухо. Она говорила резким тоном, ее язык был формальным и холодным. Хотя они были незнакомы, это не оправдывало таких суровых манер.

-- Это был достаточно простой вопрос, -- заметил Корландриль. -- Я не понимаю твоей враждебности.

-- А я -- твоей, -- сказала она, отворачиваясь. -- Оставь меня в покое.

Ошеломленный Корландриль смотрел, как она быстро ушла назад, к озерам. Тогда он решил проанализировать, что произошло.

Корландриль скрылся за стволом дерева прежде, чем это осознал, прильнув к стволу, как паук к своей паутине. Из своего укрытия Корландриль пристально разглядывал вновь прибывшую. Она была ниже его, черные с золотом волосы высоко изгибались над бледным лбом. Длинный хвост ее мягкой белой туники качался под нежным ветерком, маняще изгибаясь у нее за спиной. Она стаялась, уставившись в бледный экран кристаллического планшета.

— Прости за то, что нарушил твое единение, — произнес Корландриль, выходя вперед в стойке Клешня С Восходящим Солнцем, правая рука согнута для защиты, левая рука поднята для удара.

Девушка вскрикнула, и читалка выпала из ее руки. Она подхватила ее прежде, чем та упала на деревянную дорожку и быстро выпрямилась. Корландриль приблизился, двигаясь вперед боком, с вытянутой в положение Выпад Змеи правой рукой.

— Я не хотел тебя испугать, — сказал он, приняв положение покоя.

Корландриль смотрел, как она уходит, удивляясь, как это вышло, что он так легко, не думая, принимал ритуальные стойки, и почему он этого не осознавал. В его голове соперничали две версии одного и того же происшествия: одна — событие, как оно произошло, вторая — его более сознательное размышление о нем.

Усуг и гнев незнакомки доказывали, что его воспоминание об инциденте верно, а вот его восприятие было неверным. Он выслеживал ее как добычу. Встревоженный, Корландриль повернул от озера и направился назад, в лес, тем временем свет потускнел, и Полночный Лес стал соответствовать своему названию.

Корландриль не мог размышлять. Слишком многое здесь отвлекало: шелестящая листва, порхающие насекомые, ухажующие птицы, визжащие существа.

Он пытался сосредоточиться, но мгновенно реагировал на каждое движение,

то взглядываясь в сонящего шиноеда, то вслушиваясь в биение крыльев над головой. Его внимание привлекало даже слабое раскачивание деревьев, и он внимательно наблюдал за каждой движущейся тенью, созданной светом Нурианатир, прежде чем вернуться к своим раздумьям.

Большую часть ночи он просидел в прощепе, вдали от тропинок, популярных среди влюбленных и философов, пытаясь хоть как-то успокоиться.

Когда защитное поле купола деполяризовалось, чтобы пропускать больше лучей утирающей звезды, разочарованный Корландриль оставил попытки медитации и направился в Смертельную Тень.

Он нашел храм пустым, или, по крайней мере, те его части, в которые имел доступ. Он полагал, что Кенайнат был где-то там, — а где же еще мог находиться экзарх? — но зал госпехов и арсенал были пусты. В безмолвии, под звучащую в голове мантру, Жалаящий Скорпион оделся для тренировки.

Он легко прошел подготовительную фазу, выполнив серию атак и защит, чтобы размять мышцы, которые сводило после выбившего из колеи пребывания в лесу. Выполняя эти движения, он начал мысленно создавать себе противника-тень, готовясь к более серьезным упражнениям.

Ему удалось достигь желаемого сочетания управления своими действиями и их инстинктивности, цепной молнией сверкал в воздухе, повинувшись его прихоти, сплетая узор смертельной пляски клинка рядом с воображаемыми сюрикенами и очередями из тангидбластеров.

На полпути между Поднимающейся Клешней и Эмеей из Тени Корлангриль затер.

У его тени-жертвы было лицо. На самом деле несколько лиц. То были лица людей, которых он убил. Он видел, как они трансформируются одно в другое, их мертвые глаза, разинутые рты.

Со стехом Корлангриль рубанул мечом по горлу видения, начисто снеся голову. Призрак с шорохом распался на

кочки тумана и исчез. Жалаящий
Скорпион продолжил тренировку без него.
Он не нуждался в воображаемом
противнике — он уже пролил настоящую
кровь и покончил с настоящими жизнями.

Он тренировался большую часть дня
и был довольно утомлен к тому времени,
как повесил ценной меч и снял доспехи.
Несмотря на усталость, его разум был
словно в огне, нитало не удовлетворившись
его усилиями. Его терзали голод и жажда,
но желал он не только еды и питья. Ему
хотелось чем-нибудь занять себя. Ему
нужно было какое-то развлечение.

Он нашел остальных в Полумесяце
Зарождающихся Столетий и сел рядом с
ними, поставив на стол полное блюдо.

--- Хотелось бы послушать
декламацию или, быть может,
посмотреть театральное представление, —
сказал он, прежде чем снова набить рот
едой. --- Что-нибудь волнующее,
драматичное и, возможно, слегка
чувственное.

--- В Куполе Бессердечных Зим дают

«Свидание» Аэйстиана, — сообщила ему Элиссанагрин, наливая себе из графина летним вином, который принес на стол Архүлеш.

— Слишком высокопарно, — ответил Корландриль.

— В Зале Нескончаемых Трудов будет «Плетение филиграни», — предложил Архүлеш, с намеком перевода взгляд на Корландриля на Элиссанагрин. — Возможно, вы вдвоем могли бы пойти.

Корландриль поразмыслил над этим минутку, но отбросил эту мысль. Ему не хотелось отвлекаться во время первого тесного общения с Элиссанагрин. Чем больше он об этом думал, тем менее привлекательной становилась для него мысль о физической близости с его спутницей.

Он покачал головой.

— Мы могли бы погонять на скайраннерах вдоль Узутрудного Пролива. Мне всегда хотелось это попробовать, — предложила Элиссанагрин.

Корландриль вздохнул.

— Это вовсе не так опасно или

захватывающе, как выглядит со стороны, если у тебя есть хоть какой-то опыт управления небесным катером.

--- Не собираюсь больше терять на это время, --- заявил, вставая, Архулеш. --- Ясно, что вас не привлекут мои предложения. Наслаждайтесь летним вином.

--- Постой! --- воскликнул Корландриль. --- Я уверен, мы что-нибудь придумаем. Просто хочу найти чего-нибудь, чтобы убить время.

Все, кто находился в пределах слышимости, повернулись к Корландрилю. В Полутесяце Зарождающихся Столетий воцарилась напряженная тишина.

--- На что вы все пялитесь? --- проскрежетал Корландриль, сдержанно поднимаясь на ноги. --- Неужели никто из вас не тучился от преходящей скуки, которую никак не унять?

Его локоть сжали тугой хваткой, и Корландриль почувствовал, что его тянут вниз, на скалью.

--- Нельзя так говорить! --- прошипела Элиссанагрин. На лице у нее явно читались гнев и потрясение.

--- Дело в моем тоне? Я слишком громко это сказал?

Теперь лицо Элиссанагрин выражало недоверчивость, она дважды открыла рот, но так ничего и не сказала. Корлангриль считал свои слова довольно невинными, но опыт, полученный в Куполе Полночных Песов, заставил его усомниться в этом. Он воспроизвел в уме несколько последних мгновений.

--- Мы могли бы погонять на небесных катерах вдоль Узутрудного Пролива. Мне всегда хотелось это попробовать, --- предложила Элиссанагрин.

Корлангриль вздохнул, и его губы выгнулись в пренебрежительной устешке.

--- Это вовсе не так опасно или захватывающе, как выглядит со стороны, если у тебя есть хоть какой-то опыт управления небесным катером.

--- Не собираюсь больше терять на это время, --- заявил, вставая, Архүлеш. --- Ясно, что вас не привлекут мои предложения. Наслаждайтесь летним вином.

--- Постой! --- воскликнул Корлангриль. --- Я уверен, мы что-нибудь

придумает. Просто хочу найти чего-нибудь, чтобы убить.

Вспомнив все до конца, Корлангриль был поражен.

--- Убить время! --- равкнул он. --- Я хочу найти чего-нибудь, чтобы убить время!

Элиссанагрин явно осталась неубежденной. Корлангриль собирался было доказывать, что это была невинная оговорка, но не стал этого делать.

Жужжащий клинок Корлангриля вскрыл первого вдоль позвоночника от шеи до пояса, окатив аспектного воина кровью и осколками позвоночника, при этом влажные брызги были гармонично озвучены стуком костей.

Это мгновение поистине было приятным. Прежде он помнил только лица, но теперь к нему вернулось и воспоминание об артистизме, с которым он действовал своим оружием. А ощущение... Один лишь намек на него вызвал трепет во всем теле, взбодоражил кровь, обострил внимание ко всем деталям окружающего. Дыхание Элиссанагрин на

его щеке и нежный аромат лесных цветов
в ее волосах. Жар ее тела. Даже ее кровь,
пульсирующая в артериях и венах,
струящаяся прямо под кожей.

Какая яркая красная краска из нее
получилась бы.

— Мне не нравится, как ты на меня
установился, — сказала она, отшатнувшись
от Корлангриля.

Вздрогнув, он усилием воли заставил
себя сосредоточиться. Встав, он отвесил
церемонный поклон извинения и бросился
бежать.

Храм Смертельной Тени не
приветствовал возвращения Корлангриля.
Он опробовал все входы, о которых знал, и
ни один из них не открылся при его
приближении. Даже Бесконечный
Круговорот отказывался признать его
присутствие. Не понимая, что это
предвещает и что предпринять дальше,
Корлангриль вернулся к главному входу и
забарабанил кулаком по двери.

— Это ты сделал, Кенайнат? —
спросил он, и его голос отдался холодным

эхот на подъездной дороге.

В ответ последовала тишина, и он, разозленный и беспомощный, простоял там некоторое время. Когда он уже собирался было уходить, дверь отворилась, открыв его взгляду Кенайната в доспехах и шлеме.

— Тебя здесь не ждут, я — экзарх этого места, твой храм — где-то в другом месте.

Голос Кенайната был ровным, лишенным эмоций. Корландриль сделал шаг вперед, но остановился, когда экзарх поднял клешню.

— Я принадлежу к этому храму! Ты не можешь выкинуть меня.

— Ты потерял свой путь, ты должен найти свой храм, такова традиция. Путь кончается для тебя, Кхаин забрал твою душу, ты — экзарх.

— Вздор! — Корландриль издал резкий стешок. — Экзархами не становятся после двух сражений. Это нелепо.

— Твое путешествие было коротким, но сейчас оно завершено, и ты должен это принять. Есть другие храмы, пустые и без вождя, один из них позовет тебя. Так же,

как это было со мной, как это было во
всех нами, теми, кто попал в ловушку на
Пути. Мы еще встретимся, но не как
мастер и его ученик, но как двое равных.

--- Э...

Дверь, прохрушав, закрылась, оборвав
резкий ответ Корландриля. Он привалился
к стене, сжав голову руками. Для него это
было лишено всякого смысла. Он едва
сделал два шага по Пути Воина. Он никак
не мог угодить в ловушку. Что-то пошло
не так, но он -- никакой не экзарх.

Сделав глубокий вдох, Корландриль
выпрямился и сжал кулаки. Он не примет
этого без борьбы.

Сделав несколько шагов от двери, он
остановился. Его стремление к полной
самореализации становилось все сильнее.
Чем больше он сражался со своей судьбой,
тем жестче становилась ее хватка. С чем
же он бьется? С самим собой? С
Тирианной? С Арадрианом? Его страсть к
противостоянию бессмысленна. Апатия,
наполнявшая Корландриля после
возвращения с битвы против людей,
изводила его. Неужели это -- навсегда?

Узбавится ли он когда-нибудь от этого
аторфного чувства, которое пожирало его?

Кенайнат прав. Корландриль жаждал
той пляски между жизнью и смертью
больше, чем чего бы то ни было в своей
жизни --- лести, признания,
самопробуждения, все это просто
ничтожно в сравнении с тем, как
приливает кровь в битве, и истинным
наслаждением --- сразить врага и добиться
победы.

Оставалось только одно место, где он
мог получить нужные ответы. Оставив
позади Смертельную Тень, Корландриль
нашел платформу небесных катеров. Взяв
один из них, он включил автопилот и ввел
пункт назначения --- Палату автархов.
Включив двигатели, он в смятении
утчался прочь.

Огромный зал был пуст. Корландриль
шагал по широким ступеням, глядя на
глинные круги рун вокруг центрального
возвышения, каждая из них представляла
аспектный храм. Некоторые были
истерты ногами многих поколений, другие

оставались такими же яркими, как в тот день, когда были вырезаны. Медленно идя по кругу, он понял принцип, по которому они располагались. Самые старые храмы находились в центре, многие из них относились к Зловещим Мстителям, Жалящим Скорпионам, Воющим Баныши, Пукирующим Ястребам и Темным Жнецам. Были и копии, их руны — тщательное воспроизведение руны родительских храмов, они располагались все дальше от возвышения. Появлялись новые руны неизвестных ранее аспектов — Кристальные Драконы, Варповые Пауки, Сверкающие Конья. Перед его глазами разворачивалась по спирали — от центра вперед — история воинского прошлого Алайтока.

На ступени, находящейся в самой глубине, Корлангриль остановился. Он стоял на руне Жалящего Скорпиона. Пристотревшись, он прочел илъя, начертанное простыми завитками и изогнутыми поперечными штрихами. Скрытая Смерть. Оно было ему незнакомо, хотя он, конечно, не знал названий всех

аспектных храмов на Алайтоке.

Скрываясь, он пришел к аспектным воинам и попал в ловушку смерти. Казалось, в этом есть смысл. Не это ли имел в виду Кенайнат?

Корландриль быстро вернулся к небесному катеру и ввел пункт назначения — Храм Скрытой Смерти. Поднявшись в воздух, катер повернул на полкруга и рванулся к выходу из зала в сторону внешней поверхности мира-корабля. Он вел в лабиринт туннелей, который Корландриль видел по пути сюда из Смертельной Тени. Влево, вправо, и затем — вверх через вертикальное ответвление, и катер поднялся в сторону доков Алайтока, набирая скорость. Ветер дергал волосы Корландриля и рвал хлопающие полы одежды, а катер заложил круто по дуге вправо и снова по спирали вниз, проносясь мимо других перекрестков.

Даже на этой весьма значительной скорости Корландриль запоминал маршрут, запечатлевая в памяти каждый поворот и стену направления. Чем дальше он летел, тем сильнее становилась

надежда. Его наполняло не возбуждение от
бешеной скорости полета, но ощущение
причастности, к которому он стремился.
Вдоль туннелей и перекрестков небесный
катер нес Корлангриля навстречу его
судьбе. Она пела в ушах ударами сердца, и
эта песнь звучала в каждой клетке его
тела.

Это и был зов, о котором говорил
Кенайнат.

Настало уже Время Раздвигий, когда
небесный катер стал замедлять полет,
быть может, на полпути по внешней
стороне Алайтока от Смертельной Тени,
это было почти предельно достижимое
расстояние. Совпадение ли это?
Корлангриль быстро отбросил эту мысль.
Здесь нет места совпадениям.
Бесконечный Круговорот, великий разум
Алайтока, привел его сюда, так или иначе.
Жалящий Скорпион не вводил себя в
заблуждение, деля вид, будто понимает
все, что происходит, но был вполне доволен
тем, что его несет сейчас вперед на
приливной волне. Он сбился с Пути и

потерялся, поэтому ему неважно, кто
ведет его сейчас. Оставалась
единственная надежда — отыскать покой
битвы, которого ему так мучительно не
хватало.

Небесный катер остановился перед
неприметной аркой с закрытыми
цельными дверями изумрудно-зеленого
цвета. Снешившись с катера, Корлангриль
отпустил его, и он утчался за поворотом
прохода. Нерешительно, опасаясь, что и
это место также отвергнет его,
Жалаящий Скорпион приблизился к
воротам.

Со вздохом они распахнулись внутрь,
оттуда выкатилась волна теплого воздуха
и заключила Корлангриля в свои
воздушные объятия. Он закрыл глаза,
наслаждаясь крепким пряным ароматом и
легким прикосновением ветерка к коже,
ощущая сквозь опущенные веки яркое
сияние, словно рядом было солнце. Открыв
глаза, он дважды моргнул, чтобы зрение
адаптировалось, и окинул взглядом свой
новый дом.

Низкие дюны красного песка тянулись через весь купол, их границы были размыты расстоянием. То тут то там росли кустарники катальны с маленькими, но обладающими острыми запахот фиолетовыми цветами. Слева от него низко висел полыхающий шар, словно невероятно близкое солнце, и пока Корландриль смотрел на него, он опускался все ниже и ниже, пока совсем не исчез из вида, и остался лишь сумеречный отсвет, хотя на остальной территории Алайтока, наверное, только недавно миновал полдень.

Корландриль сбросил ботинки и мантию и развязал ленты, стягивающие волосы. Босым и нагим он перешагнул через порог и зашагал в дюны, ощущая песчинки под ступнями, их скольжение между пальцами.

Ворота со свистом рассекли воздух и захлопнулись, но Корландриль этого даже не заметил.

Он бродил по этому новому для себя ландшафту, привыкая к своему положению и к его атмосфере. Это совершенно не похоже ни на один купол, что он видел

раньше. Искусственное солнце исчезло, оставив только красную дымку. Где-то вддали он видел мерцание психосилового поля и свет Мурианатир. Он направился туда.

Корлангриль приближался к центру пустыни, его следы тихо заметал ветерок, и тут он почувствовал какие-то толчки. Остановившись, он определил, что они исходят откуда-то слева. По мере того, как он продвигался в этом направлении, толчки становились сильнее, с дюн стали скатываться песчаные волны.

Взобравшись на особенно высокую дюну, Корлангриль увидел глубокую чашеобразную котловину с тонкой и высокой стеной по краям. Песок внутри стены возбужденно плясал и подпрыгивал. Вдруг что-то взметнулось вверх из чаши, разметав в стороны песок. Это был зиккурат из желтого камня, чуть меньше Храма Смертельной Тени, со ступенчатых полок сооружения во все стороны текли красные песчинки. При его появлении все вокруг затряслось, песок стал уходить из-под ног Корлангриля, и он

едва удержался, чтобы не упасть.

Из щелевидных окон и дверных проемов нижнего уровня зияла сверкающая белый свет. С радостным криком Корландриль потчался вниз по склону к храму. У низкого прохода, в который с трудом можно было пройти, не пригибаясь, он остановился и сделал глубокий вдох. Это не помогло ему справиться с охватившим его возбуждением. Это место — словно воплотившиеся в жизнь грезы. Корландриль прикоснулся к грубой поверхности дверного проема, дабы убедиться, что это не иллюзия. Руками он ощущал вязкость света, льющегося из храма, а кожей — его тяжесть, но катники были самыми настоящими.

Когда он, почти ослепленный, вступил в дверной проем, свет исчез, и все погрузилось во тьму. Сердце Корландрия на мгновение дрогнуло, и он застыл на месте, ошеломленный внезапной переменой. Как только его глаза привыкли, он заметил красноватый отсвет из-за угла впереди. Быстро зашагав на этот тусклый свет, он повернул налево из

главного прохода в боковую залу. Свет, который попадал сюда из арки напротив, стал сильнее, семь крутых ступеней по сводом вели вниз. Спустившись по ним на Уобразную площадку, Корландриль оказался перед двумя грухими арками. Свет шел из левой и теперь был достаточно ярким, чтобы он мог разглядеть обе стены прохода.

Идя на усиливающийся свет, Корландриль шел и шел по коридорам и сводчатым проходам, пока не оказался в комнате с низким потолком, которая напотинала зал для поединков Храма Смертельной Тени. Здесь не было круга на полу, но в центре располагалась стойка с комплектом госпехов тонкой работы. Свет шел из красных драгоценных камней, инкрустированных в темно-зеленые пластины госпехов. Свет менялся — это камни дыши. Всего их семь, и каждая содержит сущность мертвого эльгара.

Корландриль стоял перед госпехами, восхищаясь их основательностью, изгибати пластин. Протянув руку, он коснулся нагрудника. Его путеводный

камень в ответ ярко вспыхнул, и его сияние слилось с блеском камней души господехов. В сознании Корландриля пробежал всполох какого-то воспоминания, и он отдернул руку.

Воспоминание исчезло. Возможно, это была игра воображения.

Обходя господехи со всех сторон, Корландриль внимательно изучал их. Они были тяжелее обычных аспектных господехов, их пластины были усилены дополнительными накладками, а ребра покрыты золотом. Работа была изумительной, каждый изгиб и каждая линия являли собой гармонию функциональности и стиля. Жалаящий Скорпион провел пальцем вдоль тыльной стороны рукавицы, грожа от предвкусения.

Его вновь пронзила искра воспоминания.

--- Это --- мое, --- прошептал он, и комната поглотила его голос.

Твое...

Этот голос был не голосом, но мыслью. Была ли это собственная мысль

Корландриля или чья-то еще?

--- Я буду Скрытой Смертью.

Скрытой Смертью...

Мысль-эхо глупая мгноление и
исчезла, не оставив никакого следа в его
памяти.

Корландриль надолго устоялся на
доспехи, размышляя о том, кто создал их,
кто владел ими, что за враги пали от
руки тех, кто носил их.

Ответы...

Время сомнений и размышлений
закончилось. Хорошо это или плохо, но
Корландриль пришел в это место --- или
его привели сюда? --- именно здесь все и
переменится. Для того, кто так боялся
перемен, это --- окончательный ответ. Он
больше не будет меняться. Он станет
Скрытой Смертью и останется ею, пока
его не убьют. Он сдавался с готовностью,
оставив сомнения позади, больше не нужно
будет отчаянно стараться
приспособиться, и война внутри
завершится перетиранием.

Все, что ему оставалось сделать, ---
принять то, чем он стал, и нагнетать

госпехи.

--- Война, смерть, кровь --- вот и все, что остается. Я --- экзарх Корландриль.

Экзарх Морланиат.

Это имя ничего не значило для Корландриля, не считая далекого воспоминания, но он не мог понять, что это. То ли это чье-то воспоминание о битве, которое он когда-то слышал, то ли это имя, которое держат для себя и ни с кем не делятся.

Время пришло.

Снимая госпехи со стойки, он шептал мантру, которая позволит ему закрепить боевую маску навсегда. Незванные слова менялись на пути между мозгом и языком, но он произносил их уверенно, как если бы именно так и собирался их говорить навсегда.

--- Мир нарушен, согласие уступает место раздору, остается только война.

Когда он надевал первые фрагменты госпехов, к нему присоединился голос-тень.

--- А теперь мы облачаемся в одеяние кровавого Кхаина как истинные воины.

--- А теперь мы облачаемся в одеяние

кровавого Кхаина как истинные воины.

В его сознании мелькали образы --- воспоминания не из его жизни. Его мозг жгла боль, он словно растягивался, чтобы вместить в себя события целой --- новой --- жизни. Лица грузей, которых он никогда не встречал, родителей, которые его не создавали, врагов, которых он никогда не убивал. Такое множество мертвых лиц, тысячи --- в стремительном потоке страданий и смерти, и на всем его протяжении в ушах Корлангриля раздавался торжествующий хохот.

И, наконец, мгновение полной черноты, агония и конец.

Словно автомат, Корлангриль продолжал напевать доспехи, следующая строка мантры слетала с его губ почти неслышным шепотом, и ее подхватывал другой голос в его голове.

--- В железную кожу Кхаина мы облекаемся для битвы, пока внутри полыхает огонь.

--- В Железную Кожу Кхаина Мы Облекаемся Для Битвы, Пока Внутри Полыхает Огонь.

Новая буря воспоминаний, еще больше боли, больше смертей. Корлангриль попытался сосредоточиться на чем-то, известном ему, как его собственная жизнь.

Он провел пальцами по сапфировым волосам Ориелли, целуя ее шею, огонь костра подсвечивал ее скуластые щеки.

Нет! Это -- не его воспоминание. Он никогда этого не делал. Он никогда не знал Ориелли. Корлангриль попытался вновь, но из него продолжала выплескиваться мантра, и его слыла очередная приливная волна ложных воспоминаний.

-- Железная кровь Кхаина, в которой мы черпаем свою силу, разрастается внутри нас.

-- ЖЕЛЕЗНАЯ КРОВЬ КХАИНА, В КОТОРОЙ МЫ ЧЕРПАЕМ СВОЮ СИЛУ, РАЗРАСТАЕТСЯ ВНУТРИ НАС.

-- Война надвигается на нас, мы несем ее темное бремя на своих широких плечах.

-- ВОЙНА НАДВИГАЕТСЯ НА НАС, МЫ НЕСЕМ ЕЕ ТЕМНОЕ БРЕМЯ НА СВОИХ ШИРОКИХ ПЛЕЧАХ.

Личность Корлангриля становилась

все меньше и меньше, обращаясь в точку, и ее захлестнула волна личностей из калней души. Он словно тонул во тьме, отчаянно толоча руками, чтобы сохранить какое-то самоощущение, борясь с потоком, заливающим его хрупкий разум.

--- Встань перед Кхаином, уверенный в нашем призвании, свободный от всех сомнений и страха.

--- ВСТАНЬ ПЕРЕД КХАИНОМ, УВЕРЕННЫЙ В НАШЕМ ПРИЗВАНИИ, СВОБОДНЫЙ ОТ ВСЕХ СОМНЕНИЙ И СТРАХОВ.

Мертвецы исчислялись десятками тысяч. Бессчетные жизни уничтожались руками тех, кто носил эти доспехи. Существа всех рас, часть из них --- воины, многие --- нет. Жертвы кровавых убийств Кхаина.

Корландриль стонал, отдавая остатки сострадания тем, кто был убит, ничего не оставляя будущим жертвам.

--- Мы не убегаем от смерти, мы шагаем в тени Кхаина, гордо и без страха.

МЫ НЕ УБЕГАЕМ ОТ СМЕРТИ.

ТЫ ШАГАЕШЬ В ТЕНИ КХАУНА,
ТОРДО И БЕЗ СТРАХА.

ТЫ НАНОСИШЬ УДАР ИЗ ТРАКА,
КАК БЫСТРЫЙ СКОРПИОН,
СТЕРГНОСНЫМ
ПРИКОСНОВЕНИЕМ.

СМОТРИ НЕ ОДНИМИ ГЛАЗАМИ,
НО ПОЗВОЛЬ ИЗЛИТЬСЯ ЯРОСТИ, ДАЙ
ДАРУ КХАУНА ПОДВОДРИТЬ СЕБЯ.

Корлангриль почти исчез, словно
горстка пылинок кружилась в безбрежном
океане сознания.

Морланиат вернулся. Экзарх открыл
глаза, которые были закрыты целый век, и
повернулся к огроному гвурүчному
жалящему клинку, висевшему на стене
позади него. Взяв его, Морланиат
вспомнил название оружия: Зубовный
Скрежет. Подобно встретившимся старым
влюбленным, Морланиат и гигантский
ценной меч стали одним целым, экзарх
поглаживал рукой оружие. Кончики его
пальцев танцевали вокруг острия каждого
лезвия. Приняв стойку готовности,

Морланиат заставил оружие ожить,
пробудив от долгого сна. Его урчание было
таким же легким, как в тот день, когда
оно впервые было окрещено в крови.
Вместе они снова принесут смерть.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В разгаре Войны в Небесах у Кхаина было множество сторонников. Они были заклятыми врагами Детей Эльданеша и Ультанаша из-за того, что жажда крови полностью овладела ими. Однако один за другим чемпионы Кхаина погибали. Кхаин не отказывался от своих слуг так легко и держал у себя их души, оснащая доспехами и оружием, чтобы продолжать войну. Хотя они были столь же кроваворуки, как их хозяин, и эти воины тоже терпели поражение и гибли. И все же Кхаин не отпускал их. Несмотря на угрозы и пытки Кхаина, бог-кузнец Ваул больше не стал давать доспехи и оружие, чтобы Кроваворукий бог мог воссоздавать свои войска. Кхаин не выпускал из своей хватки тех, кто поклялся в верности его делу, и сгавил их вместе своим железным кулаком, чтобы несколько воинов могли сражаться как один, разделив между собой оружие, которое бог сумел предоставить.

Исполнившись ярости Кхаина, воины

призраки уничтожили многих детей Эльданеша и Ультанаша. И все же так велик был их гнев, что эти призраки стали драться между собой. Каждый из призраков, соперничая с остальными, стремился захватить полный контроль над целым, и, в конце концов, они разделились. Призрачная армия Кхаина прекратила существование, так как призраки в конечном счете бежали, ускользнув из его хватки.

Здесь одни лишь кости и черепа, из грозных небес хлещет кровавый дождь, над бесконечной равниной стоит лязг клинков и несутся вопли утирающих.

Он с трудом пробирался среди костей, то и дело скользя и падая. Он размышлял над тем, где оказался и куда теперь погаться, и видел вокруг только смерть. Он пытался кричать, но ветер срывал с его губ слова и уносил их прочь. Он потерялся. Остался один. Как же его зовут? Кто он?

Он осматривал черепа, большие и маленькие: эльгара, человека, триишана,

орка, дечиурга, тиранада и многие другие. В их глазах светились крохотные колдовские огоньки. Он подобрал уродливого голову с резко выраженным хоботом, широко поставленными глазами, с гребнем из костных узелков поперек бровей. Заглянув в ее глаза, он соединился с остатками души внутри.

Небо полыхало всполохами черных языков пламени, а развалины поселения чужаков со всех сторон полосовали ослепительные желтые лучи. Высыпав из своих башен на сваях, кривоногие хрекхи бежали с тарахтящими винтовками в длинных руках. Он легко отпрыгнул в сторону и потчался через вялую реку, разбрызгивая во все стороны грязную воду. Тяжелые гравциклы «Винера» с визгом пролетали мимо, их стрелки, ведя рассеянный лазерный огонь по лесу и каменным башням, косили хрекхов десятками. Он выпрыгнул на дорожку, пролежавшую над мелким озером, легко перенес свое тело через поручень. Воины Скрытой Смерти последовали за ним, потрескивая мандибластерами и паля из

сюрикеновых пистолетов. Преследуемый
мерцающими гравициклатами Сверкающих
Копий, вождь клана хрекхов влетел за
угол, оглядываясь через плечо. Он
набросился на хрекха, вогнав Зубовный
Скрежет между болтающихся сосков, так
что он вышел со спины. Выдернув жалящий
клинок из трупа, он пинком отправил его в
воду.

Череп выпал из его пальцев, и
воспоминание исчезло.

Сколько тысяч смертей здесь
собрано? Как ему найти ту, которую он
узнает?

Он поднял другой череп, человеческий,
но при первой же вспышке воспоминания
понял, что не имеет к нему отношения.
Швырнув его наземь, он наступил на него,
но череп отскочил в сторону из-под его
босой ноги.

Где-то там находится его память.
Нужно продолжать поиски.

Тусклый свет отражался от
псевдокатенных стен комнаты. Опустив
взгляд, он увидел на полу песочные

отпечатки ног. Его отпечатки. Это сбивало с толку. Три поколения он ожидал в этой комнате, ждал, что его найдет тот, кто ответит на зов.

Кто же он?

Мы -- Морланиат.

Это -- его мысли, но не только его одного. Другие смотрели его глазами вместе с ним, сжимали его пальцы вокруг рукоятки глинного цепного меча в руке, ощущали свист воздуха, входящего в его легкие.

-- Кем я был?

Мы Были Морланиат, И Удсресаил, И Леккатетнон, И Этрүин, И Элидхнериал, И Нерүдх, И Ультераниш, И Корландриль.

Корландриль.

Это имя сосредоточило на себе его внимание. Это не единственное его имя, но оно -- самое последнее. Это тело, эти конечности и мозг, и нервы, и кости, -- все они назывались Корландриль. С этим знанием он погрузился в свои воспоминания в поисках правды о том, что произошло.

Он ждал. В течение неопределенного

промежутка времени была только душа.
Тело Ультераниша сразили. Они принесли
доспехи сюда — Кенайнат, Аранарха,
Лирүет и другие экзархи Жалящих
Скорпионов. Двери засыпало песками, и
свет исчез. Это не имело никакого
значения. Кто-то придет, раньше или
позже. Что есть время? Бесмысленная
мера мертвых.

Храм согрознулся. Крохотное
движение. Он очнулся. Он ощущал гнев.
Храм наполнился им. Аватар поднялся. И
все же никто не пришел. Он снова ощутил
сонливость.

Аватар вновь освободился, пробудив
его душу. Никто не пришел. Он не спал. По
храму эхом прокатился шепот. Он донесся
издалека, такой тихий. Он слушал и
учился. Один придет. Он слышал мысли
Новичка. Он разделял гнев и ярость
Новичка, ощущал боль его раны. Он понял
скоро. Скоро он придет.

Он ждал.

Пески стеснились. Новичок
приближался. Его мысли звенели в
комнате, словно цимбалы.

Приди Ко Мне. Я -- Покой. Я --
Решение. Я -- Конец.

Серебряная цепь тежгу нити
укоротилась, и он потянул сильнее. Хра
мозвался и отбросил наносы,
накопившиеся за время жизни предыдущих
поколений. Быстро. Так быстро.

Новичок вошел. Он узнал самого себя.
Он прикоснулся к его госпехам, и две его
части стали на мгновение одним целым.

Ты -- это ты, и ты -- это ты.

-- Это -- мое, -- сказал он, и услышал,
и ответил. Твое...

Новичок заговорил, и он слушал. -- Я
бүдү Скрытой Смертью. -- Скрытой
Смертью...

Последовала минута сомнений,
размышления. Он понимал, чего он искал.
Он всегда искал того же самого. Он был
тем, что он искал.

Ответы...

Новичок взял госпехи, и Морланиат
начал читать мантру. Славное
возвращение было близко.

Теперь он понял, откуда пришел. Он
был не-Корландриль. Он был не-

Морланиат. Он был обоими, и, кроме того, остальными. Он был всеми, и они были им.

Он изучил свои воспоминания. Все они принадлежали ему, но некоторых он прежде не видел. Время пролетало в расплывшемся пятне старых отношений, проигранных и выигранных сражений, длинных и коротких дружеских отношений, поверженных и удержавших врагов, любви и ненависти, рождений, романов, разочарований, старых надежд и новых мечтаний и полудюжины мучительных смертей. Он без усилий переносился от одного воспоминания к другому, не ища ничего конкретного.

И тут одно из них заставило его остановиться. Лицо, которое он знал. Он узнавал все лица, но это было из старых воспоминаний, прежде неизвестных этому телу. Он присоединил к лицу имя.

Бехарет.

Это не совпадало с остальными воспоминаниями. Бехарет этого тела был Жалящим Скорпионом. Бехарет из этого воспоминания был чем-то другим. Он искал в более ранних воспоминаниях

начало этой истории.

Он был Ультеранишем --- сосу́дом скүдельным --- перед этим действующим. Они находились в пау́тине, на корабле. Через высокие арочные окна он наблюдал за ярко светящимися рүчейками психической энергии, которые, кру́жась, проносились мимо.

Зазвучал сигнал тревоги. В пау́тине оказалось что-то еще. Он был одним из Скрытой Смерти, воином, готовым защищать звездный корабль. Не-Нерүгх был экзархом. Он переносился от одной теле-нити к другой, наблюдая за собой как экзархом и видя себя глазами экзарха. Воины Скрытой Смерти последовали за своим экзархом во внешние проходы, ожидая нападения. Борт о борт с их кораблем оказалось другое сүдно, злобещее отражение их боевого корабля --- из Колморры. Резаками и психосиловыми полями они пробили корпус --- толпа участников налета, вооруженных осколковыми рүжьями и потрескивающими клинками. Аспектные воины дали им отпор, впереди была Скрытая Смерть.

Он встретился мечом к мечу с жестокоглазой ведьмой --- одной из Утраченной Родни, почти обнаженной, за исключением нескольких тонких ремешков и изогнутых наплечников. Противница была быстрее, два ее кинжала стремительно летали вокруг его цепного меча. Его броня принимала на себя основную тяжесть ее ударов, при этом от клинков разлетались искры энергии. Он поднял к ее лицу пистолет, и она наклонилась навстречу взлетевшему острию его цепного меча. Лицо ведьмы разделилось надвое, и она рухнула на пол, от ее прекрасных черт осталось лишь кровавое месиво.

За ведьматами последовали другие. Они были в броне, похожей на его доспехи, но окрашенной в черные и белые цвета. Он сразу же узнал их. Инкубы. Искажение аспектов Кхаина, деградировавшие и аморальные. Наемники без принципов и кодекса чести.

В ярости он бросился на ближайшего из них, встретив цепной меч к голове, закрытой шлемом. Инкуб отклонился

назад, его силовая глефа взлетела вверх, отражая атаку. Повернувшись, инкүб нанес удар ногой ему в корпус, и он покачнулся. Его цепной меч, сверкнув по восходящей, отбил удар в грудь, и сияющий наконечник глефы проскрежетал вдоль его правого плеча.

Воины расходились и кружили, то делая обманные выпады, то яростно атакуя друг друга. Глазные линзы инкүба светились желтым призрачным светом. Рассвирепев, он обрушил на противника шквал атак, поливая его из тандибластеров и нанося многочисленные удары цепным мечом то слева, то справа. Инкүб пригибался и уклонялся от всех ударов, и наконечник его глефы выписывал восьмерки перед Жалящим Скорпионом.

Случайная очередь из пистолета Ультераниша попала инкүбу в бедро. Он продолжил атаку стремительной серией ударов в голову и горло, и каждый из них инкүб отбивал в последнее мгновение древком своего оружия. Внезапно изменив направление удара и развернувшись влево, Жалящий Скорпион всадил зубья цепного

меча в нижнюю часть спины инкүба, обломки разогранных доспехов брызнули на пол.

Обратный взмах мечом увенчался скользящим ударом по голове инкүба, отсекая часть доспеха, разбил левую глазную линзу и открыл взгляду Жалящего Скорпиона существо, скрывавшееся под доспехами.

Инкүб бросил на него взгляд, полный ужаса, и, пытаясь защититься, поднял перед собой руку. Это было лицо воина, которого не-Корландриль знал как Бехарета.

У Жалящего Скорпиона не хватило времени на смертельный удар — с пиратского судна хлынула новая толпа воинов, и Скрытая Смерть закружилась в бурлящем вихре отчаянной схватки.

Воспоминания Ультераниша и не-Ультераниша не проливали света на то, что случилось потом. Он погрузился в прошлое не-Нерүидха.

— Он должен быть принят, учеников не отвергают, это — не выбор. — Кенайнат стоял в Палате автархов с не-Нерүидхом, Аранархой, Лирүиет, Кадонилем и

Эльронихиром. Рядом с экзархом Смертельной Тени стоял бывший инкуб, Бехарет, опустив взгляд, спокойный и безмолвный. На нем была простая белая мантия из Палат Исцеления с несколькими выправляющими душу драгоценными камнями -- для ускорения восстановления.

-- Он -- враг, один из темных. Он не может быть одним из нас! -- горячился Кагониль.

-- Это -- не обсуждение, я сделал окончательный выбор и не изменю его.

-- Ты верно говоришь, он -- твой, -- сказала Лирүнет, ее голос был спокойным, но твердым. -- Наблюдай за ним постоянно, никому не говори, заставь работать изо всех сил.

-- Он будет молчать, никто, кроме нас, никогда не узнает тайну Скорпиона, -- заверил их Кенайнат.

Кагониль с отвращением на лице вылетел из зала, Аранарха ушел, не проронив ни слова. Оставшиеся экзархи кивнули в знак согласия и покинули зал.

Хотя он всегда знал это,

воспоминание оказалось для него
потрясением. Бехарет, с которым он
подружился, которому доверял в бою, был
не с Алайтока. Он был даже не с миров-
кораблей.

Он чувствовал себя преданным.
Кенайнат держал это в тайне от всех них,
взяв с Бехарета клятву хранить
молчание, чтобы защитить свою
репутацию.

Опротечиво.

Это Было Решено Большинством.
Вы Не Можете Пересматривать Это
Решение.

Это Всегда Было Сомнительно, Но
Вы Же Меня Не Слушали.

Ты Испытываешь Сомнения По
Любому Поводу.

Тихо! -- подумал не-Корландриль.

Голоса утолкли, Морланиат
напрягся. Кто-то приближался к храму.

-- Привет! -- произнес грожащий
голос.

Неприветствуй Его.

Пусть Обождет.

Кто это?

Твой Первый Ученик.

Тот, Кого Нужно Учить.

Так скоро?

Так Всегда Бывает. Новому Экзарху
Нужны Приверженцы. Храм Взывает К
Ним. Волнует Их Кровь. Большинство
Глухи К Моему Призыву. Их Станет Еще
Больше В Недалеком Будущем.

Как мне учить их?

Мы Уже Многих Учили. Вспоминай.

Это -- Первый Из Многих. Скрытая
Смерть Воспрянет Вновь.

Дрожащими руками Морланиат снял
свой шлем. Медленно и педантично он
расстегнул застежки своих доспехов и снял
их часть за частью, с благоговением
водрузив каждую на свое место на стойке.

Другие голоса утолкли, но их
присутствие ощущалось по-прежнему. В
его голове все так же оставались имена
тех, кого он никогда не встречал, лица,
которых он никогда не видел этими
глазами, враги, сраженные в кровавых
битвах не этими руками.

Одетый в комбинезон, Морланиат

повернул налево, зная, что ступени под
аркой ведут прямо в главную залу храма.
Он ощущал присутствие своего первого
последователя, взволнованного,
разочарованного и сердитого. Такого же,
каким был и он.

Поднявшись по лестнице быстро и
бесшумно, он вошел в главную залу позади
претендента. Новичок молод -- моложе,
чем был он, когда пришел к Кенайнату. Он
чувствовал его тревогу -- она исходила от
него волнами.

-- Мы -- Скрытая Смерть, ты
прислушался к нашему зову, ты, кто
испытывает тревогу. -- Морланиат с
трудом узнавал свой голос и был не уверен,
что это он произнес те слова. В них был
ритуальный ритм, эти слова в прошлом
звучали так часто, что они произнеслись
сами собой.

-- Мне приснилась река крови, и я в
ней купался, -- жалобно проговорил молодой
эльдар, не сводя глаз с Морланиата,
который медленно пересекал залу.

-- Сны о смерти и кровопролитии --
жаркое прикосновение Кхаина к твоему

разуму, острая жажда битвы. Это и привело тебя ко мне, экзарху Морланиату, хранителю этого храма. Я поведу тебя к истине, возьму тебя на тот темный путь в твоего разума.

— Я боюсь, экзарх. — Подобострастие юноши было и живительным, и тем не менее знакомым. Как аспектный воин Морланиат быстро привык к подозрительности и опасениям со стороны тех, кто не шел Путем Воина. Теперь он — экзарх, которого боятся, но почитают.

Стиснув руку новичка в своей, он потянул за нее, подняв его на ноги. Уставившись на будущего воина долгим взглядом, он оценивал его настроение. Интересно, а он казался Кенайнату таким же жалким? Таким невежественным, боящимся самого себя.

— Путь будет кровавым. Ты пойдешь рядом с Кхаином и можешь не дойти до конца.

Эльдар молча кивнул, теребя пальцами свободную ланцию, которая была на нем.

— Ты стражешь проливать кровь и

нести смерть, ты должен стремиться к
самообладанию. Мы поможем тебе
обрести боевую маску, освободим твой
дух смерти, чтобы он не мог скрываться.
Ты будешь держать в узде его гнев, он
больше не будет порабощать тебя, и ты
обретишь свободу.

--- Почему это случилось со мной? ---
Такой знакомый вопрос. Он помнил, как
этот вопрос слетел с его губ, как его
задавали еще многие, похожие на него.
Почему каждый из них считает, что не
похож на других? Неужели они в самом
деле полагают, что были свободны от
прикосновения Кхаина, или что придет
время, когда с хваткой Кхаина будет
навсегда покончено?

--- Это бывает не так уж редко ---
трагичнейшее расположение духа, которое
пробуждает желание действовать. Ты ---
всего лишь смертный с присущей тебе
природой, на благо это или нет. Научись
принимать этот дар, возлюби темное
наследие Кхаина, и ты овладеешь им.

--- Я... Я так слаб, --- всхлипнул эльдар.

--- Слабее не бывает, поэтому мы

сделает тебя сильным, достаточно
сильным, чтобы достичь цели.

Морланиат направился к сводчатому
проходу, который вел в центральный
коридор храма и сделал знак претенденту
следовать за ним.

— Ты слаб телом и духом, полон
сомнений и печали, но мы избавим тебя от
них. Простись с чувством вины,
сожалениями и жалобами, как полагает
истинному воину.

Он вывел юношу наружу, в жар
пустыни, и объявившее его тепло было словно
приветствием родного дома. Здесь он
впервые обучался как Жалящий Скорпион
под началом Нелетина, которого учил сам
Каранграс, лорд-феникс. Из жизни в жизнь
он приходил сюда, сначала — учиться,
затем — учить, заново открывая себя
каждый раз как воплощение непрерывной
связи с теми, кто основал аспект
Жалящих Скорпионов.

— Я — Милатрагиль.

Морланиат окинул юношу
внимательным взглядом.

— Ты — Милатрагиль из Храма

Скрытой Смерти, Жалаящий Скорпион.

Ночь в пустынном куполе была сухой и холодной. Морланиат стоял у дверей храма и смотрел на пески, ощущая себя дома. Поля купола приглушали свет утирающей звезды, пропуская только слабое алое мерцание, которое освещало непрерывно движущиеся под искусственными ветрами дюны. Неизменные, но меняющиеся, как Морланиат. В начале каждых суток, во время пробуждения он окидывал взглядом свою территорию. Целую вечность это было его место. Это все еще его место — в этом новом теле.

Храм предупредил его о присутствии Кенайната и Аранархи. Он почувствовал, как они пересекают порог, входя из туннелей нижнего уровня. Морланиат повернулся и, направившись в свои комнаты, зашагал, не задумываясь, по истертым ногами проходам и древним ступеням.

Два экзарха, одетые в свободные тангии, ожидали в его личном арсенале,

их камни души освещали полутрак.

--- С долгожданым возвращением из
дремотной пустоты, с новой жизнью
внутри, --- произнес Кенайнат с вежливым
поклоном.

Морланиат улыбнулся.

--- Так приятно вернуться, ты хорошо
тренировал это тело, я полностью
восстановился.

--- И все же этот дух был слабее, он
был обречен на то, чтобы идти по этому
пути вместе с нами, --- сказал Аранарха.

--- Кто-то другой всегда приходит,
рано или поздно, такова природа гара
Кхаина.

Морланиат почувствовал, как его
новый ученик зашевелился в комнате
наверху. Снаружи, по всему Алайтоку,
другие эльдары реагировали на его
присутствие, обеспокоенные своими
мыслями, опасаясь своего гнева. Они пока
еще не знают этого, но вскоре они придут
к нему.

--- Вы чувствуете его страдание, его
трагичную участь, жжение в его крови?

Экзархи кивнули.

--- Из него выйдет прекрасный ученик, он полон ярости, обиды, которую он испытывает, --- ключ к нему, --- заметил Аранарха. --- Он будет яростно тренироваться, ты должен за ним хорошенько присматривать, утешь его был, проявляя настойчивость.

Морланиат кивнул в знак согласия. Экзархи распрощались жестами, и он остался в одиночестве.

Он чувствовал повисший в воздухе взволнованный вопрос. Милатрагиль проснулся и ищет его. Нехорошо, если он начнет бродить по храму без сопровождения. Вдохновляемый своей новой жизнью, Морланиат отправился вверх по ступеням к своему новому ученику.

Приверженцы были усердны, их число возросло. За последние шестьдесят дней к Милатрагилью присоединились Эурайтин, Локхирит и Нурианга, и они вчетвером внимательно воспринимали наставления Морланиата, который обучал их боевым ритуалам. Но большей частью обучение велось в стиле Скрытой

Смерти, но местами стойки и удары
слегка менялись под влиянием техники
Смертельной Тени из опыта не-
Корландриля.

Пустыня Скрытой Смерти была
полной противоположностью влажным
топям Смертельной Тени, но предыдущие
жизни Морланиат провел в этом
безводном куполе, так что легко
приспособился к этой среде. Он заново
учился тому, что уже знал, инстинкт
гюш, обитающих в его теле, без усилий вел
его через дюны к тренировочным зонам,
наводил на мысли о тех или иных
испытаниях для последователей. Ему были
хорошо знакомы прибежища песчаных змей,
что скрывались под дюнами,
пронзительный свист ветровой саранчи,
следы снующих охотников-за-червяками и
спиралевидные формты, оставляемые на
песке их добычей.

Сняв доспехи, он разгүливал по дюнам,
его ободряло ощущение, что он хорошо
знает эти места, и присутствие в
сознании других его личностей. Они всегда
были при нем, хоть и бессловесны, неявно

направляя его и подсказывая, куда и как.

Бывшие экзархи становились сильнее, когда Морланиат надевал свои доспехи. Их неуверенные сомнения и бессознательное знание выражались вслух через катангиты. Их советы иногда вступали в противоречие с предпочтениями Морланиата и даже — грубо с грубом, хотя все провозглашали верность общей цели.

По ночам Морланиат не спал, вместо отдыха он уединялся в своей комнате и надевал доспехи, чтобы дать отдых телу и пообщаться с другими своими личностями. Так, однажды ночью Морланиат надевал доспехи, размышляя о том, каких успехов достиг его рождившийся отряд.

Ты Слишком Снисходителен К Своим Ученикам. Они Не Сосредоточены. В Твое Отсутствие Они занимаются Бесмысленной Болтовней.

Вздор! Мы Стремимся К Достижению Равновесия, А Не К Умножению Числа Экзархов. Разделение Войны И Мира В Их Сознании Продолжается Как Навсегда.

Цзнуренный разум совершает ошибки.
Я показываю им те преимущества,
которые несет с собой умение управлять
своими эмоциями, ту свободу, которую они
обретут, когда сумеют отделить в своем
сознании дух воина, когда возрастят свои
боевые маски.

Чувствую В Этом Руку Кенайната.
Он Слишком Сильно На Тебя Влияет.

Я Тоже Обучался В Смертельной
Тени. Обучение Кенайната Дает
Ощущение Перспективы и Предлагает
Вызов.

Я буду учить так, как считаю
нужным.

Безрассудно Так Быстро Отвергать
Наш Опыт.

Я разделяю ваш опыт, это также и
мой опыт. Скрытая Смерть возрождается
вновь, но это займет некоторое время. Я
проявлю терпение, как предложил
Аранарха.

Еще Один Выскачка!

Ты Емү Завидуешь. Его Воины Любят
Его. Отчужденность Всегда Была Твоей
Слабостью.

Некоторые Умрут. Ни Учителю, Ни
Ученикам Не Принесет Пользы Излишняя
Привязанность Друг К Другу. Воины
Приходят, И Воины Уходят. Скрытая
Смерть Вечна.

И такой она останется под моим
руководством. Теперь я -- Скрытая
Смерть.

Мы Увидим.

При всем терпении Морланиату
страстно хотелось, чтобы его отрада
завершил первые стадии тренировок. Он
понимал, что, торопя события, можно
поставить под угрозу все, и ожидал, пока
все четыре ученика не оказались готовы,
чтобы предпринять следующий шаг.
Экзарх показал им доспехи, позволив
каждому сделать свой выбор. Он испытал
особое наслаждение, когда Милатрагиль
выбрал доспехи, которые носил не-
Ультераниш в свою бытность простым
Жалящим Скорпионом. Это затронуло
какие-то воспоминания, крупную
информации, к которой он прежде не
обращался, -- когда он выбирал свои первые

госпехи, и сейчас они пересеклись с более старыми воспоминаниями.

Его первым побуждением было встать рядом с Элиссанагрином в поисках привычного, но он отверг этот порыв. Ему нужны перемены и обновление, а не спокойствие. Ему показалось, что он боковым зрением уловил сверкание в глазных линзах одного из госпехов. Корландриль повернулся к нему. Он ничем не отличался от остальных, но что-то в нем тронуло Корландриля.

--- Этот, --- сказал он, шагнув к госпеху. Встав рядом с ним, он повернулся к экзарху.

--- Мудрое решение, ты выбрал славный госпех, который хорошо послужил нам, --- сказал Кенайнат. --- Теперь ты готов --- телом, если не разумом, --- нагеть свой госпех.

--- Который хорошо послужил нам?

Кенайнат говорил о самом себе, экзархе, а не о храме в целом. Когда-то он носил тот госпех, который выбрал Корландриль. Эта мысль заставила Морланиата задуматься о том, что,

возможно, ему было суждено стать сатил-
собой в тот миг, когда он впервые ступил
в Смертельную Тень.

Он руководил облачением воинов в
госнехи, обучая их мантре Скрытой
Смерти, которую передали ему его
предшествовавшие души, когда он надевал
свои госнехи экзарха.

Так занимательно было наблюдать
за реакцией своих учеников и видеть себя
опять тем новичком, который впервые
надел госнехи. Он вновь ощущал тот
прилив могущества, силы, который
захлестнул его, и первые проблески боевой
маски, возникшие в тот миг.

Милатрагиль был наиболее
активным. Морланиат ощущал, что его
боевая маска уже совсем рядом. Экзарху
придется внимательно наблюдать за
Милатрагилем, страсть может его
сгубить.

Нурианда и Эурайтин сомневались в
большей степени, испытывая возбуждение
и страх в равной мере, как и следовало.
Локхирит боялся. Он испытывал страх
перед своей собственной силой, боялся

принять свою боевую маску, сдерживая прилив чувств, которым нужно было дать свободу, прежде чем научиться управлять ими. Морланиат решил, что на время составит пару из Локхирита и Милатрагиля, вместе они странным образом уравновешивают друг друга и приведут один другого к внутренней гармонии.

Когда воины оказались полностью одетыми, Морланиат вновь вернулся к ритмалам. Он двигался, не задумываясь, и называл стойки. Той частью сознания, что не была занята тренировкой, Морланиат размышлял, у кого из его последователей уже есть тени-противники, а у кого — нет. Они двигались, сохраняя устойчивость, точно выполняя движения, но не технику анализировал Морланиат, когда объявлял Клешню, Поднимающуюся из Тьмы. Он находился в связи с храмом, и через него с Жалящими Скорпионами, и теми, кто был сейчас перед ним, и всеми, кто приходил сюда прежде.

Он внимательно следил за выражениями их лиц и ощущал

переживаемые или чувства. Эурайтин был слишком сосредоточен на своем теле, тщательно контролируя каждое движение. Ему нужно больше довериться инстинкту, чтобы уделять внимание тому, что происходит вокруг. Нурианга являла собой образец равновесия: одновременно и кружащийся вихрь, и безмятежное озеро. Милатрагиль был рассеян, он слишком настойчиво стремился создать тень-врага. Морланиат ощущал присутствие свирепого зрительного образа по его жестам, решительной направленности его мыслей и легкой зажатости в технике. Локхирит действовал все еще неуверенно, мысленно упреждая свое тело, его взгляд блуждал от Морланиата к его товарищам, он слишком много видел вокруг, чтобы целиком погрузиться в битву.

Прогресс налицо, но впереди еще очень долгий путь.

Морланиат размышлял, дав покой телу в доспехах, тогда его души

обдумывали события дня. Внезапно их размышления были прерваны. Кто-то приближается.

Морланиат ощутил некое присутствие на границах своих владений, у главного входа в его пустынный купол. Это был не претендент, хотя он почувствовал, какое напряжение испытывает этот посетитель. Это -- не экзарх: он бы тут же узнал своего. В нем есть что-то знакомое, некое сходство с кем-то, упрятым в его воспоминаниях, но в то же время есть и отличие, так что он мог определить его местонахождение. Этот субъект приблизился, затем ушел и подошел снова. Чувствовалась его нерешительность, смесь страха и сомнения.

Он открыл глаза, ощутив какую-то перемену.

Все еще в госпехах, Морланиат взял в глубинах храма небесный катер и потчался через пустыню, оставляя за собой столб пыли. Он летел прямо к главному входу, ему казалось, он вот-вот узнает, кто это, но ответ по-прежнему ускользал.

Спешившись, он отворил широкие двери
мысленной командой.

Ясновидица резко обернулась,
шошеломленная его появлением. Она одета в
глубокую черную мантию, крошечную и
обшлага которой украшают вышитые
серебряные и белые символы. Она нервно
сжимала мешочек на поясе, а в широко
раскрытых глазах читалось удивление и
отвращение.

Он узнал эти глаза. Это Тирианна.

О, Это Она. Смутьянка, Та Самая.

--- Это ты, Корландриль? --- спросила
она.

--- Я --- не Корландриль, хотя он ---
часть меня, я --- Морланиат.

Тебе Следует Говорить «Мы». Это
Очень Невежливо --- Игнорировать
Остальных Из Нас.

Мы --- Единое Целое. «Я» --- Правильно.
Не Обращай Внимания На Обоих.
Этот Спор Никогда Не Кончится.

Тирианна, смутлившись, отступила
на шаг.

Чего Она Хочет?

Она Не Имеет Никакого Отношения

К Этому Месту. Отосли Ее Отсюда!

Посмотри, Как Она Нас Боится.

— Зачем ты беспокоишь нас, являясь сюда непрошеной, нарушая драгоценную тишину?

— Это была ошибка. Мне не следовало приходить. Ты не можешь мне помочь.

Тем лучше.

Она Уже Пробудила Нас. Мы Ничего Не Потеряем, Дав Ей Высказаться.

Мы Уже Потеряли Достаточно Времени. Пусть Уходит.

Она Может Вернуться И Вновь Нас Обеспокоить.

— Раз ты пришла сюда в поисках совета и истины, высказывайся свободно. Быть может, я помогу тебе, если у тебя трудные вопросы, возможно, я смогу на них ответить.

Приблизившись, Тирианна посмотрела мимо Морланиата, вбирая в себя зрелище обширной пустыни. Ее взгляд вернулся к экзарху.

— Мы можем поговорить где-нибудь еще?

Всегда Одно И То Же. Ясновидицы

Хотят Знать Все.

Не Впускай Ее. Ее Здесь Не Ждут.

Храм Пропитан Воспоминаниями О
Кровопротиях. Ей Нельзя Идти Туда.

--- Храм не подходит, ясновидицы
рискуют, входя туда, а я терпеть не могу
выходить отсюда.

--- Может, пройдет немного? Мне
неловко обсуждать что-то на твоем
пороге.

Морланиат отвернулся и пошел,
предполагая, что она последует за ним.
Нески стесались под его ногами в
ботинках, но он, сохраняя равновесие,
целеустремленно шагнул к неглубокому
озису, который уверенно подпирался
ирригационными сетями, проложенными
под песками. Заросли краснолиственного
кустарника скрывали водную кротку, из
листвы выглядывали яркие белые звезды
цветов.

Вода была недвижна. Иногда он
приходил сюда поразмышлять без своих
спутников. Сегодня он впервые появился
здесь в сопровождении всей команды.
Память заработала сама собой, на

мгновение затопив его воспоминаниями об этом уголке, когда каждый из духов ухватился за какое-то далекое событие, стремясь вновь пережить его. Он оттолкнул их и жестом пригласил Тирианну сесть рядом с безмятежным прудом.

--- Это... мило. --- Осмотревшись по сторонам, она села, собрав складки мантии с одной стороны, ее черные волосы были перекинuty через плечо, а голова отклонена в противоположную от Морланиата сторону.

--- Это --- рождение в смерти, надежда в безнадежности, жизнь среди пустоши. --- Она не смотрела на него, когда он говорил. Тирианна задумчиво уставилась в воду, по поверхности которой скользили насекомые.

--- Я предвижу тревожные времена для Алайтока, возможно, и что-то похуже.

Ясновидица Предвидит Неприятности? Такова Природа Вещей.

Послушайте, Что Она Скажет.

Это --- Потеря Нашего Времени. Нам Следует Пробудить Воинов И Начать Тренировать Их Подкрадываться В

Селноте.

--- Ты теперь ясновидица. Вся твоя жизнь будет посвящена таким вещам, почему ты пришла ко мне?

--- Мне говорят, что я ошибаюсь. Ясновидцы, совет Алайтока, не считают, что увиденное мною в магическом кристалле сбывается. Они говорят, что я неопытна и вижу несуществующие опасности.

Они Правы.

Высокопарна И Самоуверенна, Все Они Такие. Она Думает, Что Видит Нечто, Чего Они Не Могут Видеть. Они Не Могут Себе Представить, Как Можно Чего-то Не Заметить.

Не Все Они Такие.

Да-га, Все.

--- Возможно, они правы, ты пока еще не так сильна, этот путь -- вновь для тебя. Я не вижу в этом своей роли, я экзарх здесь, а не член совета.

--- Ты мне не веришь?

--- Ты не представляешь мне никаких доказательств, да их и нет, а одна лишь вера -- это прах.

Тирианна встала и подошла к пруду. Погрузив носок ботинка в воду, она вызвала рябь на поверхности. Эта рябь взбодорожила Морланиата. Это было место покоя, а Тирианна принесла смятение. Ничего не сказав, он наблюдал за тем, как капли стекали с ее ботинка, а она двигала ногой так, что они образовали в песке воронку.

--- Я проследила судьбу Арадриана. --- Морланиату понадобилось время, чтобы вспомнить это имя. Некто, бывший другом Корландрилю, неизвестный не-Корландрилю. Он отправил Корландриля в путь к этому месту. Тирианна продолжала, не останавливаясь. --- Три наших судьбы переплетены. В большей степени, чем мы видели это до сих пор. Твоя судьба не окончена, но скоро завершится, его судьба --- отдалена и спутана. Моя... Моя судьба --- быть здесь и рассказать тебе об этом, чтобы привести в движение будущие события.

Причудливо И Неверно. Все Судьбы Переплетены.

--- Что же именно ты увидела, какие

видения принесут такую напасть, что они значат для нас?

--- Арадриан находится во мраке, но для него есть также и свет. Но его тьма не ограничена только им. Она распространяется в наши жизни, и она поглощает Алайток. Я не знаю деталей, мое гадание на рунах пока несовершенно. Я чувствую, что он сделал что-то очень неверное и подверг опасности всех нас.

--- Твои предостережения слишком неопределенны, в них нет сути, непонятно, как нам действовать.

Тирианна фыркнула, вложив в этот звук горькое негодование и мрачный юмор.

--- Именно так и говорит совет. «Как мы можем готовиться против чего-то столь бесформенного?» --- спросили они. Я сказала им, что более опытным проводцам следовало бы заняться нитью Арадриана. Они отказались, заявив, что это неуместно. Арадриан ушел с Алайтока, сказали они мне, и он больше их не заботит.

Кто Мы Такие, Чтобы Спорить?

Это --- Не Наша Забота. Мы --- Воины.

А Не философы.

Слушая все это, Морланиат испытывал недоумение. Совет был прав. Предпринимать какие-то действия, руководствуясь таким видением -- то же, что опираясь на необоснованный слух. В его памяти всплывали другие воспоминания, восстанавливая образ Тирианны. Она всегда добивалась внимания, стремилась быть в центре событий. Неудивительно, что она еще не справилась с этим изъяном своего характера, и теперь пыталась собрать публику сообщениями о некоем личном прозрении судьбы Алайтока.

-- Продолжая свои занятия, погружись в это, найди свои ответы.

-- Боюсь, на это нет времени. Это неотвратимо. Мне не хватает силы и подготовки, чтобы увидеть далеко.

Она Так Слаба, Как Же Остальные Не Увидели Это Бегство?

Это Хорошая Мысль. Ее История Незакончена. Отошли Ее Прочь!

-- Другие не увидели этого, твоей новой катастрофы, те, что сильнее тебя. Я должен согласиться с ними, теми, кто

уже шел по этому Пути, кто видит дальше тебя.

— Это такая мелочь, то, что делает Арадриан. — Остановившись, она взяла щепотку песка и потерла пальцами, рассыпая ее на землю, пока у нее не осталась одна-единственная песчинка. Она сбросила ее в воду пруда. — Такая крошечная зыбь, ты едва можешь ее разглядеть, но тем не менее это зыбь. Анархия истории говорит нам, что значительные события могут начаться с самых незаметных и обычных.

— Я не могу тебе помочь, у меня нет влияния на совет, и я согласен с ними. Возвращайся к своим занятиям, забудь об этом потрачении сознания, я не буду тебе помогать.

Она впервые посмотрела на него — взор ее был затуманен, губы дрожали.

— Я опасалась худшего, и ты доказал, что я была права. Корландриль не умер, но он исчез.

— Что ты некогда и предсказала: мы оба изменимся, к лучшему или к худшему. Я — Морланиат, ты — Тирианна, Корландриля больше нет. Удовлетворись

этим, не преследуй меня, за ними — лишь
тьма.

— Ты помнишь, что мы с тобой
некогда разделяли?

— Я помню это хорошо, мы с тобой
совершенно ничего не разделяли, у меня
нет для тебя ничего.

Выпрямившись, Тирианна провела по
щеке пальцем в перчатке, слеза впиталась
в мягкую ткань.

— Ты прав. Я уже и больше не буду
думать о тебе.

Подобрав мантию, она зашагала вверх
по окружающей оазис дюне, направившись к
главному входу. Последовав за ней на
небольшом расстоянии, Морланиат
остановился на гребне дюны и смотрел,
как она уходит. Провидица дошла до врат,
и Морланиат открыл их усилием воли.
Когда она ушла, он закрыл за ней врата.

Зубовный Скрежет гудел в руках
Морланиата, который рассекал воздух
красивыми взмахами. В храме все было
тихо, не считая звуков, издаваемых
клинком, и шагов экзарха по камню пола.

Все его последователи спали, изнуренные
дневными тренировками. Лишь их сны,
окаймленные кровью и окрашенные
смертью, нарушали спокойствие.
Морланиат улыбнулся.

Завершив тренировку, он вернул
клинок на его законное место. Приняв
положение покоя, экзарх подумал о визите
Тирианны.

Не слишком ли пренебрежительно мы
к ней отнеслись?

Ты Предоставил Ей Все
Возможности, Чтобы Высказаться. Мы
Остаемся При Своем Мнении.

У Нас Другие Заботы. Не Наше Дело
Спорить С Ясновидцами. Пусть Этим
Занимаются Автархи.

Она пришла к нам как друг.

Мы -- Экзархи. У Нас Нет Другей.
Она Пришла К Нам В Отчаянии, Когда
Все Другие Отвергли Ее. Это Позор.

Тогда я прошу не ради нее, но ради
Алайтока. Если то, что она говорит --
правда, это сулит нам что-то плохое.

То, Что Она Рассказывает, -- Это
Фантазия. Больше Не Думай Об Этом.

Если Должна Быть Война, Мы
Будем Сражаться. Мы Тренируем Наших
Воинов Для Битвы. Больше Мы Ничего
Не Можем Делать. Вот Что Значит
Быть Экзархом.

Ну Вот, Опять Это «Я». Эта
Индивидуализация Неуместна.

Я -- все еще я, и Морланиат и не-
Корландриль. Я приму собственное
решение.

Быть Экзархом -- Это Значит
Понимать, Что Такое Жертва. Сутерки
Бесконечного Круговорота -- Это Не Для
Нас. Тьма -- Вот Наше Влагение. Если
Выйдем Так, Что Это Тело Утрет, Мы
Будем Существовать По Прежнему.
Такова Награда За Нашу Жертву.

Не Вмешивайся В Чужие Дела. Это
Не Одобряется, И Это -- Не Наш Долг.

Мы Не Понимаем Ее Побуждений.
Если То, Что Она Говорит, Окажется
Правдой, Нас Об Этом Уведомят. Если
Это -- Неправда, То Наше Вмешательство
Угрожает Разногласиями.

Меня это тревожит. Если наши с
Арадрианом судьбы все еще переплетены и

об этом пока неизвестно, то было бы
тупо принять во внимание ее
предупреждение.

Ясновидицы Всегда Говорят О Судьбе.
Их Послушать -- Так Это Причина Всему
На Свете. Иногда Что-то Происходит Без
Замысла. Все Воины Это Знают. Мы
Тренируемся, Совершенствуя Наше
Мастерство, Но В Природе Войны
Появление Случайного И Неуправляемого.

Именно Тирианна и Арадриан
направили меня этим курсом, к нашему
возрождению, к возвращению Скрытой
Смерти. Я чувствую, вероятно, что мое и
их будущее не полностью разделено.

Тогда -- Что Случится, То Случится.
Пусть Ясновидицы Охотятся За
Вероятностями, Мы Будем Иметь Дело
С Последствиями.

Теперь вы хотите подчиниться
судьбе.

Этот Спор Неуместен. Она
Отвлекает Внимание. Игнорируй Ее.

Я Согласен. Сосредоточься На
Тренировке наших Воинов.

Морланиат снял доспехи, но не сумел

избавиться от смятения, его
раздосадовали противоречия, которые
вызвала Тирианна. В то время, как сами
мысли Морланиата тускнели и
становились воспоминаниями, их
воздействие продолжалось, и это сбивало
его с толку. Вопрос о вере был для него
особенно мучительным. Он видел ее
убежденность, но не придал ей значения.
Какой бы ни была действительность, она
определенно верила, что должно
произойти нечто ужасное.

Его раздражало то, что он был
бессилен, или это так казалось. Он ---
полностью в руках ясновидцев, а они
предпочли ее игнорировать.

Морланиат сосредоточился на этом
ходе мыслей. Он испытывал неприязнь не
то отношению к действиям Тирианны, но
то отношению к бездействию совета.
Часть его слишком жаждала принять их
заключение. Подчиняться, слепо
соглашаться --- против самой его природы,
и сейчас --- в большей степени, чем когда
бы то ни было. Крупницы не-Корландриля
боролись с Морланиатом, побуждая его

что-нибудь предпринять.

Все еще пребывая в состоянии внутреннего конфликта, Морланиат собрал свой отряд в начале следующего дня и занялся с воинами боевыми ритуалами. Это отвлекло его внимание от дилеммы, перед которой его поставила Тирианна.

Нүрианга оказалась самой способной из его учеников. Ее техника была безукоризненна, и она обрела свою боевую маску без травм. Девушка овладела ценным мечом и пистолетом без всяких неожиданностей и стала единым целым со своими достижениями. Остальные все еще добивались этого. Казалось, они не могут полностью отказаться от самих себя, все еще цепляясь за осколки прошлых жизней, крепко держась за последние остатки прежних личностей. Пока они сопротивляются своим искушениям, и ни за что не добьются продвижения вперед.

Морланиат попытался вспомнить, каково было ему быть Корландрилем. Это было неприятно, сплошные противоречия и страх. Воспоминания других Морланиатов вторгались в его раздумья.

размывая границы между тем, что было
его жизнью и их жизнью. Он с радостью
стал Скрытой Смертью, и тем не менее
остатки его прежней жизни прочно засели
в его разуме, или, возможно, это он за них
цеплялся. Ему пришло в голову, что,
возможно, он был прав, отвергнув
Тирианну. Она --- связь с его прошлым,
которое больше ничего для него не
значило.

Отпустив отряд, он собирался уйти,
когда заметил, что Нурианда задержалась
рядом со своими доспехами.

--- Тут что-то неладно, ты можешь
уйти отсюда, и тем не менее все еще
остаешься, --- сказал он, приближаясь к
Жаляцему Скорпиону.

--- Я нахожу это трудным, ---
призналась она, опустив взгляд. --- Я
пыталась поговорить с отцом, но он не
понимает.

--- Он не может понять. У каждого из
нас есть Путь, по которому может идти
только мы. Я --- лишь проводник,
путешествие же --- твое, и ты должна
идти одна.

--- Что, если... Что, если у этого путешествия нет конца?

--- В конечном счете оно заканчивается в одном месте или в другом, хотя я не знаю где. Не зацикливайся на конце, просто иди по Пути, стремясь к своей цели. Любовь к концу, его чувство к тебе будут твоим якорем. Пока ты будешь двигаться, он останется на месте, как это было в начале, так это будет и в конце.

Нүрианга задумчиво улыбнулась.

--- Спасибо. Я буду с ним терпелива.

Морланиат махнул ей рукой, чтобы уходить, и постоял там немного, глядя на пустые доспехи. Каждый из них принадлежал многим воинам. Он помнил их всех -- тех, кто жил, тех, кто умер, тех, кто отправился дальше, и тех, кто стал им. Он был всеми ими и никем из них. Кто же он? Всего лишь кучка искалеченных душ, которые делают телесную тюрьму и неспособны ни принять покой Бесконечного Круговорота, ни умереть, так как Та Что Жаждет заявит о своих правах на него. Он был бы ничем.

если б не его опыт, его воспоминания. Он —
ходячий мертвец, застрывший в тюрьме
этого тела.

Он чувствовал, как утрачивает связь
с самим собой. Это свежее тело
взбалтнуло старые чувства и старые
мысли: воспоминания о свободе и любви,
мгновения наслаждения и боли, моменты,
полные чувств и мыслей, свойственных
смертным. Его влияние пока еще
ощущалось, но Морланиат знал из опыта
нескольких душ, что это не будет длиться
долго. Не-Корландриль воодушевил его на
некоторое время, но скоро та искра
угаснет, и он полностью станет
Морланиатом, бессмертным слугой
Кхаина.

Выбросить из головы прошлое? Это
безрассудно. Хотя он много раз становился
Морланиатом, это всякий раз было
совершенно по-другому, каждый раз он
совершал неповторимое путешествие.
Путь для него завершился, но дорога, по
которой он прошел, чтобы достичь этого
места, — она осталась. И та дорога — она
важна, и люди, что шли некоторое время

рядом с ним, тоже важны. У него нет будущего — лишь вечность насилия и смерти, но у них оно есть.

Он не любил незаконченных дел. Прошлое значимо, но он должен оставить его позади. Морланиат принял решение и направился к небесным катерам.

— Возможно, ты стремишься к войне, ибо такова твоя природа, — заметил Архатхайн.

— Я не могу объявить войну по своему желанию, это решает совет, — ответил Морланиат.

Он хорошо знал автарха, сражался с ним рядом во многих битвах. Как все автархи он обладал сильной волей, ведь нужно быть поистине непреклонным, чтобы пройти Путем Воина несколько раз и не поддаться проклятию Кхаина. Морланиат помнил Архатхайна молодым Зловещим Мстителем, а в его недавних воспоминаниях он был Воющим Баньши. Как экзарх, он значительно старше Архатхайна, но не-Корландриль — более чем вдвое моложе. Морланиата раздирали

противоречивые ощущения: он чувствовал себя одновременно и древним старцем, и младенцем, и не понимал до конца, каковы же на самом деле его место и его время.

Он вызвал Архатхайна в Палату Автархов и заговорил о предсказаниях Тирианны. Архатхайн защищал решение совета, как того и следовало ожидать. Морланиат пытался подобрать слова, чтобы точнее передать свои мысли, но это было сложно, ему хотелось схватить автарха и принудить его к согласию.

Взяв себя в руки, он слушал Архатхайна.

— Каждый день наши ясновидцы открывают тысячу возможных судеб Алайтока. Мы не можем предпринимать действия по каждому видению, мы не можем отправляться на войну при каждом сомнении. Сама Тирианна не может прояснить для нас свое предвидение. С таким же успехом мы могли бы действовать, сугубо восприняв как знамение струйку пота, побежавшую по загривку.

— Ей недостает мастерства, чтобы

предоставить вам доказательства, не
надо обвинять ее за это. Дай ей помощь, в
которой она нуждается, чтобы доказать ее
правоту, либо ошибку, и она будет
хранить молчание. Эти сомнения будут
сдерживать ее, поглощать все ее мысли,
покуда ты не избавишь ее от них. Ты шел
по многим дорогам, видел очень много
разного, прожил много жизней. Той жизнью
ты обязан мне, я помню это сейчас, когда
прошло так много времени. Я был твоим
телохранителем, защитой, в которой ты
нуждался, настоящим товарищем. Я
помню этот долг и клятву, которую ты
мне дал, теперь настало время платить.

Нахмурившись, Архатхайн
отвернулся и прошел в дальний конец
возвышения в центре зала.

— Тот, кому я дал это обещание,
умер более десяти лет тому назад, —
сказал он тихо, глядя на округлое
отверстие в верхней части купола. Во
трапе космического пространства
выднелась далекая россыпь звезд. — Я не
давал той клятвы тебе. Не Элидхнеруал
просит меня оплатить тот долг, но

Корландриль.

--- Я --- Морланиат, и также ---
Элидхнериал, и Корландриль. Этот долг ---
передо мной, перед всеми, кто объединен в
моей душе. Кто, кроме меня, полнит и
может повторить те слова, что ты
говорил?

--- А если я этого не сделаю?

--- Ты лишишься чести, и другие об
этом узнают, я об этом позабочусь.

Повернувшись, автарх встретил на
Морланиата пристальный взгляд.

--- Ты больше не будешь обращаться ко
мне с этим?

--- Твой долг будет уплачен ---
Элидхнериалу, и ты не будешь больше
говорить об этом.

Архатхайн нехотя кивнул и
направился вверх по ступенькам.

Морланиат улыбнулся, глядя в
удаляющуюся спину, не-Корландриль в нем
был доволен. Он не знал, что выйдет из его
вмешательства, что ждет в будущем его
или Тирианну. И тем не менее он был
доволен. Его последний поступок, прежде
чем он целиком и полностью станет

Морланиатом, --- он имел смысл. Вскоре она станет для него совершенно неважной, просто одним из его воспоминаний, не более и не менее значимой, чем тысячи других, с кем он встречался, кого любил, или ненавидел, или был безразличен. Это --- его прощальный подарок. Уже сейчас это воспоминание тонет в глыбе.

К тому времени, как он вернулся в храм, ему было уже все равно.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Когда родился Великий Враг, Кроваворукий бог развязал войну против Той, Что Жаждет, но новорожденный ужас быстро победил его. Князь Удовольствий и Властелин Черепов сразились за обладание душой Кхаина, ибо Кроваворукий бог — дитя обоих — не принадлежал никому. Грандиозная битва развернулась среди остатков небес, но ни Той, Что Жаждет, ни Властелину Битв не удавалось одержать победу. Когда оба соперника вконец обессилели, они, объятые гневом, раздвинули границы и спокойно позволили Кхаину вынасть в мир смертных. Здесь Кроваворукий бог, который не мог существовать в материальном мире как единое целое, распался на множество частей. Силы Кхаина были растрачены, тело — разделено, и его гнев, в конце концов, уменьшился. Но, пусть и приглушенный отчасти, гнев по-прежнему жив в частях его тела в ожидании времени, когда кровь

пробудит его и истинная сущность
Кхаина еще раз обретет форму.

Храм словно тряхнуло, это было
создание ярости, которое мгновенно
достигло максимальной силы и исчезло,
импульс энергии, который на мгн отвлек
Морланиата, так что он чуть не
пропустил свой очередной инструктаж.
Отбросив это на задворки сознания, он
завершил тренировку учеников и
отпустил их.

Он был почти уверен в том, что
именно вызвало мгновенный прилив
психической энергии, который обеспокоил
его. Взяв из храма небесный катер, он
полетел сквозь негра Алайтока, следуя
инстинкту.

Туннели, по которым он летел,
освещались только одиноким лучом его
катера -- это был круг света в полной
темноте. В окружавшей его темноте
время от времени вспыхивали кабели из
призрачной кости -- то посылали
импульсы духи Бесконечного Круговорота.
Это была жизнь Алайтока -- его сердце и

артерии, скелет и нервная система, мысли и чувства мира-корабля. Ощущение, обеспокоившее Морланиата, больше не повторялось, хотя он до сих пор не мог избавиться от оставшегося после него осадка и чувствовал напряженность, повисшую в воздухе.

В центральном узле Алайтока, где сходились многие психические и нервные коммуникации мира-корабля, Морланиат покинул служебный проход и остановил свой небесный катер внутри затемненного зала. Бесконечный Круговором лучился красноватым светом, красным цветом татки. Перед ним широко распахнулись две огромные двери, открыв взору зал с стенами, потолком и полом из призрачной кости. В центре зала находился огромный железный трон. На троне восседала похожая на изваяние фигура в два раза выше Морланиата с кожей из расплавленного металла, с черными пустыми глазницами. Эта огромная фигура была погружена в раздумья и поглощала свет из тронного зала, ее железные пальцы были сжаты в кулаки, а

лицо искажилось в безмолвном рычании.

Почувствовав чье-то приближение сзади, он обернулся.

— И ты тоже почувствовал это, сердцебиение Кхаина, аватар возбуждается? — спросил Цриетиен, Зловещий Мститель, экзарх храма Обжигającego Света.

— Я почувствовал, как что-то шевелится, аватар все еще спит, время пока не пришло, — ответил Морланиат.

— Война приближается, Кхаин знает о таких вещах, он чувствует сражение, — заметил Цриетиен. Он взглядывался в неподвижного гиганта в поисках признаков жизни.

— Скоро мы все узнаем, сомнений не останется, когда бог войны позовет нас.

Присутствие Цриетиена подтвердило подозрения Морланиата. Когда он возвращался к своему небесному катеру, экзарха беспокоило только одно: его воины еще не готовы к сражению.

Ощущение нервной угрозы от аватара Кхаина больше не повторялось, но

Морланиат знал, что это не было заблуждением. Стоило ему начать пробуждаться, и аватар больше не впадал в дремоту без того, чтобы не пролилась кровь. Другие экзархи также чувствовали это и направили совету Алайтока предупреждение о том, что разворачиваются события, которые приведут мир-корабль к войне.

Перед лицом возникшей необходимости Морланиат спешил, как мог, с подготовкой Жалящих Скорпионов Скрытой Смерти. Все они теперь уже овладели мастерством использования шлемов и применения мандибластеров, но темп роста их воинского мастерства казался экзарху слишком медленным. Если уровень их подготовки окажется недостаточным, то это может привести к катастрофе, и не только для них самих, но и для других воинов, которые будут полагаться на них.

Морланиат не беспокоился и не тратил попусту время на бесплодные переживания из-за сложившегося положения. Все было просто: когда придет

война, они либо будут готовы, либо нет. Если они не будут должным образом подготовлены, то не будут сражаться.

Голосов больше не было. Ночи приносили тишину и одиночество, давали время для размышлений. Морландт находил успокоение, вспоминая битвы, вновь переживая триумфы прошлого, иногда в подробностях припоминая, как погибал, с тем, чтобы извлечь из этого урок в постоянном стремлении к самосовершенствованию.

Он заметил, что в его тето-снах чаще всплывали кровавые встречи с людьми. Не из-за того ли, что в последний раз он сражался с последователями Трупа Императора? Или какая-то подсудная сила заставляет его вновь переживать именно эти войны?

Его размышления были прерваны через семь суток после того, как он почувствовал содрогание аватара. Через нити Бесконечного Круговорота он узнал о грядущем прибытии на Алайток сил, которые оставили след во всех его жизнях.

во всех его душах. Его сознание уловило и ответные импульсы других храмов, также узнавших об этом событии, и вновь по Бесконечному Круговороту пронесся тяжелый удар сердцебиения Кхаина.

Стыковочный отсек освещался мерцанием портала Путеводной Паутины, кружащиеся лилово-синие пятна покрывали изогнутые стены и доспехи семнадцати экзархов. Вызванные из своих храмов Пукирующие Ястребы, Темные Жнецы и Жалящие Скорпионы ожидали в молчании. Морланиат ощущал то же, что и остальные: изначальный инстинкт собратов, чтобы приветствовать их прибытие.

Их привели к Звездной Пристани, докам, куда прибывали и откуда уходили военные корабли, чтобы пропитавший их запах крови не достигал судов мирного назначения. Именно здесь аспектные воины поднимались на борт своих кораблей. Сюда привозили их останки. Отсюда Алайток отправлял своих воинов в Ночь, на долго убивать или быть убитыми. Это было

место судьбы, отсюда управляли участью
Алайтока, посылая экспедиционные силы
для обнаружения возникающих угроз,
флоты для осуществления мести за
смерть эльдаров, армии для уничтожения
планет, миссии для убийства
невежественных и невинных, воинов -- на
уничтожение низших рас, единственным
преступлением которых было их
существование.

Ветви призрачной кости, которые
опоясывали весь док, несли на себе
отпечаток смерти, Бесконечный
Круговорот напевал скорбную погребальную
песнь на задворках сознания Морланиата.
Это поднимало его, и он с
удовлетворением сделал глубокий вдох.

Волна психической энергии, которую
порождал в Паутине приближающийся
корабль, становилась все сильнее: он вот-
вот появится. Эта волна несла с собой
ощущение причастности, одобрения и
неизменности. Мысли эти были окрашены
кровью, в голове Морланиата возникали
картины разрушения. Это походило на то,
что он воспринимал от других экзархов, но

было ярче и мощнее, и эти ощущения становились все сильнее по мере приближения корабля.

Как и в тот раз, когда Тирианна пришла в храм, Морланиат понимал, кто приближается к Алайтоку, но не мог его опознать. Изменилось целое, но части его оставались знакомыми, во многом так же, как душа экзарха постепенно развивалась в новую личность, когда госпехи принимал новый воин.

Нечто, лишенное возраста, бессмертное, старше самого Морланиата стояло за всеми ощущениями, что испытывал сейчас экзарх Скрытой Смерти, душа столь глубокая, что она поглощала все, что к ней прикасалось.

Портал Паутины пульсировал, готовясь к выходу корабля. Собравшиеся экзархи ощутили всплеск психической энергии, который принес с собой вспышки озарения, картины далеких миров и образы древних мест.

Корабль прорвался сквозь портал на невероятной скорости: только что отсек был пуст, и вот пустоту заполнил

блестящий черный корнус. На его поверхности мерцала тусклая цветная рябь, темно-красные и синие волны катились от акульего носа к тонким хвостовым плавникам. Он медленно опустился и завис прямо над платформой, слившись с собственной тенью.

Открылся округлый люк, и в полутраке возник диск тусклого белого света. Морланиат подался вперед, его сердце заколотилось быстрее.

Язык пандуса вытянулся к полу, и в люке появились три фигуры. Их доспехи были похожи на те, что носили ожидавшие в доке экзархи, но гораздо тяжелее, более искусной работы и древнее: это Пикирующий Ястреб, Темный Жнец и Жалящий Скорпион. Их богато украшенное оружие — великоленные инструменты уничтожения, настоящие произведения искусства времен, предшествующих Трехопадению, спасенные из руин цивилизации.

На первом были крылья, мерцающие тысячью цветов, доспехи — в пятнах синего летнего и зимнего серого

катуфляжа, шлем, украшенный гребнем из
одного пера, в одной руке он держал
изогнутый клинок, а в другой
многоствольный лазбластер. На втором
были черные доспехи с высеченными на них
золотыми костями, шлем в виде черепа с
красными глазами — образ самой Смерти,
в руке — укороченная сюрикеновая пушка.
Последним шел Скорпион, именно к нему
был прикован взгляд Морланиата, и связь
между ними крепла по мере его
приближения. Его желто-зеленые доспехи
окаймляли обсидиановые ребра, а шлем, с
обеих сторон которого потрескивали
мандибластеры, изгибался назад чередой
пластин подобно хвосту скорпиона. Одна
его рука заканчивалась изящной клешней,
которую окутывала струящаяся энергия, а
другая сжимала эфес жалящего клинка,
зубья которого были столь острыми, что
вокруг них плясали яркие радуги.

Это были первые экзархи, которые
шли Путем Воина сразу после
Трехопадения и учились под началом
Азурмена. Морланиат узнал их сразу,
вспомнив предыдущие встречи и легенды

об их подвигах.

Три основателя аспектных храмов:
Ключ Ветра -- Бахаррот, Жнец Душ --
Мауган Ра, Теневой Охотник --
Каранграс.

Три лорда-феникса -- и это было
почти беспрецедентным событием --
прибыли на Алайток с одной-единственной
целью -- ради войны.

Прибытие лордов-фениксов было и
ответным действием, и катализатором
событий. Они почувствовали, что
Алайтоку угрожает гибель, и
надвигающееся столкновение заставило их
действовать. Их присутствие оказало
воздействие на дремлющего аватара
Кхаина и ускорило его пробуждение.
Морланиата все чаще посещали кровавые
воспоминания, во время тренировок с
воинами он то и дело испытывал
приступы кровожадности. Другие экзархи
переживали сходные чувства, аспектные
храмы и Бесконечный Круговорот
полнились нарождающимся гневом Каэла
Менша Кхаина.

Перед лицом этих событий совет Алайтока призвал своих величайших ясновидцев предсказать, что за катастрофа может угрожать мир-кораблю. Они изучили руны Тирианны в готовности услышать ее сбивчивый рассказ о приближающейся смерти. Куда более древние, чем у нее, глаза пристально взгляделись в запутанный клубок вероятностей, проследили за нитями жизни Арадриана и переплетенными судьбами Алайтока.

Все согласились в одном: великая тьма опускается на мир-корабль. Руна человечества чернела при прикосновении, и ясновидцы почувствовали беспричинную ненависть людей, направленную на Алайток.

Автархи призвали экзархов в свой круглый зал, и все самые искусные воины Алайтока собрались в одном месте. Атмосфера зала была накалена их воинственной гордостью и жаждой битвы. Нарастал гнев экзархов, усиливалась ненависть, эти чувства захлестывали душу Норланиата, и он понимал, что

совсем скоро произойдет то, чего так ждали все собравшиеся.

Архатхайн, которого сопровождали трое других автархов, обратился к разгоряченной толпе предводителей храмов.

— Все дело в людях, — озабоченно начал он. — Последователи Императора прилетят к Алайтоку с решимостью вступить в столкновение. Почему они пришли к такому решению — неясно, но какое-то проявление неуважения к ним вызвало их возмущение. Подобно тому, как один-единственный булыжник может вызвать обвал, так поступок одного эльгара привел людей к Алайтоку. Хотя провидцы проследили за нитями судьбы, одного последствия не предотвратить. Алайток будет атакован.

— Не стоит размышлять о негальновидных решениях людей. Наша задача — подготовиться к войне и разобратся с ее последствиями. Странники вернулись на Алайток с печальными известиями. Имперские корабли прокладывают путь через Море

През, двизаясь в нашем направлении. Для того, чтобы ускользнуть от них, времени недостаточно: они слишком близко, и Алайток еще не обладает достаточными запасами энергии. Наши звездные корабли преградят им путь и воспрепятствуют тому, чтобы они добрались до нас, но люди руководствуются неверными заключениями и упрямы. Вполне вероятно, что они попытаются проломить оборону Алайтока и принести войну в наши дома. Хотя они рассчитывают на преимущества неожиданного нападения, нас не застали врасплох.

Эту информацию автарх изложил спокойно, но теперь взволнованно повысил голос.

— Мы не оставим это абсурдное деяние безнаказанным! В безрассудство людей трудно поверить, хотя их невежество нам прекрасно известно. Мы должны защитить в битве не только Алайток, но весь наш народ. Если люди подумают, что могут безнаказанно нападать на мирные корабли, то нам, как виду, придет конец. Они должны осознать

неосмотрительность своих действий, получив от нас максимально кровавый урок. Они трусливы и суеверны. Мы напишем для них новые легенды, мифы о том, как эльдары жестоко наказали их за негальновидность, и они усвоят их плотью и кровью.

Архатхайн медленно расхаживал по окрестности возвышения, обводя яркосиними глазами собравшихся экзархов. Его губы изогнулись в усмешке.

— Мы питаем к вам отвращение! Мы, свободные, боимся вас, живого напоминания о последствиях проявления слабости и потворства своим желаниям. У вас правильно вас остерегаются, ибо души ваши прокляты Кхаином. Вы — раздражители войны и убийцы. Тем из нас, кто прошел Путем Воина, прощены совершенные жестокости, и мы обрели покой. Вы же загнаны в ловушку, наслаждаясь своими кровавыми деяниями, упоиваясь ненавистью и яростью.

Но нам, свободным, вы нужны. Без экзархов все мы погибли бы. Вы влачите бремя нашей вины. Вы стоите между

нашими хрупкими душами и упадком, которые несет с собой война.

Он продолжал кружить по возвышению, напрягшись, сгорбившись, сжав кулаки, понизив голос до резкого шепота.

--- Настало ваше время! Люди стремятся уничтожить наши прекрасные дома. Они постели развязать войну против нас! Вы --- наши кровавые посланцы. Вы --- помазанные Каэла Мениа Кхаином убийцы, наша воплощенная месть, наш олицетворенный гнев. Вы беспощадны, и это правильно. Наше выживание не оставляет места состраданию, прогнание нашего существования зависит от того, как те, кто не задумывается, исполнят невероятное.

--- Ощутите теперь, как пульс Кхаина бьется в ваших жилах. Мы, те, кто свободен, также чувствует это. Но в наших жилах --- всего лишь холодная струйка по сравнению с тем, как раскалены его свирепостью ваши сердца. Аватар пробуждается. Почувствуйте его зов. Дайте ему то, в чем он нуждается.

Аватархи и экзархи как один

повернулись к главному входу, который располагался на самом верху зала со ступеньками. Там, на фоне люющегося сзади оранжевого света, вырисовывался одинокий силуэт. Это была Лидейрра -- экзарх Храма Полночной Молнии аспекта Сверкающих Коний. На ней были серебряные с золотом доспехи, в руке она держала огромное копье с наконечником длиной с ее руку и шириной с лицо, -- Сун Деллэ, Стенающий Рок, оружие аватара.

-- Узрите Юного Короля! -- провозгласил Архатхайн. -- Ваш дар Кхаину в обмен на пробуждение его аватара.

Издавая свирепые вопли, экзархи подняли правые кулаки, приветствуя Юного Короля. Избираемый из их числа, Юный Король был их духовным лидером в течение пятисот дней и по завершении этого срока передавал корону очередному. Для большинства это правление проходило без жертвоприношения, для немногих правление завершалось в крови, их душа предлагалась Кхаину, чтобы вдохнуть жизнь в металлическую оболочку аватара.

Кхаина.

Лигейрра спокойно стояла в сводчатом проходе, приетля свою судьбу. Избрание Юным Королем — так называли Эльданеша, когда он был еще ребенком, — не только великая честь, этот титул также обещал избавление. Быть поглощенным яростью огненной души Кхаина значит избавиться от бессмертия, и это смогут познать лишь немногие экзархи.

Шесть экзархов внутреннего круга, старейшие в своих аспектах, направились вверх по ступенькам к Юному Королю.

Морланиат, Жалящий Скорпион; Цриетиен, Зловещий Мститель; Латоринин, Воющий Баныши; Фаэртруин, Огненный Дракон; Мауренин, Темный Жнец; Рхиаллаэн, Пикирующий Ястреб.

Они встали в почетный караул вокруг Юного Короля, трое слева и трое справа, и медленно вышли из зала. Позади них отдавались эхом торжествующие крики экзархов.

Стены прохода покрывали голографические картины, которые

иллюстрировали старейшие тифы
эльдаров, истории, вдохновлявшие
аспекты. Они медленно шагали к храму
бога войны вдоль стен, расписанных
сценами истребления из легенд. Двери за
ними тихо закрылись, их заливало мягкое
свечение изображений. Это был Кровавый
Путь. Его плавные повороты привели
процессию вниз, к аванзалу перед тронным
залом аватара. Большие бронзовые двери
были закрыты, из-под них струился
красноватый свет.

Морланиат ощущал присутствие
аватара, его жар — своим телом, его душу
— своим разумом. Пол под ногами экзарха
сотрясаясь от звучного боя. Его сердце
било в унисон.

Через скрытый дверной проем вошли
провидцы в масках и мантиях — ведьмаки.
Побывавшие прежде аспектными воинами,
провидцы также чувствовали притяжение
Кхаина. Они принесли с собой глиняную
красную мантию и золотую заколку в
форме кинжала. Двое стояли рядом с
Лидейррой, пока экзархи медленно
сняли ее доспехи и по частям

передавали ведьмакам.

Когда Лигейрра осталась обнаженной, Цриетиен взял в левую руку кинжал-заколку. К нему подошел ведьмак в белых одеждах с богато украшенным золотым кубком — Чашей Криэля — в руках. В мифах эльдаров говорится о том, что, когда Кхаин сразил Эльданеша, последователи собрали его кровь в семь кубков, чтобы уберечь ее от бога войны. Кхаин настойчиво бился за жизнь и душу своей жертвы, но люди Эльданеша не подпустили войска бога войны и навсегда сберегли его душу.

Стоя позади Юного Короля, Цриетиен вырезал заколкой руну Зловещих Мстителей под левой лопаткой Лигейрры. Кинжал-заколка легко пронзил кожу и плоть. Кровь сбегала ручейками по бледной коже Юного Короля, капая с ягодицы в чашу ведьмака.

Закончив, Цриетиен передал нож Морланиату, который вырезал символ Жалящих Скорпионов на другой стороне спины Лигейрры. Он передал кинжал Латоринину, и тот вырезал руну Воющих

Баньши под левой грудью Лигейрры. Следующим был Фаэртруин, он поставил знак Огненных Драконов под правой грудью Юного Короля. Мауренин и Рхиаллаэн нанесли руны Темных Жнецов и Пикирующих Астробов на руки Лигейрры.

Все это время Лигейрра стояла молча, подрагивая, но не уклоняясь от лезвия, которым резали ее кожу. Глаза Юного Короля горели предвкушением, не отрываясь от бронзовых дверей. Ее белая кожа покрылась паутиной пересекающихся кровавых следов.

Один из ведьмаков повесил на шею Лигейрры ее путеводный камень в зажиме на тусклой серебряной цепи. Затем он осторожно вырезал кинжалом-заколкой руны аватара на лбу Лигейрры. Темно-красная струйка потекла ей в глаза, но она стояла, не мигая, и по ее щекам бежали алые слезы.

На плечи ей накинuli мантию аватара и закрепили окровавленными кинжалом-заколкой. Длинную мантию дважды обернули вокруг ее тела, и все равно она лежала шлейфом позади. На

красной ткани появились темные тени — то кровь Лидейрры впитывалась в туго переплетенные волокна.

Затем ей вручили Сун Деллэ, и она взяла огромное копье в правую руку. В левую ей вложили Чашу Криэля, до краев полную ее кровью.

Ведьмаки окружили Юного Короля и его почетный караул. Один из них испустил пронзительный вопль, который перешел в начальные слова Гимна Крови. Другой, подхватив крик, добавил свой дребезжащий голос к пению первого, затем к ним присоединился еще один ведьмак, а за ним — четвертый, пятый, и ведьмаки наполнили аванзал резкими звуками своего пения.

Морланиат перевел взгляд на двери тронного зала. Свет из-под них становился все ярче и, мерцая, отражался от переплетенной призрачной кости аванзала. От бронзовых дверей исходил жар, который становился все сильнее, пока не начал светиться раскаленный воздух, и Морланиат заторгал в шлеме, страхиая ресниц капли пота. Из тронного зала

доносился приглушенный треск и звон. Шипение пара и потрескивание языков пламени становились все громче.

Экзархи присоединили свои голоса к пению и воплям ведьмаков, усилив царившую в аванзале какофонию.

Шевеление аватара отдавалось в основании спинного хребта Морланиата, его присутствие вызвало ощущение покалывания, которое поднялось вверх, к голове, и затем перешло в кончики пальцев, в желудок и вниз, к пальцам ног. Энергия наполнила его сверху донизу и словно воспламенила нервы.

Запев, он проревел восхваления Кхаину, и его голос перекрыл завывания и стенания всех остальных участников церемонии.

Во время ритуала Лидейрра стояла неподвижно, ее кожа покрылась пятнами крови, а вокруг босых ног загустевала темно-красная лужа. Чаша и копье в ее руках ни разу не шелохнулись, и, не считая того, что грудь ее почти неуловимо приподнималась и опускалась, она была словно статуя.

Еще один раскатистый удар сердца сотряс Морланиата, затем — еще и еще раз. Эта низкая пульсация совпала с темпом распеваемого гимна, и они стали одновременно ускоряться.

Бронзовые двери распахнулись, и тронный зал, дохнув удручающим жаром, залил аванзал ослепительным светом. В этом сиянии Морланиат с трудом рассмотрел аватара — громадное теневое пятно посреди слепящей яркости, он восседал на своем троне, будто гигантский раскаленный уголь.

Юный Король проследовал в тронный зал, держа копье и чашу перед собой. Лидейрру поглотил свет, затем экзарханадолго стало видно, и тут же ее окутала тень аватара.

Медленно закрывшись, двери издали глухой стук, оборвав гимн, и наступила зловещая тишина, полная лихорадочной напряженности. И все же сквозь двери проникали приглушенные или звуки, которые издавали плавящийся металл и полыхающий огонь. Грохот, напоминающий отдаленные раскаты грома, тихо сотряс

бронзовую презраду.

Бедьмаки безмолвно угалились, а экзархи образовали круг, встав рядом и взявшись за руки, Цриетиен --- слева от Морланиата, Латоринин --- справа. Души экзархов заструились по этому кругу, кружась и смешиваясь друг с другом. Их голоса слились в пении, тихом и низком, от которого завибрировал аванзал. Морланиат погрузился в небытие, потеряв себя в вихре душ объединившихся экзархов.

Очнулся Морланиат, только выйдя из круга. Его место занял Аранарха. Морланиат вернулся в Зал Автархов, где ждали остальные экзархи.

Он отдыхал, ожидая, когда наступит его черед. Вокруг его недвижного тела проходили в зал и выходили из него экзархи, но он не замечал их. Он грезил, странствуя по своим воспоминаниям о войнах, наслаждаясь картинами былых сражений, в которых бился рядом с аватаром. Грезы становились все более живыми, более отчетливыми, и он понимал, что пробуждение аватара

приближается.

Экзархи стали покидать зал, сначала поодиночке, затем -- небольшими группами, возвращаясь в свои храмы. Морланиат оставался там, упиваясь той жизнью, которая вливалась в него.

Его раздумья оборвались внезапно. Он почувствовал позади себя Кенайната. Открыв глаза, он повернулся к своему собрату-экзарху.

-- Что-то не так, я ощущаю тревогу, твоя душа обеспокоена.

-- Ты мыслишь верно, мне нужно поговорить с тобой, давай отправимся сейчас в мой храм.

Морланиат почувствовался в присутствии аватара, зная, что ему вскоре нужно будет вернуться в Скрытую Смерть и подготовить воинов к пробуждению аватара. Он понял, что время еще есть. Кивнув в знак согласия, экзарх Скрытой Смерти отправился с Кенайнатом из зала.

Морланиат проследовал за другим экзархом в залу доспехов Смертельной Тени. Здесь царила тишина, предводитель

еще не призвал свой отряд на войну, хотя воины наверняка ощущали приближение аватара.

--- Где твои воины? Время приближается, скоро они должны быть готовы, --- заметил Морланиат.

Сняв шлем, Кенайнат положил его на верхушку стойки. Его лицо выглядело изнуренным, глаза запали и потускнели, высохшая кожа облепила острые скулы.

--- Я не могу вести их, я не увижу этой битвы, мне осталось немного времени. --- Голос Кенайната был едва слышен. --- Это --- старое тело, ему скоро конец. Никто сюда не придет. Смертельная Тень погрузится в сон в ожидании возрождения.

--- Это --- мучительный конец накануне сражения, еще одной славной войны, --- ответил Морланиат.

Кенайнат стиснул плечи Морланиата и уставился на него пронизывающим взглядом.

--- Времени --- немного, я хочу кое-что попросить тебя. Это просьба о благодеянии. Твой отряд непроверен, твои воины не готовы, ты не сможешь повести

их.

Морланиат открыл было рот, чтобы возразить, но Кенайнат, не обратив на это никакого внимания, продолжил.

--- Тебе нужны воины, возьми Скорпионов Смертельной Тени, поведи их в бой. Им нужен экзарх, пусть они станут Скрытой Смертью, а ты --- их экзархом.

В сознании Морланиата затерцал образ аватара --- его пробуждение приближается. Время на исходе. Он посмотрел на Кенайната, видя его сквозь сотню различных воспоминаний. Суровая рука судьбы забирает у него жизнь, когда Алайток стоит перед величайшим испытанием. И все же это тело сражалось дольше, чем любой другой экзарх. Возможно, он заслужил немного покоя, возможно, в этой битве за него нужно сражаться другим.

--- Это будет для меня честью --- повести в бой твоих воинов, сделать их Скрытой Смертью.

Легкая улыбка искривила потрескавшиеся губы Кенайната.

--- Это честь для меня --- находиться в

такой компании, оказаться достойным. ---
Кенайнат бросил пронзительный взгляд
на плечо Морланиата, как если бы кто-
то вошел в комнату. --- Приближаются
твои ученики, я пошлю их к тебе, в
Скрытую Смерть. Аватар --- на подходе,
заставь их быстро надеть свои маски,
угдали меня из их разума.

Морланиат кивнул. Смертельной
Тени сейчас некогда думать об уходе их
экзарха, у них появится достаточно
времени для скорби после предстоящей
битвы. Он сжал на мгновение руки
Кенайната, и их души соединились, пока он
не отпустил их.

--- Наслаждайся приближающимся
отдыхом, это --- не навсегда, и ты вновь
будешь сражаться.

Морланиат повернулся и направился
к небесным катерам, стоявшим ниже,
чувствуя, как остальные приближаются к
храму.

Садясь в катер, он ощутил
нахлынувший прилив силы. Нужно
спешить: аватар почти пробудился.

Морланиат тчался в тронный зал аватара, влекомый зовом воплощенного бога войны. Он подготовил свой храм, в который вскоре после него прибыли воины, бывшие Смертельной Тенью. Хотя у Элиссанагрин, Архулеша и других было много вопросов, Морланиат не дал им времени, чтобы обдумать такой поворот событий. Он оставил их в готовности надеть боевые маски, в безмолвном ожидании пришествия аватара, так же, как и в десятках других аспектных храмов по всему Алайтоку. В миг его пробуждения они наденут шлемы, и, наполнившись его кровавой силой, будут готовы нести смерть людям.

Он занял свое место в кругу основателей, сердце его колотилось, дыхание было прерывистым. Двери тронного зала бешено тряслись, из-под них валил дым и вырывались языки пламени. Металлический грохот и рев пламени заглушили гул заклинаний экзархов.

Песнопения экзархов прервал пронзительный вопль, и наступила тишина. Морланиат содрогался в

иступленном восторге, его тело пронизали ярость и ненависть аватара. Через Бесконечный Круговорот призыв к войне Кхаина отдался эхом в каждом жителе Алайтока, и все затерло. На одином из все эльдары на мире-корабле, живые и мертвые, оказались едины, их психическая энергия породила воплощение их ярости, их живое божество насилия.

Дрожа от восхищения, Морланиат смотрел, как с грохотом открылись бронзовые двери.

Глаза аватара полыхали темным огнем, словно раскаленные угли ненависти. Его растрескавшаяся железная кожа была покрыта пузырями и шрамами, через пластины текли ручейки расплавленного металла. Между ними ярко светилась огненная шкура, языки пламени облизывали металлические тускулы, сверкая внутри нетленных суставов.

В правой руке он держал Сун Деллэ, загадочное оружие сверкало силой, по рукам на его древке и наконечнике перемещались пылающие искры. На его плечах была красноватая мантия, все еще

покрытая пятнами крови, как и кинжал-застежка. Не осталось никаких признаков присутствия Лидейрры, кроме кровавой пленки, покрывавшей руки аватара от горящих кончиков пальцев до острых локтей. Капая на пол, кровь издавала шипение.

Все это Морланиат увидел перед тем, как аватар заполнил весь его разум. Экзарх вновь пережил каждую причиненную им смерть, и его восторг достиг предела. Это было уже почти невыносимо, размытый калейдоскоп боли и кровопускания, каждый проносящийся в сознании образ усиливал наслаждение Морланиата, пока он уже не смог более сдерживаться.

Выгнувшись, он издал рев ярости, выпустив всю свою ненависть до последней капли, и к его воплю, прокатившемуся по тире-кораблю, присоединились тысячи глоток.

ВОЙНА

Во времена, последовавшие за Трехопадением, Азурмен сплотил разбитых, но выживших потомков Эльданеша и Ультанаша. Они бежали на тирах-кораблях, но не смогли избавиться от разрушительного воздействия Той, Что Жаждет. Азурмен понимал, что дети Эльданеша и Ультанаша не могут убежать вечно, поскольку непристойное божество, порожденное их сладострастными желаниями и извращенными кошмарами, все еще оставалось их неотъемлемой частью. Азурмен привел горстку своих последователей на бесплодную планету, лишённую развлечений и соблазнов. Здесь Азурмен основал Храм Азура. Посвятив свою жизнь сохранению наследия Азуриана, короля богов и повелителя небес, Азурмен учил своих последователей, что они должны отказаться от своей любви к богам, так как потворство своим желаниям привело к разложению и безнравственности. Разрушительные

возбуждения Кхаина следовало умерить
благоразумием, и потому Азурмен обучил
своих приверженцев, как забывать восторг
убийства и возбуждение битвы. В Храме
Азура каждый из его учеников развил свои
боевые приемы, направляя в определенное
русло только часть гнева Кроваворукого
бога. Это были азурия, первые экзархи.
Когда предательство Архры привело к
разрушению Храма Азура, азурия бежали
на тире-корабли, чтобы основать новые
храмы и передавать другим свои боевые
искусства. Азурия положили начало Пути
Воина и стали известны впоследствии как
лорды-фениксы, которые возрождаются
после смерти до тех пор, пока Фүзган —
Пылающее Копье не призовет их на Рана
Дангра, последнюю битву, и с детьми
Эльданеша и Ультанаша будет покончено.

В Куполе Хрустальных Провидцев
царило безмолвное спокойствие. Из
выходящего на поверхность Бесконечного
Круговорота выступали деревья из
многоцветной призрачной кости, их
листья, словно стеклянные, отбрасывали

рагуги на белый песок. Под их
искривленными ветками стояли
бессмертные провидцы, плоть которых
обратилась в похожий на лед хрусталь, и
прозрачные тела, давно покинутые
душами, окутывали мантии.

Купол слегка вибрировал от
пульсирующей энергии Бесконечного
круговорота — Алайток готовился
защищаться. Морланиат и Скрытая
Смерть разместились здесь, чтобы
охранять купол вместе с четырьмя
другими отрядами: Сверкающими
Конями на серебристых гравциклах,
Воющими Баныши с их развевающимися
гривами и визжащими масками,
Зловещими Мстителями в сине-белых
доспехах, Варновыми Пауками со
светящимися стерноотрядами.

Позади них в воздухе парили три
«Волновые Элеи», изящные пехотные
транспорты были окрашены в синий цвет.
Алайтока с узорами из лиловых шипов,
оплетающими блестящие корпуса.
Вытянутые вдоль носа судна крылья
потрескивали энергией, искажая его

формы мерцающим защитным полем. На каждом из них была башенка с сюрикеновыми пушками или парой сияющих копий, которые настороженно вращались.

Морланиат не смотрел по сторонам. Его внимание было приковано к тому, что происходило вверху, над прозрачным психосиловым колпаком. Там, в холодном вакууме космоса, разгоралась первая битва за Алайток.

Яркие всполохи света от грубых плазменных двигателей выдавали позиции Имперских кораблей. Боевые суда эльдаров с темными, как пуста, корпусами проносились подобно призракам, их можно было заметить лишь благодаря мерцанию солнечных парусов.

Ракеты и торпеды исчертили звездное небо пересекающимися огненными следами. Во мраке ослепительно вспыхивало лазерное оружие, и пуста озарялась короткими извержениями пламени. Эскадры изящных эстинцев легко маневрировали в пространстве, чтобы обеспечить наводку своих орудий, линкоры

главно скользили сквозь вихрь битвы, выпускающая разрушительные залпы из своих батарей, а из открытых отсеков — волны за волной стремительных истребителей и ширококрылых бомбардировщиков.

В поле зрения Морланиата попал имперский фрегат, который оказался так близко, что экзарх отчетливо видел его белый корпус и нос с золотым орлом. Это было высокое и прямоугольное, отталкивающее с виду судно, с карнизами и подпорами, с гигантским золотым тараном впереди в форме орлиного клюва. Открыв огонь из своих орудий, он покрылся рябью вспышек от носа до кормы, затем эти вспышки прорезали обжигающие лучи лазерных башен, расположенных вдоль зубчатой надфюзеляжной палубы. Алайток ответил ураганом лазерного и артиллерийского огня из оборонительных башен и противокорабельных орудий. Имперский корабль поглотил стремительный поток огня, и его корпус разломился, выпустив в пустоту облака полыхающего воздуха. Разрушенные орудиям эльдаров плазменные реакторы

фрезата взорвались, ослепительно
вспыхнув.

Это смотрелось так, будто
сражались сами звезды, и Морланиат был
просто заморожен этим зрелищем
разрушения.

Корабли эльдаров, мерца
голополями, возникали ниоткуда, подобно
призракам, и, дав залп по противнику,
вновь исчезали в пустоте, заполненную
звездами. Пустотные щиты Имперских
кораблей покрывались синими и лиловыми
вспышками, испуская заряды энергии,
чтобы перенаправить удары эльдаров в варп.

При всем мастерстве экипажей и
быстроте эльдарских кораблей, люди
неотвратно приближались к Алайтоку,
выпуская все новые волны торпед и
эскадрильи штурмовиков. В их
кильватере дрейфовали горящие корпуса
судов, и имперских, и эльдарских, от
которых по спирали медленно
расплывались в пространстве обломки.
Казалось, люди настроены самым
решиительным образом, направляясь прямо
на Алайток подобно бронированным

кометам, пробиваясь сквозь флот мир-корабля, невзирая на причиняемый им ущерб. Морланиат не мог не восхищаться целеустремленностью людей, сколь бы ошибочной она ни была. Слепая вера в немого Императора придавала им усердия, которое перевешивало всю логику и восприимчивость.

Что-то огромное угрожающе нависло над куполом, вдоль борта открылись десятки бронированных люков, и корабль обшестинился орудийными батареями. Крейсер накрыла волна загадительного огня, и его щиты покрылись рябью, рассеивая взрывы. Его нос расцвел букетом оранжевых вспышек, и через несколько мгновений к Алайтоку с ревом устремились торпеды, которые разделились на сотни небольших ракет перед тем, как врезаться в мир-корабль.

Морланиат ощутил сотрясение от этого удара — не плотью, но разумом. Бесконечный круговорот пронизала сугорога боли. Очередные залпы орудийных батарей крейсера загрохотали по энергетическим щитам, защищавшим

купола Алайтока. На этот раз земля затряслась — так близко легли удары плазмы и ракет. Артобстрел продолжался некоторое время, и затем все стихло, вспышки лазерных и артиллерийских выстрелов сменили крошечные огоньки двигателей штурмовых кораблей.

Люди высылали свои штурмовые отряды.

— Башню Восходящих Грез атакуют, — голос Архатхайна прорвался сквозь транс Морланиата. — Готовьтесь дать отпор по моей команде.

Экзарх дал знак своим воинам возвратиться на «Волновую Змею». Когда они побежали по пандусу сзади транспорта, он увидел, что исчезли из виду Варновы Пауки, а Сверкающие Конья завели двигатели своих гравциклов и утчались прочь между деревьями из призрачной кисти.

Морланиат пристроился в тыльной части «Волновой Змеи», и пандус поднялся, закрыв их внутри. Двигатели над ним тихо завывали, и башенка опустилась

Внутри корпуса — пилот подготовил транспорт к отправлению.

Жалящие Скорпионы ожидали приказов автарха, и одно мгновение за другим медленно уходили в прошлое. Архулеи в предвкушении ерзал на месте, сжимая пальцы на рукоятке ценного меча. Элиссанагрин сжалась рядом с Морланиатом, положив руки на колени и склонив голову в полной сосредоточенности. Бехарет, как всегда, оставался безмолвным, уставившись на Морланиата. Экзарх смотрел на него, раздумывая о том, что творится в голове бывшего инкуба. Может, он, спутав Морланиата с Корландрилем, думает, что между ними существует некая связь? А может, он размышляет над своей судьбой, теперь, когда Кенайнат уже не может его защитить? У Морланиата были собственные вопросы, на которые сможет ответить только время. Изменился ли Бехарет на самом деле? Он много раз сражался как воин Смертельной Тени, но захочет ли он отдать свою жизнь за Алайток, который стал его дотом?

Можно ли будет доверять ему в бою, если покажется, что Алайток уступает?

— Люди прорвались на нижние уровни Башни Восходящих Грез, — объявил Архатхайн. — Отправляйтесь туда, чтобы поддержать их. Не старайтесь сделать невозможное. С внешней стороны к Алайтоку приближаются другие корабли людей. Будьте готовы отступить и передислоцироваться. Вам в поддержку направляются Стражники.

Тугение двигателей «Волновой Змеи» наполнило кабину, транспорт приподнялся и развернулся на месте. Движение почти не ощущалось — возникла лишь небольшая инерция при ускорении транспорта, но на внутренних экранах Морланиат видел, как понеслись назад хрустальные провидцы, когда пилот направил «Волновую Змею» к главной магистрали в сторону района доков, подвергшегося нападению.

На большой скорости они пронеслись через низкий вход и повернули на главную артерию, освещенную яркими зелено-синими полосами. Пролетающие на экране

огни превратились в стробоскопическое мелькание — «Волновая Эмея» увеличила скорость. На перекрестках к ним присоединялись другие транспорты, сразу за ними пристроились несколько «Волновых Эмей», мимо промчались два гравитанка «Сокол», на мгновение промелькнули их пилоты и стрелки в шлемах под бронированными куполами.

Внезапно «Волновая Эмея» резко повернула, и Морланиата прижало к стенке. Справившись с инерцией, он вновь удобно устроился на корточках. «Волновая Эмея» опять набирала скорость, разгоняясь вдоль пандуса, ведущего к башням дока.

Они ворвались на широкую площадь, похожее на огромную пещеру пространство пригасило вой двигателей, доки оказались пусты: все корабли ускользнули со своих причалов, как только Имперский флот вырвался из варпа.

«Волновая Эмея», развернувшись, застыла на месте, зависнув на небольшой высоте, и пандус опустился. Морланиата бросился вниз по пандусу, его отряд следовал за ним. Внешняя часть дока была

пустынна. Лишь случайная вспышка лазера, да след торпеды над мерцающей психосиловой завесой выдавали кипящее сражение.

К нижним уровням Башни Восходящих Грез вел спиральный пандус. Здание поднималось конической дугой к парящей башне, которая выступала на наружной части тира-корабля. Стены пронзали узкие окна, иногда освещаемые изнутри вспышками энергии.

Глухо стуча бронированными баштаками по пандусу, Жалящие Скорпионы вошли на нижний уровень — несколько ярусов арок окружало здесь центральное ядро башни, они слышали, что за ними поднимаются другие отряды. Оглянувшись через плечо, Морланиат увидел, что их быстро настигают Девы Судьбы под предводительством Эретайллин, оснащенные более легкими доспехами, быстрые Воющие Баныши пронеслись мимо Жалящих Скорпионов и повернули по пандусу на второй уровень.

Морланиат слышал грохот пушек, гребежжание варварского пулевого оружия.

свист лазерного огня и пронзительный визг
сюрикенов. Он извлек из-за спины Зубовый
Скрежет и, продолжая взбираться по
спирально поднимающемуся проходу на
очередной уровень, держал его обеими
руками.

Воины Скрытой Смерти выбежали на
широкую площадку, которая мягко
изгибалась вдоль внешнего края мира-
корабля. За голубоватой психосиловой
стенной раскинулось безбрежное море звезд,
по которому плыли горящие обломки
боевых кораблей.

Внимание экзарха привлек шум
крыльев, и, посмотрев вверх, он увидел
летащий над ним отряд Пукирующих
Ястребов, крылья их полетных ранцев в
тусклом желтом свете башни казались
расплывшимися многоцветными пятнами.
Он увидел планирующего среди своих
последователей лорда-феникса Бахаррота,
который вел огонь из лазблестера по
верхним уровням доковой башни.

Через сводчатый проход, который
изгибался далеко впереди, Морланиат
увидел эльдаров в синей форме и желтых

шлемов, которые выстроились в оборонительный полукруг. Это были Стражники, которые защищали посадочную площадку за аркой, они стреляли из сюрикеновых катапульт по противнику, которого экзарх еще не мог увидеть. Среди стражников плавно скользили платформы с тяжелым оружием, их экипажи находились рядом, управляя ими по пси-связи.

Сияющие копья испускали лазерные лучи, звездные пушки извергали потоки голубой плазмы, пусковые ракетные установки наполняли воздух пронзительным ревом. Пукирящие Ястребы нырнули под арку и залили пространство за ней перекрестными потоками белого огня из своего оружия.

Добравшись до сводчатого прохода, Морланиат увидел тех, кто напал на Алайток.

Они укрылись на широкой галерее выше и напротив сводчатого прохода, прячась за рядами тонких колонн, которые поднимались к высокому потолку. Низкорослые, с толстыми конечностями,

противники были одеты в измятый серо-
черный камуфляж с нашивками на руках и
груди эмблематами черепа и орла, их
плоские лица скрывались за серебристыми
забралами шлемов. В пухлых руках, на
которые были натянуты рукавицы, они
несли грубое лазерное оружие, испускающее
красные лучи. Отброшенные назад
контратакой эльдаров, люди неуклюже
выскакивали из-за колонн и, сделав
несколько разрозненных выстрелов, снова
прятались.

Пикирующие Ястребы величественно
взмыли вверх и принялись носиться между
колоннами, а гранатные раздатчики,
закрепленные на их бедрах, обрушили на
людей внизу взрывы плазмы и шрапнель.
Девы Судьбы — отряд Воющих Баныши
Эретайллин — уже оказались на левом
конце пандуса, ведущего к оккупированной
людьми галерее, впереди неся экзарх с
сияющим изогнутым мечом в каждой руке.
Люди, зажатые в галерею огнем тяжелого
оружия Стражников, гранатами
Пикирующих Ястребов и надвигающимися
Воющими Баныши, не стреляли в

Морланиата и его отряд, когда они
попечались по плиточному полу между
аркой и правым пандусом.

Среди скопления людей Морланиат
увидел их офицеров, облаченных в глиняные
плащи с золотыми эполетами и фуражки
с серебряными козырьками и кокардами в
виде крылатых черепов. Никто из людей
не заметил, как воины Скрытой Смерти
быстро, но тихо подкрадывались по
пандусу, придерживаясь глиняных теней,
отбрасываемых колоннами наверху.

С пандуса Морланиат и его воины
бросились бегом, дав залп из сюрикеновых
пистолетов по ближайшим людям,
который разорвал их серую униформу и
расколол зеркальные забрала шлемов. Их
сержант в ужасе повернулся, и через
мгновение Зубовый Скрежет отделил его
голову от плеч одним ударом.

Воины Скрытой Смерти, не
задерживаясь, чтобы прикончить раненых,
следовали по пятам за Морланиатом,
который бросился на группу людей,
столпившихся за следующей колонной.
Мандибластеры экзарха выстрелили в

лицо одетого в черную форму офицера, и оно исказилось бессловесным воплем. Взмахнув жалящим клинком, Морланиат отсек левую руку офицера у плеча.

Совсем рядом раздался грохот, сопровождаемый вспышкой, — это был выстрел из гробовика, и тут же град гроби ударил в левый бок Морланиата, заставив его пошатнуться. Быстро повернувшись, он увидел перепуганного человека, который пытался перезарядить ружье, его движения показались экзарху медленными и неуклюжими. Устехнувшись, Морланиат взмахом меча выпустил внутренности дерзкого существа на бело-золотые плитки галереи. Вокруг него Скрытая Смерть рубила и кромсала, покрывая пол кровью и конечностями.

Жалящие Скорпионы и Воюющие Баныши сходились с противоположных концов галереи, снося все на своем пути. Люди бестолково суетились, мешая друг другу, и те несколько выстрелов, которые им удалось произвести, оказались прискорбно неточными. Еще шестеро из

них пали от ударов Зубовного Скрежета, и Морланиат рычал в лаг со своим мечом, наслаждаясь каждой смертью.

Лазерные выстрелы и топот ног довести о прибытии еще одной группы людей, спускающихся по широкой лестнице, которая шла к галерее от причального пирса наверху. Пукирующие Ястребы приветствовали эти подкрепления лазерным огнем, заливая ступени смертоносными лучами. С обоих концов по галерее двигались Стражники, присоединив к обороняющимся Ястребам свою огневую мощь.

Треск людских лазганов потонул в пронзительных воплях Воющих Баньши, которые вновь ринулись в атаку: это их маски создавали перед ними психозвуковую волну. Некоторые люди пали на колени с кровоточащими ушами и глазами, другие выпускали оружие из онемевших пальцев или просто валялись в судорогах на полу. Даже те, кто остался дееспособным, стояли как вкопанные и лишь грожали, не в состоянии защищаться, а Эретайллин и ее воины неумолимо приближались, чтобы

убивать, их силовые мечи с равной легкостью прорубали бронежилеты, плоть и кости.

Морланиат уже готов был повести свой отряд на поддержку Воющих Баныши, когда голос Архатхайна прервал его мысли.

--- Численность противника возрастает. Они прорвали нашу оборону в нескольких местах и теперь организуют посадочную площадку. Обеспечьте вывод сил из Башни Восходящих Грез, чтобы вас не отрезали. Приведите противника на Перекресток Страдающего Сердца. Дополнительные силы присоединятся к вам на Площади Алайтира.

В ответ на этот новый план вся башня погрузилась во тьму, тусклый свет стен был погашен Алайтоком. С помощью усиленного шлемом зрения Морланиат наблюдал, как имперские солдаты повалились на лестнице, спотыкаясь друг о друга и размахивая в темноте руками в попытке обрести равновесие. Яркие вспышки лазеров Пикирующих Астробов и взрывы ракет вырывали из

темноты лица, искаженные ужасом от внезапной перемены окружающей обстановки.

Эльдары отходили от противника под прикрытием огня Пукирующих Ястребов и оружейных платформ Стражников. Оставив нападших на мирный корабль в полном стянении, воины Алайтока ретировались из Башни Восходящих Грез на площадь рядом с ней, отряды поочередно становились в карьергард, чтобы прикрывать отход остальных. Жалящие Скорпионы вновь поднялись на свою «Волновую Змею» и, развернувшись, понеслись вдоль внешнего края мира-корабля к Площади Алайтира, которая располагалась между Площадью Страдающего Сердца и Утренним Путем. Позади них имперские воины, пошатываясь, вываливались на освещенную площадь и попадали под убийственный огонь танков «Сокол» и парящих в воздухе гравциклов «Венера».

На Площадь Алайтира силы эльдаров сходились с трех сторон, отступая

отовсюду с внешней стороны мира-корабля. «Соколы», которые четко вырисовывались на фоне оранжевого свечения утирающей звезды, неподвижно зависли в воздухе на каждом перекрестке, навдя свои орудия на прибывающих отрядах аспектных воинов и Стражников. «Волновые Змеи» направлялись к огромному фонтану в центре площади, из него поднималась громадная статуя автарха, в честь которого была названа площадь. Мрачный воин стоял с мечом и смертоядерным пистолетом наизготовку, встретив пристальный и злой взгляд на Утренний Путь и Шпиль Спокойствия.

Скрытая Смерть, высидившись из транспорта, присоединилась к отрядам, обороняющим пересечение дорог, вдоль одной из которых они только что притчались. «Виперы» и «Соколы» время от времени стреляли по противнику, который скрывался за изгибом внешнего края мира-корабля. В конце концов, люди вновь появились на виду, решительно приближаясь колонной, насчитывающей несколько сотен человек. Неуклюжие

шагоходы перетаскивались на своих гибких ногах рядом с отрядами пехоты, их многоствольные лазеры поливали потоками огня боевую технику эльдаров. Боевые расчеты тяжелых имперских орудий выдвигались вперед, таща за собой колесные лапышки и громогласные автопушки. Они устраивали огневые позиции рядом с продвигающимися войсками, присоединяя свою огневую мощь к артиллерии, который вели шагоходы для прикрытия наступающих солдат.

Снаряды исчертали воздух темными полосами, и один из них подбил «Винеру», которая лишилась крыла управления и врезалась в сине-зеленую внутреннюю стену. Другой залп распорол броню «Сокола», и он, накренившись, заскрежетал по дороге искореженными бронепластинами. Лазерный заряд уничтожил антигравитационные двигатели другого танка, и он неуклюже перевернулся вверх дном, а его импульсный лазер по-прежнему продолжал стрелять полыхающими световыми зарядами. Башня третьего «Сокола» извергла языки

пламени от прямого попадания, и танк
бешено закрутился вокруг своей оси, пока
не врезался в энергетическое поле на
внешней стороне площади, и психосиловое
поле покрылось огненной рябью.

Под давлением усиливающегося
натиска противника пилоты «Соколов» и
«Випер» увеличили скорость отступления,
и, в конце концов, развернулись и утчались
от приближавшихся имперских солдат.
Морланиат всем телом ощутил
пульсацию их двигателей, когда они
пронеслись над головой в относительно
безопасную часть огромной площади.

Наступающим людям, должно быть,
казалось, что они загнали противника,
который оказался в ловушке на открытом
пространстве площади, в безвыходное
положение. Покрытые травой холмы и
мраморные дороги представляли неважное
укрытие для войск. Эльдары ожидали в
толчании, а над площадью разносились
сердитые приказы и торжествующие
крики имперских офицеров.

В каком-то десятке шагов перед
Морланиатом и гругити отрядами на

краю площади возникла мерцающая психосиловая стена. Все, что оказалось за ней, окрасилось в голубой цвет поля, как если бы войска маршировали по морскому дну. Лазерные заряды и пули, которые попадали в психосиловое поле, с искрами отскакивали от него, и поле подрагивало с каждым ударом, но держалось. Морланиат улыбнулся. Это поле предназначалось не для защиты эльдаров от атаки. У него имелось другое, поистине убийственное назначение, как предстояло сейчас обнаружить людям.

Тонкие усики Бесконечного Крúговорота во внутренней стене площади затигали и потемнели. Лишившись энергии, внешнее психосиловое поле судорожно вспыхнуло и осело. Людей, оставшихся без защиты перед прожорливым вакуумом космического пространства, посбивало с ног взрывным оттоком воздуха, и сотни их вышвырнуло с тира-корабля в считанные мгновения. Их вопли исчезли в пустоте, кровеносные сосуды полопались, оружие и шлемы вращались вокруг обледеневших трупов.

Даже шагоходы не смогли бороться с взрывной разгерметизацией, и только болтали неуклюжими металлическими ногами, когда внезапный ураган выкинул их к звездам вместе с утирающими товарищами.

Эта бойня длилась всего лишь несколько мгновений, и наступила тишина. В воздухе неторопливо плыли сверкающие крупницы замороженной крови, которые затем под воздействием искусственной силы тяжести мира-корабля выпали градом. Словно зачарованный, Морланиат наблюдал за барабанной дробью красных градин, которой придавали разнообразие тяжелые глухие удары по плиткам мостовой терзлых трупов. Хотя разгерметизация была осуществлена по необходимости и ей негоспало подлинного артистизма, хорошо выполненного выстрела или удара, в ее действительных результатах ителась некая незамысловатая красота.

--- Войска людей пробилась в подуровни докового купола, --- сообщил Архатхайн воинам мира-корабля. ---

Штүрмовые суда продолжают прибывать.
Их нужно отбросить назад.

Морланиат жестом велел своим
воинам следовать за ним на «Волновую
Змею».

--- Никакой излишней
самоуверенности, это --- всего лишь первый
удар, люди будут биться упорно, --- сказал
он им, когда они поднимались по
посадочному пандусу. --- Мы будем
безжалостны, заставим их сурово
расплатиться, каждый шаг принесет им
боль. Смотрите друг на друга, наносите
удар с одной-единственной целью,
сражайтесь, как Скрытая Смерть.

Пандус за ними поднялся, и через
мгновение «Волновая Змея» снова пришла в
движение, поворачивая в сторону
Утреннего Пути.

--- Каковы наши успехи в других боях? ---
спросила Элиссанагрин.

--- Это не наша забота, мы сражаемся
с теми врагами, которых встречаем, до
их полного уничтожения. Сосредоточьтесь
на этой единственной задаче, ни на что не

отвлекайтесь, пока наши враги не будут уничтожены. Слушайте автархов, они направят нашу быструю руку для нанесения смертельного удара.

— Выражение ужаса на их лицах, когда опустилась тьма, — я сохраню его в памяти, — сказал Архулеш с резким смехом. — Вы видели, как они поразились? Какая глупость — думать, что Алайток потерпит их грязное присутствие.

— Досадно, что те, кто так перепугался, уже мертвы, — заметила Элиссанагрин. — Ужас — это болезнь, она распространяется среди врагов быстро, как эпидемия.

— Будем надеяться, что они отчасти поглотились своим страхом прежде, чем погибли. — Архулеш повернулся к Бехарету. — И как только можно держать свое наслаждение при себе? Неужели это тебя не гложет — сдерживаться в этом захватывающий момент наступления смерти, когда с душой противника покончено?

Голова Бехарета в шлеме склонилась

набок. Он переводил взгляд с Архулеша на Морланиата и обратно. Жалящий Скорпион пожал плечами и покачал головой. Подняв палец к решетке своего шлема, он вытянул из ножен покрытый пятнами крови ценной меч.

--- Хоть Бехарет и безмолвен, он говорит с нами, и слова его клинка звучат весьма громко, --- пояснил Морланиат, вызвав стех Архулеша, который кивнул в знак согласия.

--- Конечно, --- подтвердил Жалящий Скорпион. --- Я уложил тринадцать из них, но не смог сравняться с тобой. За тобой --- восемнадцать, так ведь?

Бехарет кивнул.

--- Посмотрим, у кого результат будет больше, когда люди будут изгнаны с Алайтока. Думаю, я смогу даже опередить тебя к этому времени.

--- Счет будет крупным, люди пришли с значительными силами, полногу гля на каждого из нас, --- заверил свой отряд экзарх.

Задавшись о будущиx смертях, отряд утолк. Морланиат позволил себе

немного повспоминать о своих последних
убийствах, в то же время не сводя взгляда
с хрустального экрана, который показывал
положение «Волновой Змеи». Наряду со
многими другими отрядами Скрытая
Смерть опустилась на несколько уровней
ниже главной населенной зоны Алайтока,
«Волновая Змея» тчалась вдоль
магистрالی поставок, которая
использовалась обычно для перевозок
товаров из колоний Экзодитов и других
тиров-кораблей в разные части Алайтока.

Эти недра были полностью закрыты,
отделены от пустоты костического
пространства прочными стенами и
полами, а не психосиловыми полями,
которые можно отключить. Слушая
доносящиеся время от времени
комментарии автархов, Морланиат
узнал, что люди были чрезмерно уверены в
своем стремительном штурме, но теперь
продвигались с большей
осторожностью. Это вовсе не делало
их менее опасными. Они соберутся с
силами и будут беспрестанно атаковать,
зная, что на их стороне — численное

преимущество. Нельзя позволить ит
овладеть стоящим плацдармом на
Алайтоке. Если это ит удастся, это
предречет медленную гибель мира-
корабля.

Раздумывая над этим, Морланиат
ощутил, как сквозь каркас «Волновой
Змеи», который соединился с Бесконечным
Круговоротом пульсацией психической
энергии, пробежала рябь. Он почувствовал,
как к его мыслям прикоснулся другой
разум, и тут же узнал Тирианну, вспомнив
ощущение, оставшееся от ее посещения
храма. Через психическую связь
Морланиат чувствовал титаническое
присутствие других эльдаров: экзархов и
командиров отрядов Стражников, пилотов
транспорт и стрелков орудий
поддержки. Все они на мгновение
соединились.

Враг продвигается вдоль Родника
Несравнимых Судеб. Пройдите с ними алой
тропой, отбросьте их назад к десантным
судам. Затем последовал ряд
подрагивающих изображений: Имперские
солдаты возводят примитивные

баррикады, маленькие, на одного солдата, шагоходы, продвигаются по неосвещенным коридорам, лучи прожекторов пляшут на изогнутых стенах, офицер с пистолетом в руке кричит на своих солдат.

Она исчезла, оставив лишь ментальный след в разуме Морланиата. Экзарх связался по коммуникационному каналу с пилотом «Волновой Эмел» Лауренетом.

— Доставь нас поближе к ним, и когда мы продолжим путь пешком, прикрывай нас огнем, — сказал он водителю.

— Понимаю, экзарх, — ответил пилот. Телеметрический дисплей возле Морланиата показал схему трубопроводов и туннелей под доками. На перекрестке неподалеку от места, которое они видели в послании Тирианны, вспыхнула ружа. — Это пойдёт, экзарх?

— Это пойдёт, оттуда потянется кровавый след, когда мы пойдём в тени Кхаина.

В подповерхностных уровнях доков разгорелась смертельная схватка между воинами Алайтока и вторгшимися

людьми. Имперские силы отчаянно стремились захватить плацдарм, на который они смогли бы доставить свою тяжелую технику. Флот Алайтока нанес серьезный урон транспортному флоту противника, который пытался доставить подкрепления в зону высадки, так что, возможно, лишь одному из трех людских кораблей удалось добраться до внешнего края тира-корабля, но, несмотря на это, усилия врага не ослабевали. Горящие суда, обломки и трупы, число которых все прибывало, удерживаемые искусственным полем тяготения Алайтока, кружились вокруг доков по разным орбитам.

Эльдари держали оборону на большом, напятинающем ступицу колеса перекрестке между тремя транзитными дорогами из доков к пересечениям центральных магистралей. Люди продвигались по гвум сводчатым туннелям, перебегая от одной стрельчатой арки к другой, иногда используя горы трупов своих соратников как прикрытие. Стреляли они не очень бойко — к тому времени, как им удалось

сократить расстояние между собой и альдарати, их оставалось так немного, что их быстро ликвидировали Стражники. На уровнях над и под этим, слева и справа велись такие же перестрелки.

— Они бьются как безумные, не считаясь с риском, такую цену платят фанатики, — прокомментировал Морланиат своему отряду, когда они наблюдали за тем, как одетые в серое солдаты безрассудно идут в атаку навстречу граду ракет, выпущенному несколькими отрядами Темных Жнецов. Рядом со Скрытой Смертью, несколько поодаль от идущей схватки располагались другие отряды Жалящих Скорпионов, а также Воющие Баныши и Варповые Пауки в готовности выдвинуться вперед, чтобы предотвратить любой прорыв или контратаку противника. Время от времени «Волновая Змея», парящая позади, выпускала из своих звездных пушек потоки плазмы, которые, мерцая, исчезали в сумраке перехода.

— Применение значительных сил —

это не тактика, это значит швыряться
солдатами, как пулями, относиться к ним,
как к неограниченному запасу, ---
продолжал экзарх. --- Они делают смерть
бесстысленной, каждая жизнь становится
просто статистической величиной,
которую никто не принимает во
внимание. Они используют молот, чтобы
бить по бесформенному туману,
уничтожать лишь воздух.

Хотя Алайток не мог удалитъ воздух
из этого сегмента, мир-корабль не
позволял людям продвигаться
беспрпятственно. Свет тускнел и
менялся от яркого полуденного сияния к
вечернему полутраку, ослепляющая
близна стнялась полной тьмой.

В стенах струилась энергия
Бесконечного Круговорота, где-то на
периферии сознания Морланиат ощущал,
как пульсирует там, внутри, энергия души.
В царившей суматохе в рядах противника
возникали призраки, короткие психические
иллюзии, насылаемые, несомненно,
провидцами: буйные, объятые огнем
чудовища, рыдающие человеческие

матери, которые баюкали младенцев в
окровавленных пеленках, стаи машущих
крыльями гигантских ос, мерцающие
фонари с визжащими лицами людей.
Стиснутые стенами мира-корабля
противники не имели никакого
представления о времени и не понимали,
сражаются ли они мгновение или целую
жизнь, у эльдаров же не было таких
сомнений, поскольку они подсознательно
настраивались на внутренние ритмы
Алайтока.

Эта акция устрашения возымела
лишь ограниченное воздействие на людей.
Время от времени один из солдат не
выдерживал и с воплем убегал с поля боя,
но чаще сквозь шум прорывались крики
командиров, подстегивая солдат идти
вперед. Морланиат видел, как человек в
мантии с лысой головой, подняв книгу в
правой руке, что-то вещал, переходя на
крик, и его наиздания удерживали солдат
на местах, несмотря на чудовищные
потери. Офицеры, в фуражках, со
значками в виде черепов, с трачными
лицами насаждали дисциплину более

жестокими методами, угрожая своим
воинам пушечными, когда те трусили.

— Их вера — лишь видимость, за
которой — сплошные трусы, ими
управляет в большей степени страх, чем
ненависть, — высказался Морланиат. —
Поверхностная ненависть, притворно
добродетельный гнев — это не стимул для
войны. Наши ненависть и ярость чисты,
это нетленный дар Кхаина, подлинная
сила духа. Не жалейте этих глупцов, они
не в состоянии научиться ничему новому.
Любое сострадание напрасно. Их смерти
бесмысленны, никто не считает потерь,
никто не обращает на них внимания. Их
жизни бесцельны, короткие промежутки
времени, которые быстро исчерпываются.
Никаких правильных устремлений, лишь
страх и негодование, разум, наполненный
пустыми размышлениями.

Как ни грубы были методы людей, они
неудержимо прогвизгались вперед, давя
абсолютным численным превосходством и
неукротимой воинственностью. Автархи
признали это, когда Архатхайн в
очередной раз связался с экзархами и

командирами отрядов Стражников.

--- Новая волна войск приближается к посадочной зоне людей. Нельзя допустить, чтобы эти подкрепления поддержали наступление. Отбросьте людей назад к их кораблям и уничтожьте.

Ментальный посыл из Бесконечного Круговорота привлек внимание Морланиата к округлому отверстию в изогнутой стене позади. Его крышка на глазах словно растаяла, открыв узкий, но доступный для прохода туннель, который пролегал вдоль главного коридора.

Эретайллин и ее Воющие Баньши уже оказались у входа в туннель, они поочередно ныряли в него, склонив головы в грибастых шлемах. Морланиат и Скрытая Смерть последовали за ними так быстро, как позволила их более тяжелая броня, и туннель за ними вновь закрылся, погрузив проход в полумрак. Психическая энергия светилась в кристаллических волокнах в стене, и при этом колдовском свете два отряда быстро продвигались по туннелю. При этом не было никакой необходимости угадывать расположение

противника в параллельном коридоре, Алайток приведет их именно туда, где они нужны.

Пригнувшись, Воющие Баньши легкой поступью неслись по туннелю, их силовые мечи отбрасывали голубой отсвет на белые, как кость, доспехи. Морланиаты не видели, как они убежали все дальше и дальше вперед, пока свечение их оружия и глаз не стало всего лишь быстро удаляющейся дыткой.

Туннель мягко изгибался вверх, уходя от главной магистрали, по которой наступали люди. Экзарх Жалаящих Скорпионов предположил, что их выведут к зоне высадки, но из осторожности направил послание Архатхайну.

— В темное сердце врага, невидимый смертельный удар — такова наша новая цель? — спросил он. Не прошло и нескольких мгновений, как Архатхайн ответил.

— Противник окажется между роком и смертью, ему не вырваться. Новые подкрепления вот-вот придут, не позволяйте им присоединиться к идущему

наступлению.

Свечение впереди вновь становилось все ярче, и вскоре Жалящие Скорпионы увидели лазурные пляшущие клинки отряда Воющих Баньши, которые припали к земле перед очередной дверью, дожидаясь, в соответствии с приказом, следующего за ними отряда.

--- Сила --- в нашем единстве, вместе мы сразимся и прославится победой, --- сказала Эретайллин.

--- Вместе с Девами Судьбы будут сражаться Скрытая Смерть, рок и траг --- вместе! --- устехнулся Морланиат.

Они ожидали в молчании, не сводя взглядов с закрытой двери. Топот ног в сапогах, доносившийся из-за двери, отдавался по туннелю гулким эхом, время от времени к нему добавлялась гортанная человеческая команда.

Дверь туннеля раскрылась, и аспектные воины вылетели наружу, паля из пистолетов.

Они оказались в самой оболочке Алайтока, огромный куполообразный проход был полон людей. Тупоносые

десантные суда припали к изогнутым
звездным причалам, воздух был наполнен
мерцанием от охлаждающихся
двигателей. Десятки людей спускались по
пандусам из этих штурмовых судов,
совершенно не готовые к этой внезапной
атаке.

Когда человек перед ним упал,
получив в затылок залп сюрикенов,
Морланиат увидел, что Аранарха и его
отряд атакуют из-под наружной стены.
Барновы Пауки материализовались
прямо среди врагов, и их смертоотряды
рвали противника на куски целыми
отрядами. Сверху меж изогнутых стрел
погрузочных кранов спускались
Пикирующие Ястребы, под ними с яркими
многоцветными всполохами рвались
плазменные гранаты, а их лазблестеры
испускали струи белой смерти в
бестолково носящихся людей.

Больше не отвлекаясь на мысли о
других отрядах, Морланиат, изогнув
запястья, снес голову Имперскому солдату.
Один из офицеров в фуражке, вопя что-то
бессвязное, поднял на него кулак в

потрескивающей энергией механической перчатке. Экзарх отсек эту руку у локтя, и силовая перчатка со звоном штыкнулась о землю. Из офицерского пистолета вылетел град лазболтов и, поразив Жалящего Скорпиона в правую сторону груди, оставил дымящиеся отверстия в его броне. Разозлившись, он изогнул руку и направил Зубовный Скрежет в другой локоть офицера, оставив его буквально разоруженным. Офицер рухнул набок, все еще крича и пытаясь ногами в безнадежном сопротивлении. Морланиат прикончил его из тангидбластеров, прошив лазерными лучами позолоченный нагрудник противника. Все это заняло меньше трех мгновений.

Человек, согнувшийся над жужжащим аппаратом, с ужасом поднял глаза на Морланиата, который вырос над ним, он прижал к уху чашеобразное устройство, к которому вела спиральная проволока. Зубовный Скрежет пронзил поднятую руку человека и застрял в его черепе, окатив кровью шипящий электрический ящик. Морланиат, выпустив меч из одной руки,

наклонился, поднял устройство и прижал его к слуховому отверстию шлема. Прерываемая атмосферными помехами, в ухе экзарха зазвенела металлом бессмысленная человеческая речь.

В секторе шесть нас стяли -- во имя священных иссохших гонимых Императора, нам нужны боеприпасы -- вы видите, что они сделали с капитаном? Это он вон там? Куда делось остальное? -- Оставайтесь на позициях, подкрепления приближаются -- Дверь не открывается, Командующий. Она поглотила сержанта Лустера -- Повтори еще раз, капрал, сообщи свою позицию -- Подкрепления на подходе, Аста...

Морланиат бросил приемное устройство и окинул взглядом широкий ангар. Несколько горсток людей еще держалось, защищая свои шаттлы до последнего солдата. Его отряд находился слишком далеко, чтобы вмешаться, к тому мгновению, как Скрытая Смерть доберется до десантных судов, там уже никого не останется. Глядя, как Аранарха со своими воинами осаждают один из

итурмовых кораблей, он почувствовал укол зависти.

--- Подкрепления противника достигли доков, --- объявил Архатхайн, --- всем подразделениям отступить в Купол Полночных Лесов. Не вступайте в соприкосновение с противником, отступайте немедленно.

Морланиат был сбит с толку. Ангари и стыковочные платформы были в руках эльдаров. Тяжелое вооружение поднималось по пандусам. Любой противник, будь он достаточно безрассуден, чтобы сесть прямо в зубы эльдарских отрядов, будет стерт с лица Алайтока, как только его нога ступит на поверхность тира-корабля. Он повернулся к мерцающему одностороннему полю, которое защищало вход в док. На фоне звездного полога не было видно никаких признаков приближающегося флота.

Лишь несколько ярких огней плазменных двигателей говорили о скором появлении пресловутого подкрепления. Морланиат не понимал, отчего столь малочисленные силы встревожили

автархов.

Доки сотряс громоподобный удар, когда напоминающий торпеду корабль с носовым обтекателем, окруженный красной дымкой энергии, пробил их внешнюю стену слева от Морланиата. Еще два корабля врезались в Алайток по обе стороны от первого, так что по всему ангару разлетелись потрескавшиеся обломки стены. В углублениях вокруг носовых обтекателей ярко вспыхнул свет, и Морланиат, предугрежденный инстинктом, тут же бросился на землю. На ангар обрушился шквал ракет, и его заполнили огонь, дым и оглушительные разрывы, которые беспощадно косили альдаров. Взрывы боеприпасов разнесли на клочки десантные суда людей, и в ангаре забушевал адский ураган шрапнели.

Вскочив на ноги, Морланиат проверил состояние своего отряда. Архүлеш прижал руку к госнехам, которые рассек глинный разрез, небольшие трещины и царапины появились на госнехах остальных членов отряда, но

серьезных ран не было. Этого нельзя было сказать об остальных подразделениях эльдаров. Дорожки были усеяны безвольными телами Стражников, остатки их тяжелого вооружения шипели искрами. Отряд Эретайллин находился близко к стене, и теперь по полу ангара были разбросаны окровавленные доспехи, изорванные пряжки грибастых шлемов. Воющих Баныши парили вокруг их трупов.

Куда бы ни посмотрел Морланиат, всюду он видел мертвых и умирающих эльдаров.

Его взгляд вновь вернулся к трем светящимся ракетам, которые выступали сквозь стену, окруженные дымовым облаком. Хотя и опаленные огнем, они были выкрашены в белый и красный цвета. Носы кораблей одновременно разделились на четыре сегмента, напоминающие лепестки, и раскрылись, обнажив суровую белую изнанку. Нижний лепесток опустился вниз как пандус, и ошеломленный ракетными взрывами док наполнился эхом тяжелых шагов.

Десяток огненных метеоров с

рычанием вырвались из открывающихся амбразур, резко прогретели взрывы, и окровавленные останки эльдарских воинов разлетелись по ангару. С болезненным любопытством Морланиат сосредоточил внимание на одном из таких снарядов, и разглядел миниатюрную ракету размером, по крайней мере, с его большой палец, которая вылетела из поля белого света. Она попала Стражнику в ногу и, прошив тонкую броню, вонзилась в плоть. Мгновением позже она взорвалась, выплеснув обломки кости и кровь, и разограла ногу изнутри.

Морланиату было знакомо это оружие.

Он встречался с ним однажды: это случилось, когда был убит не-Леккаметнон. Воспоминание о его смерти было неприятным, и обескураженный элзарх в замешательстве смотрел на сажающиеся торпедовидные корабли, которые один за другим пробивали стену дока. Но пандусам сбегали воины в тяжелых доспехах, и их оружие извергало ярость.

Цитперские костические десантники!

СМЕРТЬ

В мгновение между ударом меча Кхаина и смертью Эльданеша Азүриан, король-феникс, спустился с небес. Эльданеш спросил, почему эльдары должны умирать. Азүриана рассмешил этот вопрос. Он сказал Эльданешу, что он не может умереть. Отец эльдаров будет жить в душе и памяти своих детей, заново возрожденный в каждом поколении. Пока дети его благоденствуют, Эльданеш будет бессмертен. Когда смерть сжала Эльданеша, и звезды потеряли, Азүриан передал ему последнюю весть. У богов нет потомков, только они могут по-настоящему умереть.

Отступление из доков было быстрым. Напоревшись на молниеносную разрушительную атаку самых грозных творений Императора, эльдары растворились во внутренних коридорах и залах Алайтока. Мир-корабль обеспечивал безопасность их отхода, задерживая

преследующих костодесантников
закрытыми дверями и энергетическими
полями. Подпитываясь энергией
Бесконечного Круговорота, Алайток
перекраивал целые участки своей
планировки, чтобы застопорить
продвижение противника, перекрывая
коридоры и разрушая проходы, чтобы
поставить врагов в затруднительное
положение и отделить их друг от друга.
Когда все было закончено, Бесконечный
Круговорот исчез из доков, деактивировав
кристаллическую сеть и не оставив
противнику никакой возможности
воспользоваться ее энергией или
проникнуть в нее.

Отряд поднялся на борт своей
«Волновой Змеи» в молчании, и
Морланиат почувствовал, как
ошеломлены его воины, осознав, что в
галактике существуют равные им
противники.

— Это не подходящее место, чтобы
встретаться с нашими врагами лицом к
лицу и биться с ними врукопашную, —
сказал он, когда «Волновая Змея»

поднялась и, резко развернувшись, направилась к Куполу Полночных Лесов. --- Мы -- часть целого, один из аспектов Кхаина, неполный сам по себе. Вместе с другими мы будем сражаться, вместе мы гораздо сильнее, это время придет -- и мы одержим победу. Костиционные десантники -- наши заклятые враги, они смертельно опасны, но их так мало. Они сильны телом, не знают ни страха, ни сомнений, и тем не менее их можно убить. Быстрой победы не будет, в этой войне победит тот, у кого воля сильнее. Алайток должен восторжествовать.

--- Противник обеспечил себе много точек высадки за спиной своих лучших воинов, -- прервал ободряющее обращение Морланиата Архатхайн. --- Их численность будет нарастать, и они доставят сюда транспортные средства и тяжелое оружие. Мы не можем позволить, чтобы нас втянули в войну по их варварским правилам, в эти безрассудные лобовые столкновения. Они будут неуклюже преследовать нас, пытаясь нанести тяжелый сокрушительный удар, а

мы должны быть клинком, который наносит тысячу ударов. Мы убили много людей, и должны убить гораздо больше, прежде чем познаем победу. Быстрой дороги назад, к миру и покою, не будет. Настоящая война для Алайтока начинается сейчас.

Экзарх почувствовал, что его последователей одолевают некоторые сомнения.

— Автарх говорит верно: мы сражаемся за выживание, чтобы избежать вытирания. Забудьте о слабости, развейте сомнения, ожесточитесь для битвы. Знайте, отступить некуда, мы сражаемся, защищая свой дом, свое безопасное будущее.

— Костические десантники, танки, бесчисленные солдаты — как можно сражаться против всего этого? — спросил Архулеш.

— Клинком и пистолетом мы сражаемся с теми, кого можем убить, в остальном положись на других. Мы не безоружны. У нас есть собственное оружие, чтобы противопоставить его таким угрозам. Поражение нам не суждено, не от

рук людей, не здесь, и не сейчас. Пусть ненависть будет твоим мужеством, пусть гнев будет твоей защитой, пусть Кхаин позаботится о нас.

Их стяжение постепенно улеглось, пока «Волновая Змея» летела вперед. В молчании они впали в задумчивость, полные решимости подавить поднявшийся страх. У Морланиата не было необходимости в абстрактных размышлениях, для того, чтобы укрепиться в своих убеждениях. У него имелась весьма конкретная причина для того, чтобы испытывать отвращение к костическим десантникам Императора.

Поля вокруг города, испещренные воронками, горели. Тела гигантских тирагонов лежали гыляющимися гругами, их чешуя поблескивала в свете пламени. С неба продолжали сыпаться бомбы, разрушая здания Семэн Алэра. Обугленные труны взлетали высоко в воздух от взрывов плазмы, и крики полыхающих экзодитов сливались с мучительным ревом их стаг.

Экзарх наблюдал за этим опустошением с холма, который возвышался над сельскохозяйственным поселением. Остальные воины в ожидании залегли в оросительных канавах и впадинах.

Он повернулся к ясновидице Алайтарин.

--- Мы прибыли слишком поздно, бойня уже началась. Теперь нам придется пересчитывать мертвецов.

Похожие на рубины глазные линзы ясновидицы уставились на него. Она полезла в мешочек на поясе и вытащила пригоршню рун из прозрачной кости. Поднявшись в воздух с ее открытой ладони, они стали медленно вращаться вокруг ясновидицы.

--- Нам не суждено было защитить их, --- медленно проговорила она. --- Мы не можем предотвратить завоевание этой планеты людьми.

--- Не понимаю, какова же здесь наша цель, если не отбросить их назад?

--- Сюда придет тот, кто станет крупным военачальником. Через одно

поколение он поведет свои войска против флота Алайтока в системе Кхолириан и уничтожит много наших кораблей. Я проследила за нитью его судьбы. Он наиболее уязвим здесь, во время завоевания этого мира. Погаси его свет сейчас, и он никогда не обожжет наш народ.

— Кто же этот великий вождь, угроза будущему, ведь ни один человек не живет так долго?

— Он — не человек, — ответила Алайтарин. Покинув свою орбиту, руны вернулись в ее руку. Она подняла взгляд в небо. — Он придет на стреляющей звезде.

Морланиат и остальные воины Скрытой Смерти проследили за ее взглядом. В небе появились крошечные световые точки и медленно стали увеличиваться. Когда они приблизились, Морланиат разглядел падающие сквозь атмосферу черные корабли, которые поблескивали тепловыми щитами. Экзарх насчитал четырнадцать судов.

Над холмами перед Морланиатом возникли копьевидные тела и стали быстро приближаться: истребители-

перехватчики «Крыло ночи». Из их носов по
снижающимся десантным капсулам
ударил лучи лазеров. Броня большинства
из них выдержала эту атаку, но три
капсулы взорвались, превратившись в
облака огня и обломков, которые сгорели
до дна. «Крылья ночи» развернулись и, вновь
открыв огонь, уничтожили еще две
капсулы.

В сумеречном свете появились более
громоподобные самолеты, из-под крыльев
которых засверкали ракеты — десантно-
штурмовые самолеты противника. Эти
неуклюжие, увешанные вооружением
аппараты своим плотным огнем выдавили
«Крылья ночи» из зоны высадки десанта.

Заметив свое снижение яркими
выбросами плазмы, десантные капсулы
врезались в мягкую почву ферм. Тепловое
облучение затрудняло наблюдение, но
Морланд разглядел белые
крестообразные знаки на их бортах.
Затрещали взрывные задвижки, и на
опаленную почву упали пандусы, по
которым стали выгружаться отряды
громоподобных, одетых в доспехи воинов.

— Этот, — сказала Алайтарин, указав на сержанта отряда, который поднимался по склону холма к пылающему поселению, его отряд плотной группой следовал за ним. В поле зрения Морланиата появилась рүна — символ решенной судьбы, которая заплясала над головой костического десантника. Даже когда он исчез в лощине, рүна выдвигала его местонахождение. — Тебе суждено убить его. Уги сейчас, скорей принеси ему смерть.

Морланиат со своим отрядом направился к горящим зданиям, в то время как другие части эльдаров образовали кольцо вокруг высаживающихся костических десантников. Рүна судьбы, которая постоянно присутствовала в его поле зрения, влекла его вперед. Над опустошенным полем загремели пушечные выстрелы, но он не бросил взгляда назад даже мельком, думая лишь о добыче, которую преследовал.

Окраина поселения была разрушена так же, как и его центр, высокие башни и глиняные здания лежали в руинах. Морланиат обошел группу

полуразвалившихся стен, которые некогда были складом. Из разбитой каменной кладки торчали сглы и переплетенная сбруя. То тут, то там ему на глаза попадалась окровавленная, в липкой грязи рука или нога.

Он не мог понять отношения ясновищицы к происходящему. Ведь этого воина, несомненно, можно было убить прежде, чем началось нападение? Одно дело — расхоронить жизни меньших виков во имя дела Алайтока, и совсем другое — жертвовать эльдарами, даже если они — всего лишь экзодиты. Орбитальная атака могла быть более рискованной, но смотреть в лицо таким опасностям — долг аспектных воинов. Фермеры, лежащие мертвыми в развалинах своих домов, не брали на себя таких обязанностей.

И тем не менее именно ясновищицы могли предсказывать опасности, поджидające мир-корабль, и если таков наилучший образ действия, не ему противиться их решению. Он рад, что ему не приходится иметь дело с

превратностями прорицания. С ясностью
его цели — убить врага — спорить трудно.
Осуществление этой простой цели
приносило ему удовлетворение, а зачастую
— радость.

Его добыча заняла позицию в
развалинах зала заседаний, на заваленном
обломками полу второго этажа. Отряд
вел огонь через разоренные поля, прикрывая
своих товарищей, которые занимали
оборонительные позиции против
наступления эльдаров. Их внимание было
сосредоточено на том, что происходило
снаружи, и они не подозревали, что
Скрытая Смерть заходит на них сзади.

Морлантиат аккуратно перешагнул
через разбитый каменный пандус, стараясь
не задеть ни малейшего обломка.
Опустившись к земле у подоконника
развороченного окна, он вновь направил
взгляд на свою добычу. Сержант стоял,
подняв ногу на край стены, и направлял
огонь своего отряда. В тени развалин были
хорошо видны белая кротка его
наплечников и знак креста на них. Его
грубое лицо освещали вспышки из стволов.

он пристально взглядывался вдаль, через поля.

Кивнув своему отряду, Морланиат проскользнул сквозь остатки окна и бросился через заваленную обрुшенной каменной кладкой улицу, плавно передвигаясь между горящими обломками и дымящимися трупами.

Они преодолели половину открытого пространства, когда сержант внезапно опустил взгляд на левое запястье. Морланиат увидел, как на устройстве, прикрепленном к его руке, быстро мигает красный свет. Затем, как казалось экзарху, костодесантник медленно повернулся в его направлении, поднимая пистолет, чтобы открыть огонь, и открывая рот, чтобы выкрикнуть новый приказ, тогда как его вторая рука поднимала шлем к голове.

Жалящие Скорпионы не нуждались в дополнительных командах. Ринувшись вперед на полной скорости, они влетели на нижний этаж здания, занятого костическими десантниками. Риетиллин и Лордграниц полтались вверх по лестнице, а Морланиат повел Цритирусса.

Эльтруина и Даренгира по рүхнүвшему
полү в центр расположения вражеского
отряда.

Засверкали резкие вспышки
костогесантники обрүшили на
наступающих эльдаров всю ярость своих
болтеров. Даренгира, который оказался на
линии огня, разнесло на клочки, которые
покатились под үклон сломанного пола.
Морланиат швырнул пригоршню
маленьких гранат, каждая из которых
разорвалась, выпустив огненно-белое облако
плазмы, и костические гесантники
попались назад. Он бросился вперед сквозь
рассеивающийся туман, и Зүбовный
Скрежет взрылся в грудь ближайшего
врага. Зүбья заскрежетали, кромсая
выпуклого золотого орла на нагруднике
воина. Костический гесантник повернулся
в сторону чүть не вырвав оружие из рүки
Морланиата. Экзарх пригнулся под
кулаком размером почти с его голову и
сдвинул ногой в живот гесантника, чтобы
вытащить свой меч. Ловко үвернувшись от
бронированного локтя, метившего в его
плечо, экзарх рүбанул Зүбовным

Скрежетом по гибкой броне под левым коленом воина.

Нижняя часть ноги костодесантника ушла из-под него, и он повалился набок, его палец инстинктивно нагадил на спусковой крючок, и очередь болтов исчезла в темнеющем небе. Морланиат всагил острое клинка в лицевую пластину шлема костического десантника, и жужжащие зубья прорывались сквозь ротовую сетку, пока не оттуда не брызнула фонтаном кровь и десантник не застыл без движения.

Что-то врезалось в бок экзарха, и он почувствовал, как ломаются его ребра. Зарывав от боли, Морланиат мгновенно развернулся навстречу новому противнику, описав дугу лазерной струей из тандибластеров. Костический десантник неуклюже взмахнул над головой глиняным кинжалом, и удар пришелся мимо, поскольку Морланиат ускользнул в сторону. Экзарх обрушил на руку десантника три удара, последний из них обрубил ему запястье, и рука с кинжалом упала на залитый кровью пол.

Рука судьбы по-прежнему плясала в

поле зрения экзарха, и он ринулся мимо раненого костюгесантника в атаку на сержанта. Тот, защищаясь, поднял цепной меч, и Зубовный Скрежет отскочил со снопом искр. Изменив подход, Морланиат сделал ложный выпад в живот сержанта, а затем рубанул сбоку по голове. Зубья меча заскользили по округлой поверхности шлема, брызнули осколки брони, но удар не достиг цели, и Зубовный Скрежет отлетел от шлема и наплечника сержанта.

Костирующий десантник нанес удар рукояткой пистолета по левому плечу экзарха. Рука эльгара онемела, и его пальцы выпустили Зубовный Скрежет. Мучительная боль охватила позвоночник, когда он наклонился, чтобы поднять выпавшее оружие. Нога в бронированном сапоге ударила ему в грудь, так что Морланиат полетел вверх, и боль затопила его до последней клетки. Он почувствовал, как от этого чудовищного удара лопнуло его сердце, и легкие наполнились кровью.

Этого не может быть, в

растерянности подумал экзарх. Он кашлянул, и его шлем наполнился кровью. Даже смотреть ему было невыносимо больно, а сержант отвернулся от него с презрительной ухмылкой. Морланиат продержался еще несколько мгновений, чтобы успеть увидеть, как на костогесантника набросился Этрюин.

Как Этрюин, он увидел, как упал его экзарх. Этрюин ринулся вперед, приведя в действие свои мандибластеры, чтобы выжечь сержанту глаза и ослепить его. Его клинок нашел горло костогесантника, прорубив гибкий защитный воротник, мощно вонзился в дыхательное горло и артерии. Из раны хлынула кровь, и сержант, рухнув назад, выпал через окно на землю.

Мишень была поражена, и эльдары отступили в ночь, воины Скрытой Смерти унесли с собой тело павшего экзарха в гонимых.

Морланиат вернулся в настоящее со свирепым рычанием. Таковы извилистые нити судьбы, которые должны были

прослеживать ясновидицы, жизни и души так сложно переплетались друг с другом в запутанном клубке времени. Вот в этом сражении такого хитросплетения преодолеть не придется. Цель проста. Убивай людей и выбрось их с Алайтока. Больше ничего не имеет значения.

В Куполе Полночных Лесов было темно, он освещался только сиянием Мирианатир. Под красноватыми тенями лиандеринов собирались воины Алайтока. Вдоль дорожек рыскали гравитанки, а множество «Волновых Эмей» прибывали и убывали, доставляя отряды на позиции. Эльдары отказались от обороны коридоров доков, понимая, что Имперские костодесантники превосходят их в схватках в непосредственном соприкосновении. Пикирующие Ястребы и Варповые Пауки постоянно тревожили их, набегая и отступая, и увлекали их лесному куполу. Здесь эльдары окажут и решительное сопротивление, имея возможность вести огонь вдоль широких участков, очищенных от деревьев и

кустарников, из лесного прикрития. Каждая лощина станет местом бойни, каждый ручей и луг — могилой для захватчиков.

К Скрытой Смерти присоединились Фиореннан и Литарайн из храта Выпадения Смертельного Дождя — единственные уцелевшие из отряда. Пятерых из них скосили ракеты во время первой атаки костических десантников, остальных накрыли во время зачистки Имперских десантных судов. Экзарх и еще три его воина погибли во время отступления, когда космодесантники принялись теснить эльдаров. Доспехи Аранархи не вынесли с поля боя, и эта утрата легла тяжким бременем на выживших членов отряда.

— Что, если они осквернят его доспехи? — вопрошал Фиореннан. — Что, если они разобьют его катни души? Мы можем потерять его навсегда!

— Зацикливаться на этом неразумно, такая судьба — не редкость, но вовсе необязательно, что это случится с ним, — заверил их Морланиат. — Враг наступает

быстро, не думая о мертвых, на него не обратят внимания.

--- Назло и по неведению они могут причинить ущерб, которого не понимают, --- возразил Фиореннан.

--- Аранарха потерял, по крайней мере, сейчас, и мы не можем изменить его судьбу! --- выматил Морланиат. Разговоры о вечной смерти были не по вкусу экзарху. Если Алайток падет, тогда все, такие как он, в конце концов, умрут, Бесконечный Круговорот лишат его силы, и Та, Что Жаждет вволю попирует. Он содрогнулся. Ни одно смертное существо его не страшило, даже мерзкие космогесантники Императора, но бесконечная пытка схваченных Великим Врагом --- о такой участи лучше не задумываться.

--- Не приедемте смерть, развейте мысли о поражении, думайте только о победе. Морай-хег была непостоянна, но наше будущее --- в наших руках. Ответственность за создание своей судьбы лежит на нас. Убивать и не умирать, разить и не упасть --- вот цель, к которой мы стремимся.

В молчании Жалаящие Скорпионы двигались меж возвышающихся деревьев к предназначенной им позиции. Пока они скользили меж теней, по широкой дороге плавно проплыл огромный гравитанк «Кобра», вокруг дула его деформирующего орудия играл ореол голубой энергии. При его прохождении трепетала листва и пригибалась трава, хотя он производил не больше шума, чем жужжащая медокрылка. Скрытая Смерть следовала вплотную за «Коброй», пока та не свернула с дороги на чашеобразную поляну, окруженную древними лиандеринами.

Это место было определено также и для Скрытой Смерти. Морланиат быстро осмотрелся вокруг, чтобы получить представление о географии своей позиции. Поляна округлая, с небольшим уклоном, с трех сторон окружена деревьями. Она открывалась в широкую долину, которая вела к докам, вдоль нее и должен будет наступать противник.

Нечто среди деревьев привлекло взгляд Морланиата: большая статуя, переплетенная ветвями лиандерина.

которая смотрела вниз, на долину. Если понадобится, статуя обеспечит полезное прикрытие, в то время как деревья давали достаточное укрытие, чтобы окружить сзади противника, который вступит в долину.

К месту их дислокации продолжали стекаться войска: из-за деревьев на дальней стороне поляны появились два гравецикла «Винера» впереди нескольких отрядов Стражников, одетых в синюю и желтую форму. За ними следовали почти вдвое превышавшие их ростом фигуры, они безмолвно шагали сквозь подлесок, безглазые, куполообразные головы поворачивались то влево, то вправо, выбирая путь вперед: неживые Призрачные стражи. Внутри бронированного корпуса каждого из них был заключен камень души, содержащий сущность эльгара, извлеченный из Бесконечного Круговорота. При виде искусно сконструированных тел Призрачных Стражей Морланиата стали преодолевать мрачные мысли: даже мертвых пробудили, чтобы защищать мир-корабль. Экзарх почувствовал иссохшую пустоту

Бесконечного Крүговорота, которая
исходила от этих дүш, возвращенных к
существованию из мертвых, и это
оставило след горечи в его дүше. Но их
искусственным телам и призрачным
орүдиям, которые они несли, струилась
психическая энергия.

За нити следовала группа проводцев —
три ведьмака с блистающими копьями и
ясновидица с покрытым рүнами
ведьминым клинком.

Наши сүдбы вновь разделяют
ненадолго один пүть.

Морланиат бросил взгляд на
ясновидицу и үзнал Тирианну. Она подняла
в знак приветствия ведьмин клинок.

— Это совпадение или сплетенная
тобой интрига? — спросил экзарх.

У меня не тот үровень, чтобы влиять
на сүждения автархов. У одних сүдбы
тесно переплетены, у других нити сүдеб
никогда не соприкасаются. Мы относимся
к первым. Ты помнишь, где находишься?

Морланиат посмотрел вокруг, вновь
переживая мгновения своих многих жизней
в поиске воспоминания, относящегося к

этому месту. Его взгляд упал на высокую статую эльдара-воина, преклонившего колени перед богиней Ушей и собирающего в кубок ее слезы.

— Я представляю «Дары любящей Уши», — провозгласил он с улыбкой.

Раздалось несколько восторженных возгласов и спонтанные аплодисменты собравшихся. Корландриль повернулся, чтобы посмотреть на свое творение, и позволил себе сполна насладиться работой после ее завершения.

Это — недавнее воспоминание, и тем не менее оно — не ближе и не дальше, чем любое другое. Его бытие охватывает весь Алайток и сотню других миров.

— Я полню ясно, тогда царил разлад в моей душе. Здесь я родился заново, здесь — начало пути, который привел меня в исходную точку. Это — место из прошлой жизни, не более того, в нем нет ничего особенного.

Много новых путей взяло начало здесь. Некоторые из них — светлые, другие

повели в темные места. Твое творение
положило начало этим путям, хотя ты и
не думал об этом. Все мы связаны друг с
другом в великой сети судьбы, малейшее
колебание шелковой нити порождает
сотрясения в бессчетных жизнях других.
Всего лишь несколько дней назад здесь
сидел ребенок, смотрел на твоё творение
и грезил об Уше. Он будет поэтом и
воином, техником и садовником. Но, став
скульптором, он достигнет великой славы,
и, в свою очередь, вдохновит других на
создание прекрасных произведений,
которые переживут многие поколения.

--- Мне не нужно наследие, я ---
неутирающий, вечный воин.

Никто не вечен: ни боги, ни эльдары,
ни люди, ни орки. Посмотри вверх, и
увидишь утирающую звезду. Даже
вселенная --- не бессмертна, хотя её жизнь
протекает так медленно.

--- Что станет со мной, ты
предсказала мою судьбу, смотрела в моё
будущее?

У всех нас --- много судеб, но сбывается
лишь одна. Это не по мне --- заниматься

будьбами отдельных личностей или
заглядывать в наше собственное будущее.
Поверь, ты умрешь так, как жил, и тебя
ожидает не Подлинная Смерть, по крайней
мере, не в обозримом будущем. Твой уход
принесет покой.

— Я испытал много смертей, и
каждую полню хорошо, ни одна не была
успокоительной.

Купол сотряс взрыв, с внешней
стороны тира-корабля над деревьями
поднялся столб дыма — разрывные снаряды
людей пробивали внешнюю стену. Стаи
птиц с криками и щебетом взвились в
темное небо и в смятении принялись
кружить над деревьями. Издалека эхом
доносился грохот болтеров костических
десантников и свист лазерных выстрелов.

— Противник атаковал нас! — голос
Архатхайна в ушах Морланиата
прозвучал тихо, но твердо. — Начинается
очередной бой. Не продавайте задешво
свои жизни, не забывайте об артистизме, с
которым мы сражаемся. Не пришел еще
этот день, когда потускнеет свет
Алайтока.

Скрытая Смерть ожидала, укрывшись под деревьями. Их мечи и пистолеты были бесполезны в кипевшей битве, поэтому воины поджигали, когда враги войдут в лес, где Жалаящие Скорпионы будут превосходить их. Или, как надеялся Морланиат, он получит приказ двинуться по долине, чтобы нанести смертельный удар по силам противника, уже отрезанным остальными частями армии Алайтока.

Архулеш возился со своей перевязанной рукой, Элиссанагрин что-то шептала сама себе. Бехарет припал к земле за стволом дерева, сосредоточенно глядя в нижнюю часть долины, в сторону противника. От Фиореннана и Литарайна исходили волны гнева, которые воспринимали все остальные. Морланиат впитывал в себя ярость, которую вызвала смерть их экзарха, втягивая ее, глоток за глотком, словно свежий воздух.

Людей пока не было видно, лишь беспрестанно сверкали вспышки разрывов. Их артиллерийский огонь превратился в

постоянное громыхание, которое
стеснивалось с грохотом двигателей
внутреннего сгорания и лязгом гусениц.
Над их продвигающимися частями повис
грязный стог, дыт из десятков выхлопных
труб покрывал верхушки деревьев.

Приглушенный звук шагов заставил
Морланиата обернуться. Эскадрон боевых
шагоходов быстро приближался по полю, и
гусиные машины производили не больше
шума, чем пеший эльдар. Раздвоенные
ступни этих тонконогих машин
оставляли в земле мелкие выемки.
Водитель ближайшего шагохода в своей
открытой кабине, заключенной в
мерцающее энергетическое поле,
посмотрел на Морланиата и поднял руку в
приветствии. Кивнув в ответ, эскадрон
наблюдал за тем, как шагоходы перешли
на скачкообразный бег, повернув к наружной
стороне тира-корабля и, направившись к
деревьям, которые тянулись вдоль долины,
развернули оружейные лафеты для
поддержки равновесия.

Рябь разрывов пробежала по левой
стороне долины, все еще на значительном

расстоянии. Проследив за траекториями снарядов, Морландт решил, что орудия, из которых они вылетели, находятся в дальнем конце долины, слишком далеко, чтобы стать реальными целями для его отряда. С нарастающим нетерпением он видел, как колонны людской техники подминали под себя деревья, взбираясь на оба склона, чтобы занять позиции повыше. Во главе колонн громыкали низкие и широкие танки с большими орудийными башнями, каждый раз во время выстрела их крупнокалиберные орудия изрыгали огонь и дым. «Соколы» и «Виперы» без усилий скользили меж деревьями, оставляя без внимания ведущие танки, они вели огонь по лязгающим транспортам, которые укрывались за ними. Взрывы терзали колонны, и танки, развернувшись, застывали на месте, а их башни неуклюже вращались, выслеживая ускользающие цели, пока пехота высыпала из горящих транспортов.

Вдали заискрились прыжковые генераторы Варновых Пауков, которые постепенно окружали высаженную из

транспортёров пехоты. Из-за стен долины
«ткачи гибели» — гигантские версии
«смертопрядов» аспектных воинов —
послали в воздух над долиной огромные
облака моноволоконной проволоки. Как
только смертоносная проволока, настолько
тонкая, что одинаково легко разрезала
ветки и кости, стала снижаться,
Барновые Пауки и «Виперы» оторвались
от противника.

Позади остановившихся танков
появились другие боевые машины,
раскрашенные в красный и белый — цвета
костических десантников. Они дерзко
рванули вверх по долине мимо застрывших
колонн, не обращая внимания на вспышки
«сияющих копий» и визжащие вокруг них
заряды импульсных лазеров. Вместе с
ними появились ударные трициклы,
трехколесные транспорты с тяжелым
оружием в колясках. Вспышки плазмы и
лазеров так и летали между
противостоящими друг другу войсками.
Вперед рванулись танки костических
десантников, подобные передвижным
бункерам, сверкая огнем лазерных. Эльдары

вновь отошли, оставив на склонах холмов пылающие обломки разбитой техники с обеих сторон.

Позади щита боевой техники костодесанта вновь двинулись вперед танки, за которыми шли сотни солдат. Слева и справа под куполом эхом разносились взрывы и прочая какофония войны. Воины Императора давили вперед на широком фронте, в воздухе повисли осветительные снаряды, которые озаряли путь, рев огромных орудий перекрывал скрежет падающих деревьев и треск пламени.

Рядом с Морланиатом с прижатой травой без усилий поднялась «Кобра», вдоль деформирующего орудия сверкали энергетические дуги, отбрасывая на поляну танцующие тени. Ведущие танки костических десантников преодолели почти три четверти пути по долине. Ведя огонь из лазпушек в темноту, по скользящим эльдарам, они поджигали деревья и пропахивали в земле огромные борозды.

Земля сотряслась от громоподобного

гула --- это открыла огонь «Кобра».

Заскрежетал сам воздух, когда деформирующее орудие вошло в его структуру и над ближайшей машиной костических десантников в воздухе возникло отверстие. Эта щель расширилась, превратившись в большую дыру, она вращалась в отражении пурпурных и зеленых молний, а в ее глубине кружился многоцветный вихрь, в котором ярко горели звезды. Даже на таком расстоянии на Морланиата накатил тошнота, он ощутил жжение в катнях души. Прорыв варна тянул из него душу, бестелесные пальцы лезли в уголки сознания, закрытые барьерами, познанными еще в детстве. Ускүшающий шепот и далекий стех эхом отдавались в мыслях экзарха.

Направленная внутрь энергия прорыва варна заставила остановиться танки костодесантников, его гүсеницы тщетно растирали почву, из выхлопных труб валил дым --- водитель давил на газ в бесплодных усилиях восстановить сцепление гүсеничных траков с землей. С

долгим нещадным скрежетом танк поднялся с земли, наклонившись назад, растягиваясь и искривляясь, в то время как брешь в пространство варна открывалась все шире. С танка посыпались закленки и исчезли в ненасытной дыре, за ними тут же последовали измятые остатки оружейных спонсонов. Из верхнего люка вытянуло фигуру в доспехах, бешено вращаясь, она влетела в утробу варна за секунду до того, как танк подбросило вверх и втянуло в спиральный вихрь. С раскатистым громовым треском дыра закрылась, послав ударную волну, которая подхватила ближайший транспорт костодесанта и швырнула его в дерево, вызвав ливень щепок и листьев.

На поляне вновь воцарилась тишина, пока перезаряжалось оружие «Кобры». Не утратив стелости, люди, близкие к безрассудству в своей спешке войти в соприкосновение с противником, продолжали наступление. Услышав завывание летящих снарядов, Морланиат посмотрел вверх и увидел несколько черных предметов, падающих с

мерцающего неба. Их траектория велась
вправо от него, и он следил за их падением,
пока снаряды не исчезли среди деревьев,
после чего загремели сотрясшие землю
взрывы. В небо взвились языки пламени и
дым, среди вспышек и фонтанов грунта
экзарх заметил взметнувшиеся как
листва на ветру тела эльдаров.

Через поляну засверкали выстрелы
лазнышки, они с пронзительным визгом
отскакивали от изогнутого корпуса
«Кобры». Сверхтяжелый танк вновь
приподнялся, из его главного орудия
хлынула энергия. И снова заскрежетала
терзаемая реальность, и с чудовищным
порывом ветра возникла варп-воронка. В
считанные мгновения в энергетический
вихрь засосало полтора десятка фигур в
доспехах и пару бронетранспортеров, там
они истончались, кружась, пока не исчезли
из виду, а разряд психической энергии,
вырвавшись из волнистого края бреши,
раздвоенной молнией вонзился в землю.

Подойдя к статуе, Морланиат
забрался на колено Уши, чтобы обеспечить
себе хороший обзор, и стал осматривать

Долину за грохотом «Кобры». Он чувствовал, что скоро придет время действовать, его раздражало, что он до сих пор остается лишь свидетелем грядущего сражения, ему не терпелось протопить Зубовным Скрежетом кровавую тропу сквозь врагов Алайтока.

Долину завалили обломки техники и труны, но костические десантники забрались высоко на склоны с обеих сторон, и их танки, пользуясь выгодным положением, поливали лес непрерывным огнем. Под этим прикрытием батареи самоходных орудий прогромыхали на позиции, с которых они могли уже достать центр купола. Но меньшей мере двадцать танков, окрашенных в серый цвет солдатской формы, грохотали в направлении Морланиата. Четыре ярко раскрашенных транспорта костического десанта опередили всех остальных и вскоре окажутся возле поляны.

Разминая в предвкушении пальцы, Морланиат собрался было спуститься на землю, когда что-то с треском пролетело сквозь ветви деревьев позади него, и хруст

ломающихся веток перекрыв стоявший
гул. Повернувшись, он увидел, как ствол
дерева изогнулся, а затем треснул под
давлением чего-то невидимого. Земля
слегка дрогнула от тяжелой поступи, и
участок почвы просел, сжатый
чужовищным, но все еще невидимым весом.
Вытянув шею, экзарх посмотрел вверх и
замечил некое мерцающее присутствие,
какие-то смутные очертания на фоне
темно-красного неба купола.

Затерцали голополя, и Морланиат
обнаружил, что смотрит на гигантскую
стройную ногу титана «Фантом» высотой
вполовину лиандерина. Титан выглядел
как исполинское воспроизведение статуи
Эльданеша работы Корлангриля, его
стройные конечности и узкая талия
являли собой совершенство пропорций и
дизайна. При всей его красоте
Морланиата в большей степени
впечатляла безукоризненность технологии
разрушения, воплощенная в титане.
Вместо рук этот гигант обладал гвүтя
превосходными орудиями, каждое из
которых было глиняное гравитанка. С

правого плеча «Фантома» свисал
рифленый ствол сотрясающего орудия, с
левого — копьевидный пульсар.

Из многоствольных установок,
смонтированных на плечах титана, по обе
стороны от купола его головы, рванулся
шквал ракет и окутал вражеские танки
завесой разрывов плазмы. Вокруг крыльев
голополей, которые простирались из спины
«Фантома», затерцал воздух, размывая его
очертания, когда титан сделал
неожиданно изящный для машины его
размеров шаг вперед. Широкая нога с
когтем грациозно качнулась над поляной и
опустилась рядом с «Коброй», ловко избегая
эльдарских воинов.

Слегка согнув одно колено, титан
перевел сотрясающее орудие в боевое
положение и прицелился вдоль левого
склона долины. Даже в доспехах
Морланиат почувствовал, как за
мгновение до этого выстрела вокруг него
сжался воздух. Низкий гул отдался в
животе экзарха, медленно повышаясь до
визга, который сдавил ему горло и
наполнил звоном уши, пока не поднялся за

пределы слуха эльдаров. Он проследил за траекторией звукового импульса по пляске молекул воздуха: перекрывающие друг друга гармонические волны почти невидимой энергии завершились среди наступающих людей. Там, где эта линия коснулась грунта, земля прорвалась трещиной, которая, расширяясь, зигзагообразно бежала по холму. Когда луч проходил по танкам, они, сотрясаясь, разваливались, костических десантников расплющивало в доспехах, солдат, не защищенных броней, разрывало на части дисгармоничной звуковой энергией, струящейся по их телам.

Вновь зазвучал вой, который упал до низкого рокоta — оружие выключилось. Но от «Фантома» не приходилось ждаты передышки: из его наплечных установок рванулись новые группы ракет, а пульсар изверг залп сверкающей лазерной энергии, которая пронеслась по переднему танковому дивизиону, пронзая броню, взрывая двигатели и расплавляя экипажи внутри. «Кобра» выстрелила еще раз, и долина погрузилась в анархию бешеных

вихрей, стелющихся взрывов и непрерывное мерцание пульсара. В ответ завизжали снаряды, которые пронеслись мимо колышущегося образа титана и врезались в деревья за поляной.

Морланиат спустился со статуи, появление «Фантома» погасило его возбуждение от предстоящего сражения. Что за толк от мандибластеров и жгущего клинка по сравнению с ужасающими энергиями, которые применялись сейчас против врага? Он воссоединился с остальными воинами Скрытой Смерти, которые стояли в тени деревьев, наблюдая за бойней, развернувшейся в долине.

— Интересно, кто-нибудь до нас тут дотянется? — спросила Элиссанагрин.

— Нет, конечно, пока наш высокий друг за нами приглядывает, — ответил Архулеш, глядя на титана. — О...

Морланиат увидел, как Титан, очертания которого скрывало мерцающее облако, созданное голополет, уходит. Несколько гигантских шагов, и он исчез за сенью деревьев. Шелестя, «Кобра»

последовала за ним, плавно скользя между толстыми стволами лиандеринов. Ясное дело, их оружие в большей степени понадобилось где-то еще. Морланиат расцвел при мысли о том, что сражение еще не закончено.

Экзарх вновь обратил взгляд в долину. Он увидел фигуры в красных доспехах, которые двигались между дымящимися обломками, и солдат в сером, занимающих позиции в воронках и кратерах, оставленных оружием титана. Хотя тяжелые танки противника были уничтожены, меж разбитых лиандеринов продвигалась новая группа нескладных Имперских шагоходов. В воздухе, по флангам наступающих частей, неслись легкие антигравитационные скиттеры цветов костодесанта.

— Они где-то понадобились, но враги остаются, и наши клинки еще испробуют крови, — сказал Морланиат, размышляя, дожидаться ли вражеской атаки или выдвинуться в долину, чтобы схватиться с противником там. В ответ на эти мысли он почувствовал прикосновение разума

Сирианны.

Архатхайн собирает силы для контратаки вдоль этой оси. Мы ожидаем подкреплений, а затем будем выступать.

--- Подготовьте свое снаряжение, на подходе --- другие воины, скоро мы сразимся, --- объявил экзарх своему отряду.

Они терпеливо ожидали, внимательно наблюдая за захватчиками, которые приближались по долине, более осторожно, чем во время первого наступления. Морланиат видел, как отряды Имперских солдат отрывали оборонительные рубежи на склонах холмов: нагребали землю, чтобы воздвигнуть ограждения для окопов и минометных гнезд, сооружали полукруглые редуты для противотанкового оружия, устанавливали глиняные и тонкие мачты связи для переговоров своих командиров. Было ясно, что они отказались от безрассудной надежды стеснить воинов Алайтока одной атакой и готовились теперь удерживать захваченную территорию.

--- Это ошибочная стратегия, недальновидно в сражении полагать, что

территория имеет значение, -- заметил экзарх своему отряду. Говоря, он указал на растущую систему сооружений. -- Они мыслят прямолинейно, стремятся к крупным столкновениям, принимают во внимание только численность. Мы ведем быстрые боевые действия, наш стиль -- стремительные и гибкие атаки, без привязки к единственному месту. Они надеются, что мы атакуюм, бросимся на их пушки, чтобы выбить их отсюда. Мы будем более терпеливы, у нас есть преимущество. Алайток -- наш дом. Их присутствие мимолетно, оно не может быть продолжительным без пищи и воды. Они защищают остров, оторванные от своих припасов, а мы будем господствовать на морем.

-- Быть может, их атаки где-то в другом месте более успешны? -- спросил Литарайн. -- Они укрепляют свои позиции, зная, что продвигаются на других фронтах.

Морланиат мысленно адресовал вопрос Тирианне. Ясновидица пересекла поляну, чтобы переговорить с экзархом.

напрямую.

--- Мы оставили Купол Постоянной
Бдительности, и люди контролируют
более четверти подъездных путей к
центральной части Алайтока. --- Ее голос
был тихим, а настроение ---
неопределенным. --- Мы все еще
удерживаем купола вокруг ядра
Бесконечного Круговорота. Архатхайн
хочет, чтобы мы вытеснили людей из
этого купола и смогли предпринять
нападение на фланг других частей,
отрезав их от зоны высадки в доках.

--- Противник готовится, ожидание
рискованно, как скоро мы атакуем? ---
спросил Морланиат.

Тирианна ответила не сразу, склонив
голову набок, она общалась с другими
ясновидицами.

--- Контратака почти готова, ---
ответила она наконец. --- Грубые
оборонительные укрепления людей не
будут для нас препятствием. Они думают
только о том, что слева и справа, впереди
и позади. Они все еще забывают о том,
что мы не должны ползти по зем...

Прервавшись, ясновидица обратила свой взгляд на Морланиата. Экзарх знал, что помешало Тирианне, потому что также почувствовал это: возникло ощущение в крови, ускорилось биение сердца.

Приближался аватар.

Его присутствие отразилось в разуме сотен эльдаров, которые стекались на поляну вокруг Морланиата, оно связало их воедино одним кровавым стремлением. Экзарх увидел, как через лес вокруг него продвигаются Стражники и аспектные воины, направляясь в долину. Высоко наверху Пикирующие Ястребы кружили в тепловых потоках, которые восходили от горящих танков, а бомбардировщики «Вампир» с крыльями, подобными изогнутым кинжалам, курсировали взад и вперед в ожидании приказа нанести удар.

На фоне нарастающего подсудного воздействия аватара Морланиат ощутил еще чье-то прикосновение к душе, холодное, и тем не менее пронизывающее и знакомое: прямой призыв к нему, непохожий на жгучий сигнальный огонь присутствия

аватара. В поисках его источника экзарх тщательно встатривался в лес. В тени расколотого ствола лиандерина он заметил пару горящих желтых глаз. Из темноты возник Карандрас, старейший из экзархов Жалящих Скорпионов.

Лорд-феникс вышел вперед, медленно поворачивая голову, он смотрел на каждого из воинов Скрытой Смерти поочередно. Остановившись невдалеке, он встретил взгляд на Бехарета. Морланиат, забеспокоившись, вздрогнул. Неужели Карандрас обнаружил нечто из прошлого Бехарета? Осознал ли лорд-феникс, что он был некогда одним из самых ненавистных врагов Жалящих Скорпионов? Долго смотрел Теневой Охотник, и единственным его движением было танцующее отражение языков пламени в линзах тяжелого шлема, да медленное сгибание силовой клешни. Бехарет был явно встревожен: он ссутулился и крепко сжал в руке эфес цепного меча.

--- Ты присоединишься ко мне, --- сказал Карандрас, повернувшись к Морланиату. Его голос, казалось, состоял из многих,

говорящих вместе, он был глубоким и полным силы. Каждый звук раздавался в голове Морланиата, словно это были его собственные мысли, озвученные кем-то другим. Экзарх медленно выдохнул, из всех сил сохраняя спокойствие. -- Послужим тебе охраной.

-- Это будет для нас честью, Скрытая Смерть готова служить Теневому Охотнику, -- ответил Морланиат, преклонив из уважения колена. Когда его душа соприкоснулась с душой лорда-феникса, Морланиат ощутил, как перед ним открылась огромная глубина, бездонный колодец жизни и смерти. Морланиат был стар, почти столь же стар, как Алайток, и все же тот, кто стоял перед ним, был еще старше.

-- Твой храм послужил хорошо, это -- гордость аспекта Жалящих Скорпионов, -- сказал лорд-феникс, кивком показав воинам Скрытой Смерти, чтобы они следовали за ним в лес.

-- Это -- не мое учение, мудрость исходит от тебя, я -- лишь вестник, --

сказал Морланиат.

— И тем не менее послание может быть запутано, искажено с течением веков, из одних губ — в уши, затем — в разум, и далее — в новые губы. Идеалы Жалющих Скорпионов остаются сильны на Алайтоке. Но так — не везде. Это — к твоей чести.

Лорг-феникс повел их в сторону от остальных, и ощущение присутствия аватара убывало по мере того, как Карандрас продвигался вперед через лес навстречу врагу. За ним следовало расплывшееся пятно тени, и темнота окутывала отряд, даже когда он пересекал тропинки и поляны. Ее завитки задерживались позади них, лаская стволы деревьев, легко касаясь аспектных воинов. Один из них проплыл мимо руки Морланиата, оставив ощущение прохлады. Он пришел из межзвездной тьмы, тени глубочайшей пустоты. Завиток рассеялся в воздухе, и ощущение исчезло.

По лесу разнесся треск ломающихся ветвей и скрип шагов. Слева быстро продвигались три Имперских шагохода.

Они не хватая плавности эльдарских боевых шагоходов, топая на своих конечностях с сервоприводами, они неуклюже раскачивались из стороны в сторону. Высотой они примерно вдвое превосходили Морланиата, и листья деревьев шуршали по откинутым крышкам кабин их водителей. Каждый был вооружен многоствольным оружием, которое поворачивалось назад и вперед, пока водитель внимательно всматривался в лесные заросли в поисках врагов. Из эскадронных выхлопных труб на двигателе за кабиной непрерывно валил дым, оставляя пятна копоти на листве лиандеринов.

Справа тоже донесся топот, который довести Жалющих Скорпионов до приближения еще одного эскадрона шагоходов. Обождав, пока разведгруппы удалятся, отряд продолжил движение к позициям противника.

Карандрас остановил отряд под прикрытием деревьев на расстоянии выстрела от передовых отрядов людей. Присев на корточки в тени, они

наблюдали за тем, как несколько отрядов солдат, развернувшись, вошли в лес, при этом ни один из них не посмотрел в сторону лорда-феникса и его спутников.

Склон долины явил взглядам эльдаров неприглядную картину плодов грубого усердия захватчиков: окапываясь, люди взгрызались как паразиты в плоть Алайтока. Многие солдаты размахивали лопатами и кирками, а их офицеры, стоя рядом, выкрикивали приказы или разносили своих людей. Несколько часовых стояли на страже, но не они привлекли внимание Морланиата.

Перед создаваемой линией обороны расположились тридцать костических десантников, рядом с каждым отрядом находился высокий прямоугольный транспорт. Они держали оружие наизготовку, их головы в шлемах поворачивались с равномерной четкостью, следя за склоном холма и лесом в поисках признаков угрозы. В ближнем конце их шеренги стоял другой шагоход, который отличался своим видом от тех, что прошли мимо них в лесу. Он был почти

так же высок, но гораздо шире, почти квадратный в поперечном сечении, и раскрашен в красный и белый цвета костических десантников. В общем, это был корпус с толстой броней на низких и широких ногах, с двумя массивными плечами, короткая рука справа заканчивалась клешней, окутанной потрескивающей энергией, слева выступало короткоствольное оружие, с которыми соединялись несколько топливных баков, оно походило, как показалось Морланиату, на грубую людскую версию термоядерного ружья, применяемого с аспектом Огненных Драконов.

— Кем мы займемся? — прошептал Архулеш.

Отвечая, Каранграс смотрел вперед, пальцем клешни он указал на костических десантников.

— Самая трудная добыча представляет собой наиболее ценный приз, — заметил лорд-феникс.

— Как мы будем наступать? На этом участке нет укрытий, а наши противники — настороже, — сказал Морланиат.

--- Кое-что... отвлечет их внимание, ---
сладкозвучным голосом ответил лорд
феникс. Морланиат уловил в его словах
юмористическую нотку.

Они ожидали в молчании. Наверху,
вне досягаемости противника, продолжали
медленно кружить Пикирующие Ястребы.
Морланиат ощутил в затылке легкое
давление, мимолетное прикосновение
нематериального. Он знал, что это
остаточный след, побочный эффект
происходящей неподалеку активации
прыжкового генератора Варновых Наук.
Не впервые за свое долгое существование
Морланиат задался вопросом: что за
эльгары становятся Варновыми Наукати,
желающими подставляться под угрозы
варн-пространства. Все экзархи и
аспектные воины таили в глубине души
ожесточенную угрюмость, но Варновые
Науки балансировали на грани
самоуничтожения. Они не только
сознательно шли на риск, у них был
безрадостный взгляд на жизнь, они редко
общались с воинами из других храмов.

--- Будь наготове, --- предупредил

Карандрас, прогнав раздутья Морланиата. Утея некоторое представление о том, чего следовало ожидать, он поднял взгляд в небо. В мерцающем, тусклом свете людских осветительных снарядов с высоты купола пикировали крылатые аппараты. По мере того, как шесть «Вампиров», выстроившись в клин, снижались, в концах их крыльев нарастал свист ветра.

Пролетавшись над головами солдат, «Вампиры» сбросили на них гроздь шаров. Банальных взрывов не последовало: каждая акустическая бомба взорвалась над оборонительными рубежами, извергнув пульсирующие ударные волны. Звуковые волны уничтожали и людей, и укрепления, расширяясь, неосязаемые шары опустошения пронесли по склону холма, породив скрежещущий ураган обломков. Морланиат вигел, как солдат подбрасывало в воздух, срывая форму с их истерзанных тел. Те, кто оказались на внешнем краю акустических извержений, попадали наземь, кровь струилась из их ушей, глаз и ртов, сочилась из пор кожи, была фонтаном из разорванных

кровеносных сосудов.

Когда по завершении бомбардировки стали снижаться Пукирующие Ястребы, костические десантники развернулись к ним, подняв болтеры навстречу летящим саспектным воинам. Выскочив из укрытия, Каранграс потчался к противнику вглубь гребня холма. Морланиат бросился за лордом-фениксом, остальные воины Скрытой Смерти следовали за ним по пятам.

Стрелок костических десантников, сидевший в верхнем люке одного из бронетранспортеров, засек Жалящих Скорпионов и развернул свой двуствольный болтер. Навстречу отряду понеслись яркие вспышки разрывных болтов. Два из них промелькнули мимо Морланиата, и он услышал крик боли. Оглянувшись, он увидел, как корчится на земле Элиссанагрин, без правой руки пониже плеча, с зияющей дырой в груди. Пенящаяся кровь, осколки кости и фонтанирующие перебитые артерии в ее ранах за одно мгновение отпечатались в памяти экзарха. С воєм пронеслась мимо очередь

болтов. Нет времени на навешного воина. Экзарх ринулся за Каранграсом, и его вспыхнувшая ярость, пробудив Зубовный Скрежет, моментально вывела меч на полную скорость вращения.

Рванувшись вправо, Каранграс набросился на ближайшее подразделение костических десантников. В два шага Морланиат взлетел по наклонной лобовой части бронетранспортера с жалящим клинком в вытянутой руке. Не сбавляя шага, он пронесся мимо стрелка, а стрекочущие зубья меча пролетели сквозь шею костодесантника, залив густой кровью белый корпус боевой машины. Смерть Элиссанагрин отомщена — и волна возбуждения и восторга пронеслась по телу экзарха, который, пробежав по решетке двигателя, прыгнул вниз, чтобы присоединиться к своему отряду.

Четыре костических десантника лежали у ног Каранграса, их доспехи были разрублены его мечом и разбиты силовой клешней. Мандибластеры лорда-феникса сбили с ног пятого противника, обрушив на него потоки пульсирующей зеленой

энергии, которые разнесли вдребезги его доспехи.

Скрытая Смерть присоединилась в схватке к своему лорд-фениксу, и громко запели боевую песнь их пистолеты, и заскрежетали ценные мечи. Болт со вспышкой пронесся мимо Морланиата, яркое пламя его метательного заряда чуть не ослепило экзарха, но линзы его шлема поляризовались, чтобы исключить повреждение зрения. Инстинктивно пригнувшись, он обернулся и, сделав выпад, нанес удар Зубовным Скрежетом по защищенной броней ноге. Смазанная красная фигура качнулась назад справа от него. Морланиат ринулся вперед, направив острие жалящего клинка вверх, и рубанул по тяжелому наплечнику костогесантника. Зарывав, экзарх выбросил из головы внезапно нахлынувшее воспоминание о смерти не-Леккатемнона.

— Уничтожьте захватчиков, дайте волю своему отращению, и пусть потечет алая река!

Морланиат ринулся на врага, паля из тандибластеров по глазным линзам

костогесантника. С ревом экзарх нанес удар мечом по животу противника, разрубив трубки и кабели и вызвав фонтан электрических искр. Десантник взмахнул болтером, словно глубиной, но Морланиа поймал его бронированной гардой своего меча. Сила удара отбросила экзарха на три шага назад, но он мгновенно восстановил равновесие и прыгнул вперед, нырнув под вытянутую руку костогесантника. Зубовный Скрежет провел борозду через ребристую броню, которая защищала открывшуюся подмышку воина. Кровь хлынула из разрубленной артерии на ногу Морланиата, когда он развернулся за спиной гесантника.

С криком экзарх вонзил жалящий клинок в клапаны силового ранца костогесантника. Разрушенные энергетические элементы выпустили свое содержимое дугой голубоватого света, которую продублировали шквалом лазерного огня мандибластеры экзарха. Из поврежденных госпехов костического гесантника с шипением вырывалась

охлаждающая этульсия, поднимаясь облаком и замерзая на левой руке Морланиата. Тонкий слой ледяных кристаллов осыпался на пол, когда он отбел меч назад для последнего удара. Костирующий десантник, накренившись, повернулся навстречу удару, и оружие Морланиата, пронзив шлем, снесло ему верхушку черепа. Когда он рухнул наземь, экзарх дал очередь из тангибластеров по вскрытому черепу врага, превратив его в мозг в дымящуюся серую жижу.

Над экзархом нависла тень, и он увидел возвышающуюся над собой глыбу — шагоход костических десантников. Металлическая тварь занесла для удара свою увесистую лану, меж глинных ногтей которой потрескивала энергия. Экзарх поднял Зубовный Скрежет, чтобы парировать атаку, понимая, что у него не хватит сил отбить такой удар.

Что-то сильно ударило экзарха в бок, вытихнув его из-под опускающейся клеши, оплетенной молниями. Морланиат откатился в сторону, а между ним и шагоходом оказался Бехарет за мгновение

до того, как когти нанесли удар, они откололи часть шлема аспектного воина и отсекли от тела его левую руку.

Каранграс прыгнул через Бехарета, когда тот упал, и его силовая клешня проскрежетала по броне шагохода, оставив в ней глубокие борозды. Морланиат схватил порыв вытащить Бехарета в безопасное место, вынуженный ему лордом-фениксом, и ему не оставалось ничего другого, как поступить именно так. Взяв зубовой скрежет в левую руку, он схватил Бехарета за оставшееся запястье и вытащил его из-под когтистой ноги шагохода. Кулак шагохода попал Каранграсу в живот, и светящиеся пальцы вышли из спины лорда-феникса.

Морланиат глядел в лицо лежащего на спине Бехарета, это было почти зеркальным отражением их первой встречи. Глаза Жалящего Скорпиона смотрели на экзарха, словно из ярко-красной кровавой маски. В этом взгляде Морланиат увидел ненависть и гнев аспектного воина, но в то же время он почувствовал нечто под его боевой маской.

Экзарх понял, почему Каранграс пожертвовал собой, чтобы спасти Бехарета.

— Ты должен выжить в этой войне, иди по Пути дальше, обрети покой, которого ты жаждешь, — прошептал Морланиат. — Борись с драконом в себе. Докажи, что Путь — верен, что Кхаин не облагает нами!

Бехарет хлопнул ладонью по руке Морланиата, словно желая сжать ее. Откинувшись назад, он с трудом ловил ртом воздух, не сводя с экзарха взгляда.

— Я сделаю это, — еле слышно проговорил Бехарет искаженными болью губами.

Кивнув, Морланиат повернулся к шагоходу, который с грохотом топал за остальными воинами Скрытой Смерти, отступавшими по косогору. Вглядываясь в разбитые трубопроводы и выхлопные трубы, выступающие из его спины, экзарх сделал пару шагов вслед за механическим монстром и остановился. Его взгляд был прикован к телу Каранграса, который лежал прямо перед ним. Доспехи лорда-

феникса распороты от живота до горла, но нет ни пятен крови, ни разогранных внутренних органов. В отверстии кружилась галактика, пятнышки света вращались вокруг ярко блистающей центральной части, и каждое из них — душа Карандраса.

Морланиат был зачарован. Сердце словно переместилось куда-то в основание черепа, откуда шли его слабые удары. Они становились сильнее по мере того, как он приближался к изуродованному телу Карандраса, притягиваемый все ближе неодолимой инстинктом, наполненный таким же стремлением, вынуженным извне, как это было, когда он тащил Бехарета в безопасное место. Он уже не контролировал собственное тело, и отстраненно наблюдал за тем, как Морланиат встал на колени возле навшего лорда-феникса, влекомый все глубже и глубже кружащимися огнями. Зов Кхаина становился все сильнее, он ревел в ушах Морланиата под барабанный бой сердца.

Протянув руку, он коснулся сияющих звезд.

Морланиат почувствовал, как его
рывком извлекли из слабой материальной
оболочки, все его части: Морланиата
Первого, Скрытую Смерть; Удсресаила,
Мечтателя; Леккатемнона, Обреченного;
Этрүина, Мрачного Шүтника;
Элидхнериала, Рыдающего; Нерүидха,
Прощающего; Ультераниша, Дитя Ультве;
Корлангриля, Художника.

Не-Корлангриль был всего лишь
атомом в звезде Морланиата, а
Морланиат --- лишь звездой в целой
галактике, которой был Каранграс.
Бессчетные сущности, бесконечные голоса
медленно плыли вместе.

Души воинов со всей галактики,
рожденных на всех мирах-кораблях во все
века, и части душ, из которых они
состояли, и воспоминания о других душах,
что прикасались к ним, вытягивались
далеко в бесконечность вселенной,
связанные друг с другом, сведенные вместе
в одном этом теле.

Разделившись на части, Морланиат
стал этими частями, и каждая из них

постепенно исчезала в сиянии сущности
лорда-феникса. Их приветствовала
тишина костоса. Не для них жизнь-в-
смерти Бесконечного Круговорота. Не для
них разрушительное воздействие Той, Что
Жаждет. Здесь они закончатся, воистину
и навсегда. Только Каранграс продолжал
жить. На мгновение Корлангриль снова
ожил, и затем исчез.

Покой.

Он прятался за обвалившейся аркой
старого храма, обнаженный, трепеща от
холода. Голод терзал его изнутри. Руки и
ноги дрожали от слабости, дыхание с
хрипом вырывалось из горла.
Пulseирующая боль внутри, в сердце и
голове, мучительные страдания, о
которых он никак не мог забыть, и это
было гораздо хуже, чем любая физическая
боль.

Шаркнула нога по пыльному камню, и
он отпрянул еще глубже в тень, отчаянно
ища глазами, куда бы сбежать. Бежать
было некуда, он — в ловушке. Сквозь слезы
он увидел силуэт на фоне света, падавшего

в храм снаружи.

--- Не бойся, --- произнес незнакомец тихим, но сильным голосом.

Он оставался недвижим, как мертвец, сдерживая дыхание. Чужак легким шагом пересек заваленный костями пол храма, его зеленая мантия ниспадала свободными складками за спиной. Глаза незнакомца были не похожи на все, что ему приходилось видеть раньше. В них не было ни ненависти, ни вожделения, ни ревности, ни злобы.

Он вздрогнул, когда незнакомец протянул ему руку, и отползал назад, пока его спина не прижалась к холодной стене. Прятаться больше негде. Незнакомец улыбнулся, но в этой улыбке не было вожделения, которое обычно связывалось с улыбкой в его сознании.

--- Как тебя зовут? --- спросил незнакомец. У него был низкий, спокойный голос, ни визгов, ни крика.

--- Карандрас, --- прошептал он в ответ, едва слышно.

--- Карандрас? Это хорошее имя, сильное имя.

--- Чего ты хочешь от меня?

--- Я хочу помочь тебе.

--- Куда ты хочешь меня забрать?

Другие хотели взять меня в темную пещеру, но я убежал. Я испугался.

--- Ты правильно испугался. Другим нельзя доверять.

--- Доверять?

--- Я научу тебя доверию. Это хорошая вещь. Пойдем со мной, и я многому тебя научу.

--- А чему я научусь?

--- Ты научишься не бояться. Ты узнаешь про счастье, и спокойствие, и равновесие. Хочешь научиться этим вещам?

--- Не знаю... А что они такое?

--- Они -- то, что вновь сделает нас сильными.

--- Ты научишь меня, как прятаться?

--- Больше не осталось мест, где можно спрятаться.

--- А я буду с тобой в безопасности?

--- Безопасности нет нигде.

Карандрас поразмыслил над этим.

--- А ты защитишь меня?

--- Даже лучше, я научу тебя, как защищаться. Я научу тебя, как сражаться.

Протянув руку, Каранграс нерешительно обхватил предложенную ладонь. Незнакомец сжал его руку крепко, но ласково. Он позволил, чтобы его подняли на ноги, и его голова оказалась на уровне груди чужака.

Он повернулись к двери и зашагали к свету, рука Каранграса была в руке незнакомца.

--- Куда ты идешь? --- спросил мальчик.

--- Туда, где ждут мои друзья. Туда, где ты сможешь научиться, как драться, как противостоять врагам тела и духа.

Они подошли к растрескавшимся входным ступенькам, от резкого света Каранграс затормозил, и глаза его наполнились слезами.

--- Кто ты? --- спросил он.

--- Я --- Архра. Я --- твой новый отец.

Белизна исчезла, уступив место краскам жизни и смерти. Каранграс поднялся на ноги, доспехи помогли затянута ране, через которую

улетучивалась его энергия. Лорд-феникс опустил взгляд на пустые доспехи эхзарха, который дал ему эту новую жизнь. Он не чувствовал ничего от эльдара, которым был. У него не было никаких других воспоминаний, кроме собственных. Не было другой души, кроме той, с которой он родился.

Он был Каранграсом, и только Каранграсом.

Он огляделся по сторонам, оценивая идущую яростную битву. Воины Алайтока бились отчаянно и вытесняли людей из купола, но судьба их тира-корабля еще далеко не решена. Нагнувшись, Каранграс поднял свой ценный меч, и приободрился, почувствовав его в руке. Жалящие Скорпионы, которые ранее присоединились к нему, отступали назад в лес, унося с собой двоих раненых. Повернувшись к ним спиной, лорд-феникс направился за убиавшим его имперским гредноутом. Его охватило возбуждение возмездия.

Еще одна война, еще одна смерть. Такова его судьба, до самой последней

битвы, Рана Дандра, когда закончится все.

ОБ АВТОРЕ

Гэв Торн многие годы носится по вселенным «Warhammer» и «Warhammer 40 000» и как автор, и как разработчик игр. Он происходит из логова жалких преступников, именуемого Ноттингемом, и осуществляет оттуда регулярные вылазки, чтобы развязать кровопролитие и учинить хаос. Он делит свое пристанище с Деннисом, психованным аугментированным хомяком, который в настоящее время планирует низложение правительства небольшой южноамериканской страны.

Ранее Гэв выпустил, среди прочих, полюбившиеся поклонникам романы «Ангелы Тьмы» и эпическую трилогию «Раскол».